

ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КОЛЛЕКЦИИ К. З. КАВТАРАДЗЕ ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
ARMENIAN CULTURAL ARTIFACTS K. Z. KAVTARADZE'S COLLECTIONS FROM THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КОЛЛЕКЦИИ К. З. КАВТАРАДЗЕ
ИЗ СОБРАНИЯ РОССИЙСКОГО
ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ARMENIAN CULTURAL ARTIFACTS

K. Z. KAVTARADZE'S
COLLECTIONS FROM THE RUSSIAN
MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

*Издание осуществлено при поддержке гранта ՀՀԳՄՄՆԴՄԺ-010
Министерства образования, науки, культуры и спорта Республики Армения*

*The publication has become possible by virtue of the Grant ՀՀԳՄՄՆԴՄԺ-010
from the Ministry of Education, Science, Culture and Sports of the Republic of Armenia.*

*Рекомендовано к печати решениями Ученых советов
Российского этнографического музея и
Института археологии и этнографии НАН РА*

*Recommended for publication by the resolutions of the Scientific Councils
of the Russian Museum of Ethnography, Saint Petersburg, and of the Institute of Archaeology
and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia*

Рецензенты:

*Л. А. Абрамян, член корреспондент НАН РА
Т. С. Далалян, к. ф. н., заместитель директора ИАЭ НАН РА*

Reviewers:

*L. H. Abrahamyan, corresponding member of the NAS RA
T. S. Dalalyan, PhD, Deputy Director, IAE NAS RA*

УДК 39(=19):94(479.25)(08)
ББК 63.5(5Арм)+63.3(5Арм)я2
П 159

П 159 Памятники армянской культуры. Коллекции К. З. Кавтарадзе из собрания Российского этнографического музея / Автор текстов, автор-составитель каталога: Л. С. Гуцян. – Ер.: Издательство ИАЭ НАН РА, 2022. – 204 с., илл.

В настоящей книге публикуются экспедиционные материалы по традиционной культуре армян, собранные Константином Зурабовичем Кавтарадзе в 1915 году, которые хранятся в Российском этнографическом музее. В издании представлены научные статьи по истории формирования коллекций и характере приобретенного исследователем этнографического материала. Публикация содержит каталог предметов коллекций, научные тексты сопровождаются историческими фотографиями и отдельными листами архивного дела из собрания Российского этнографического музея.

Публикация коллекций К. З. Кавтарадзе продолжает серию изданий, посвященных собранию Российского этнографического музея по культуре армян, и предназначена для историков, этнографов и музееведов, а также широкого круга читателей, интересующихся армянской историей и культурой.

This book publishes the expedition materials on the Armenians' traditional culture collected by Constantine Kavtaradze in 1915 and housed in the Russian Museum of Ethnography. The publication presents scientific articles on the collections' history and on the nature of the ethnographic material collected by the researcher. The publication contains the catalog of the collection items; scientific texts are illustrated by historic photos and archive file pages from the collection of the Russian Museum of Ethnography.

The publication of Kavtaradze's collection continues the series of releases dedicated to the Museum's collection on the Armenians' culture, and is intended for historians, ethnographers, and museum experts, and for the reading public interested in the Armenian history and culture.

ISBN 978-9939-886-40-4

© Российский этнографический музей, тексты, изображения, Санкт-Петербург, 2022
© Институт археологии и этнографии НАН РА, перевод, макет, Ереван, 2022
© Russian Museum of Ethnography, texts, illustrations, St. Petersburg, 2022
© Institute of Archaeology and Ethnography NAS RA, translation, layout, Yerevan, 2022

РОССИЙСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF THE REPUBLIC OF ARMENIA

ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КОЛЛЕКЦИИ К. З. КАВТАРАДЗЕ ИЗ СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ARMENIAN CULTURAL ARTIFACTS

C. Z. KAVTARADZE'S COLLECTIONS
FROM THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИАЭ НАН РА
ЕРЕВАН
2022

Руководители:

Директор РЭМ
Ю. А. Купина

Научный руководитель ИАЭ НАН РА
П. С. Аветисян

Директор ИАЭ НАН РА
А. А. Бобохян

Куратор проекта со стороны РЭМ:
Н. Н. Прокопьева

Куратор проекта со стороны ИАЭ НАН РА:
А. Е. Акопян

Сотрудники РЭМ:

Автор текстов, автор-составитель каталога:

Л. С. Гуцян

Научный редактор: *А. Б. Островский*

Редактор: *И. В. Белобородова*

Консультанты: *А. А. Гаджиева, Е. Л. Кубель, И. А. Машукова, Е. И. Нератова*

Хранители: *А. В. Газданова, Р. Ш. Зельницкая, И. А. Машукова, Е. И. Нератова, К. Ю. Соловьева*

Фотограф: *О. В. Волкова*

Графический дизайнер: *С. В. Литвинова*

Консультант: *А. В. Акопян (ИВ РАН)*

Переводчики: *В. А. Хачатурян, И. К. Мхитарян, М. А. Ованисян*

Дизайнер макета: *А. С. Арутюнян (ИАЭ НАН РА)*

Supervisors:

Director of RME
Y. A. Kupina

Academic Advisor of IAE of NAS RA
P. S. Avetisyan

Director of IAE of NAS RAA.
A. A. Bobokhyan

Curator of the project from RME:
N. N. Prokopyeva

Curator of the project from IAE of NAS RA:
H. Ye. Hakobyan

Staff of RME:

Author of the texts and the catalogue:

L. S. Gushchyan

Scientific editor: *A. B. Ostrovskiy*

Editor: *I. V. Beloborodova*

Consultants: *A. A. Gadjieva, E. L. Kubel, I. A. Mashukova, E. J. Neratova*

Keepers: *A. V. Gazdanova, R. Sh. Zelnitskaya, I. A. Mashulova, E. J. Neratova, K. Y. Solovyova*

Photographer: *O. V. Volkova*

Graphic Designer: *S. V. Litvinova*

Consultant: *A. V. Akopyan (IOS RAS)*

Translators: *V. A. Khachaturyan, I. K. Mkhitaryan, M. A. Hovhannisyan*

Layout designer: *A. S. Harutyunyan (IAE of NAS RA)*

СОДЕРЖАНИЕ

История формирования армянских коллекций К. З. Кавтарадзе в собрании этнографического отдела Русского музея императора Александра III	11
Характеристика армянских коллекций К. З. Кавтарадзе	37
I Костюмные комплексы и предметы костюма	91
II Деревянная утварь и деревообработка	147
III Гончарные изделия и гончарное дело	149
IV Орудия земледелия	157
V Музыкальные инструменты и их изготовление	159
VI Ковры	167
Каталог	173
Литература	200
Сокращения	201

CONTENTS

History of formation of C. Z. Kavtaradze's Armenian collections of the Ethnographic Department of the Russian Museum of His Imperial Majesty Alexander III	11
Characteristics of C. Z. Kavtaradze's Armenian collections	37
I Costume complexes and items of costume	91
II Wooden utensils and woodenworking	147
III Pottery	149
IV Agricultural tools	157
V Musical instruments and their production	159
VI Carpets	167
Catalogue	173
Bibliography	202
Abbreviations	203

Дорогие друзья,

Российский этнографический музей обладает представительным собранием памятников традиционной культуры армян. История формирования коллекций музея на протяжении многих десятилетий демонстрирует интерес к армянской культуре, связанный с основными направлениями исследований в медиевистике, востоковедении, археологии и этнографии XIX–XX веков. Уже в первые годы работы музея, в 1902–1910-х годах, была заложена основа армянских фондов, представляющих бытовую культуру населения различных историко-этнографических областей, и именно в этот период сформировался «золотой фонд» музейного собрания по армянской этнографии в Санкт-Петербурге.

Настоящим изданием в научный оборот вводятся уникальные коллекции, собранные сотрудниками музея в начале XX века. Среди них выделяется Константин Зурабович Кавтарадзе – художник-портретист, ставший руководителем манекенных мастерских музея. Будучи подлинным знатоком культуры народов Кавказа, К. З. Кавтарадзе неоднократно совершал экспедиционные собирательские поездки в различные районы Кавказа и приобрел для музея исключительно ценные экспонаты. Успешному выполнению задач, поставленных перед К. З. Кавтарадзе, способствовало и то, что координатором экспедиций был выдающийся этнограф-кавказовед Александр Александрович Миллер. Помощь в научно-собирательской деятельности сотрудникам музея оказывала также местная администрация, без поддержки которой экспедиции вряд ли могли бы стать успешными.

Между тем уникальные коллекции, собранные сотрудниками музея и отражающие традиционную и интеллектуальную культуру начала XX века, до настоящего времени не были широко известны. Публикация каталога, снабженного многочисленными фотографиями экспонатов, научными статьями и комментариями, открывает новую страницу в обеспечении доступности памятников традиционной культуры армян из собрания музея, а также вдохновляет на дальнейшие комплексные исследования с их использованием.

Издание состоялось благодаря партнерскому проекту Российского этнографического музея и Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения, успешной реализации которого способствовали заинтересованность сторон в научно обоснованной интерпретации и качественной презентации музейных памятников как для профессионального сообщества, так и для широкой публики.

Особую благодарность мы выражаем Посольству Республики Армения в Москве за системную поддержку данного проекта.

Российский этнографический музей надеется на продолжение традиции сотрудничества, заложенной публикацией каталога музейных коллекций, отражающих историю и быт армянского народа. Уверены, что дальнейшая плодотворная совместная научная и музейная деятельность специалистов России и Армении внесет весомый вклад в развитие гуманитарного сотрудничества и упрочение культурных связей между нашими странами и народами.

Директор Российского этнографического музея
Юлия Аркадьевна Купина,
Санкт-Петербург

Dear Friends,

the Russian Museum of Ethnography has a representative collection of artifacts of the Armenians' traditional culture. The history of forming the Museum's collections over many decades shows interest in Armenian culture related to the main trends of medieval, oriental, archeological, and ethnographic studies in the 19th and 20th centuries.

As early as in the first years of the Museum's existence, in 1902–1910, the basis was formed for the Armenian funds representing the everyday culture of the population of various historical and ethnographic regions; it was in that period that the “golden pool” of the Museum's collection on Armenian ethnography in St. Petersburg was formed.

This publication introduces into scientific discourse the unique collections built by the Museum's personnel in the early 20th century. Standing out among them is Constantine Kavtaradze, a portrait artist who became the head of the Museum's mannequin workshop. Being a true expert in the culture of Caucasian peoples, Kavtaradze made several collecting expedition trips to various regions of the Caucasus and acquired extremely valuable exhibits for the Museum. The mission assigned to Kavtaradze was successful also because the expeditions were coordinated by Alexander Miller, a prominent ethnographer and student of the Caucasus. The Museums' researchers were also assisted in their scientific collecting activity by the local administration, without whose support the expeditions could hardly be successful.

However, the unique collections built by the Museum's personnel and reflecting the traditional and intellectual culture of the early 20th century were not widely known until today. The publication of the catalog provided with multiple photos of exhibits, scientific articles, and comments is a new step towards accessibility of artifacts of the Armenian traditional culture from the Museum's collection, and inspires to further integrated studies using them.

The publication resulted from the partner project of the Russian Museum of Ethnography and the Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia. It succeeded due to the parties' interest in scientific interpretation and proficient presentation of the Museum's artifacts both for the professional community and for broad public.

Our special thanks are to the Embassy of the Republic of Armenia in Moscow for systemic support to the project.

The Russian Museum of Ethnography hopes for a continued tradition of studies started by the publication of the catalog of the Museum's collections, presenting the history and everyday life of the Armenian people. We are sure that further fruitful joint research and museum activity of Russian and Armenian specialists will lend a sizable contribution to the development of humanitarian cooperation and strengthening of cultural ties between our countries and peoples.

Yulia Kupina,
Director, Russian Museum of Ethnography
Saint Petersburg

Уважаемые читатели,

богатое наследие армянской культуры представлено в фондах крупнейших музеев мира. Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Армении видит в качестве своих приоритетных задач способствовать не только изучению армянской истории и культуры, но и введению в научный оборот коллекций, включающих широкий спектр артефактов – памятников материальной культуры, архивных документов, предметов искусства, отражающих многогранные исторические традиции армянского народа.

Российский этнографический музей известен как хранитель одного из крупнейших собраний памятников традиционной культуры, в том числе и исключительных по своему составу армянских коллекций. Материалы, собранные сотрудниками музея еще в начале XX века, имеют важное значение для изучения армянской истории и культуры. Благодаря сотрудничеству Института и Музея, мы имеем возможность ознакомиться с уникальными источниками по армянской культуре, неизвестными прежде научной общественности. Представленные в издании материалы дают возможность выявить характер самих коллекций, а также раскрыть те исследовательские приоритеты, которые были у петербургских ученых при изучении армянской культуры в начале XX века.

Как прежде, так и в настоящее время сотрудники музея демонстрируют высокий академический уровень научных публикаций, что позволяет рассматривать каталог коллекций К. З. Кавтарадзе как важный вклад в развитие этнографических знаний.

Настоящее издание является результатом работы Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения и Российского этнографического музея при содействии посольства Армении в Российской Федерации. Совместный проект научных институтов Армении и России демонстрирует развитие тех связей, которые являются основой для диалога культур и народов в гуманитарной сфере.

Руководство Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения выражает благодарность всем участникам проекта и надежду на дальнейшее развитие плодотворных отношений между Институтом и Музеем.

Мы искренне надеемся на дальнейшее многолетнее сотрудничество между нашими учреждениями, основа которого заложена этим изданием.

Научный руководитель
Института археологии и этнографии НАН РА
Павел Седракович Аветисян,
Ереван

Директор
Института археологии и этнографии НАН РА
Арсен Александрович Бобохян,
Ереван

Dear Readers,

the rich heritage of Armenian culture is represented in the exhibitory collections of the largest museums in the world. The Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of Armenia sees as its priority objective to promote not only the study of Armenian history and culture, but also the introduction into scientific circulation of collections that include a wide range of artifacts, such as artifacts of material culture, archival documents, and art objects, reflecting the multifaceted historical traditions of the Armenian people.

The Russian Museum of Ethnography is known as the custodian of one of the largest collections of artifacts of traditional culture, including exceptional Armenian collections. The materials collected by the museum staff at the beginning of the 20th century are of great importance for the study of Armenian history and culture. Thanks to the cooperation of our Institute and the Museum, we have the opportunity to get acquainted with unique sources on Armenian culture, previously unknown to the scientific community. The materials presented in this publication make it possible to reveal the nature of the collections themselves, as well as to identify the research priorities that Petersburg scientists had when studying Armenian culture at the beginning of the 20th century.

Both before and now, the museum staff demonstrate a high academic level of scientific publications, which allows us to consider the catalog of Constantine Kavtaradze's collections as an important contribution to the development of ethnographic knowledge.

This publication is the result of the work of the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia and the Russian Museum of Ethnography with the assistance of the Armenian Embassy in the Russian Federation. The joint project of the scientific institutions of Armenia and Russia demonstrates the development of those ties that are the basis for the dialogue of cultures and peoples in the humanitarian sphere.

The leadership of the Institute of Archeology and Ethnography of the National Academy of Sciences of the Republic of Armenia expresses its gratitude to all the participants of the project and hopes for the further development of fruitful relations between the Institute and Museum.

We look forward to the continued long-term cooperation between our institutions, the foundation of which is laid by this publication.

Pavel Avetisyan,
Academic Advisor of the Institute
of Archaeology and Ethnography of NAS RA
Yerevan

Arsen Bobokhyan,
Director of the Institute
of Archaeology and Ethnography of NAS RA
Yerevan

Здание Российского этнографического музея
The building of the Russian Museum of Ethnography

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ АРМЯНСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ К. З. КАВТАРАДЗЕ В СОБРАНИИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТДЕЛА РУССКОГО МУЗЕЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III

HISTORY OF FORMATION OF C. Z. KAVTARADZE'S ARMENIAN COLLECTIONS OF THE ETHNOGRAPHIC DEPARTMENT OF THE RUSSIAN MUSEUM OF HIS IMPERIAL MAJESTY ALEXANDER III

Этнографический отдел, входивший в начале XX века в состав Русского музея императора Александра III (далее – ЭО), являлся одним из последних крупных дореволюционных музейных проектов.

Задачи, функции и структура ЭО определялись в ходе длительных дискуссий в научных кругах двух столиц. Еще в первой половине XIX века один из известных ученых и общественных деятелей Ф. П. Аделунг, выступая с проектом создания национального музея, предлагал представить в нем тематические разделы, такие как «Одежда», «Оружие», «Утварь», наравне с которыми рекомендовал ввести также раздел «Языки»¹. Несмотря на то, что в ЭО не существовало отдельного подразделения, предназначенного для сбора лингвистических материалов, идее значимости языковых данных как важного фактора этнической культуры позднее была дана высокая оценка².

Новый музей должен был отличаться от старейшей академической музейной институции Санкт-Петербурга – Кунсткамеры, основ-

The ethnographic department (hereinafter - ED), which at the beginning of the 20th century was part of the Russian Museum of Emperor Alexander III, was one of the last major pre-revolutionary museum projects.

The goals, functions and structure of the ED were determined in the course of lengthy discussions in the scientific circles of the two capitals. As far back as in the first half of the 19th century, Fyodor Adelong, a widely known scholar and public figure, came forward with a project to create a national museum, suggesting to introduce thematic sections, such as “Clothing”, “Weapons”, “Utensils” in it, along with a section on “Languages”.¹ Despite the fact that the ED had no separate unit dedicated to collecting linguistic materials, the idea highlighting the significance of linguistic data as an important factor in ethnic culture was later highly praised.²

The new museum was to be different from the oldest academic museum institution in St. Petersburg – the Kunstkamera, whose objective was

¹ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 12.

² Язык являлся одним из важных компонентов, отражающих «психологию народа» в концепции, которую разделяли крупнейшие исследователи конца XIX – начала XX в. См: Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. Развитие концепции комплектования коллекций // Музей. Традиции. Этничность. 2017. № 1 (11). С. 8.

¹ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. Р. 12.

² Language is one of the important components reflecting the “psychology of the people” in a concept shared by the greatest researchers of the turn of the 19th – beginning of the 20th cc. See: Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. Развитие концепции комплектования коллекций // Музей. Традиции. Этничность. 2017. № 1 (11). Р. 8.

ными задачами которой были исследование и демонстрация идей эволюционизма как в социально-культурном, так и в физико-антропологическом смысле. Главным направлением исследовательской, собирательской и экспозиционной деятельности нового этнографического музея была признана «народная культура» населения Российской империи и сопредельных территорий. Так, например, по мнению известного тюрколога акад. В. В. Радлова, основной задачей музея должны были стать исследование и демонстрация «уходящей» культуры «отдельных народностей» Российской империи³. В свою очередь Д. А. Клеменц, будущий заведующий ЭО, определил следующие принципы формирования музейных коллекций: географические рамки – выходящие за пределы актуальных границ Российской империи⁴; хронологические границы – в пределах современности, но с учетом архаичных пластов культуры; тематические рамки – памятники материальной культуры, охватывающие все ее многообразие. Он также обозначил критерии, в соответствии с которыми должен был вестись сбор этнографического материала и которые базировались на идее самобытности отдельной традиционной культуры: «Самое ценное в описательной этнографии – уловить свое, самобытное, вошедшее в плоть и кровь данного народа»⁵. Кроме того, он выделил два основополагающих критерия, служивших основой при отборе предметов для комплектования музейных фондов: при выборе будущего экспоната необходимо было определить принадлежность предмета к тому или иному народу либо как привнесенного извне, но бытующего в данной традиции, либо как результат его производственной деятельности, причем, как указывает Д. А. Клеменц, «если же народ произво-

research and demonstration of the ideas of evolutionism, through its social and cultural, as well as physical and anthropological aspects. The “folk culture” of the population of the Russian Empire and adjacent territories was recognized as the main direction of research, collecting, and exhibiting activities of the new ethnographic museum. According to the famous academician and Turkologist Vasily Radlov, the study, and demonstration of the “departing” cultures of “separate nationalities” of the Russian Empire was to become the main goal of the museum.³ In his turn, Dmitriy Klements, the future head of the ED, defined the following principles for the formation of museum collections: geographic boundaries which went beyond the borders of the Russian Empire;⁴ chronological boundaries which were within the limits of modernity, but took into account the archaic layers of culture; thematic scope including artifacts of material culture in all its diversity. He also outlined the criteria according to which the collection of ethnographic material was to be carried out. Those criteria were based on the idea of the identity of individual traditional cultures, “The most valuable thing in descriptive ethnography is to capture the originality and distinctiveness that has become implanted into flesh and blood of a given people”.⁵ In addition, he identified two fundamental criteria that served as the basis for the selection of items to be acquired for museum collections: when selecting a future exhibit, it was necessary to determine whether the object belonged to one or another nation, either as brought in from outside, but existing in a given tradition, or as a result of the nation's production activity. As Klements points out, “If the people produce something themselves, then I need not only the product itself, but the whole production environment.”⁶

³ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 52.

⁴ В своем письме к известному государственному и общественному деятелю графу И. И. Толстому он подчеркивает: «Этнографическая задача России на Востоке, как и на Западе, не может быть определена гос[ударственной] границей. Изучение наших закавказских армян и грузин неизбежно должно повести нас к изучению турецких армян и лазов». Цит. по: Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 80.

⁵ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 82.

³ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 52.

⁴ In his letter to the well-known state and public figure count I. I. Tolstoy he underscores: “The ethnographic objective of Russia in the East as well as in the West, cannot be defined by the state border. The study of our Transcaucasian Armenians and Georgians will inevitably lead us to the study of the Turkish Armenians and Lazos.” Cit. from: Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 80.

⁵ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 82.

⁶ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 82.

дит сам что-нибудь, тогда мне нужен не только продукт, но и вся обстановка производства»⁶.

Таким образом, в результате принятых в научной среде решений новый музей должен был сосредоточиться на кросс-культурных исследованиях, а также презентации технико-технологического, социального, художественно-эстетического и лингвистического разнообразия доиндустриальной народной культуры не только населения Российской империи, но и сопредельных ей территорий.

Широта исследовательских и непосредственно связанных с ними экспозиционных задач, а также необходимость пополнения кавказских фондов ЭО потребовала привлечения различных источников для сбора вещевых и фото коллекций. Приобретались собрания, предложенные музеем частными коллекционерами, велась экспедиционная работа штатными сотрудниками отдела, кроме того, была сформирована группа внештатных сотрудников-корреспондентов, принимавших участие в комплектовании фондов. В процессе разработки концепций собирательской и исследовательской деятельности новой музейной институции выкристаллизовывались ее структура и объем работ ее сотрудников.

Согласно практике, уже опробованной в таких учреждениях, как Русское географическое общество и Кунсткамера, кроме штатных сотрудников, к работе были привлечены вольнонаемные регистраторы коллекций и так называемые корреспонденты – экспедиционеры, которые по заданию ЭО приобретали этнографические предметы в различных регионах Российской империи и за ее пределами. Таким образом, история формирования кавказских коллекций ЭО в первые годы его существования связана не только с именами крупных этнографов – хранителей фондов музея, но и его внештатных сотрудников.

Обращение к содействию внештатных сотрудников диктовалось не только желанием

Thus, as a result of the decisions made in the scientific community, the new museum had to focus on cross-cultural research, as well as on the presentation of the technical, technological, social, artistic, aesthetic, and linguistic diversity of pre-industrial folk culture, not only of the population of the Russian Empire but also its adjacent territories.

The large scope of research and the exposition tasks directly related to it, as well as the need to replenish the Caucasian collections of the ED, demanded the involvement of various sources for the collection of artifacts and photos. Collections offered to the museum by private collectors were acquired, and department staff members carried out expeditionary work. In addition, a group of freelance correspondents who took part in the acquisition of collections was formed. In developing the concepts of the collection and research activities of the new museum institution, its structure and the scope of work of its employees took shape.

According to the practice already tested in such institutions as the Russian Geographical Society and the Kunstkamera, in addition to full-time employees, civilian registrars of collections and the so-called correspondents - expeditioners, were involved in the work. On the instructions of the ED, they acquired ethnographic objects from various regions of the Russian Empire and beyond. Thus, the history of the formation of the Caucasian collections of the ED in the first years of its existence is associated not only with the names of major ethnographers - the custodians of the museum's collections, but also with non-staff workers.

Seeking the assistance of non-staff workers was dictated not only by the desire to quickly create the museum collection, but also by the need to record material related to the linguistic aspect of traditional culture. ED was the first (and the

⁶ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 82.

скорейшего создания фондовой базы музея, но и необходимостью фиксации материала, касавшегося лингвистического аспекта традиционной культуры. ЭО был первым (и единственным) музейным учреждением, которое, будучи нацеленным на изучение поликультурного сообщества, декларировало значение языка и его элементов в числе базовых категорий, образующих концепцию сбора исследуемого и презентативного материала.

Документальным основанием для приобретения вещей, формирующих музейные коллекции, стала подготовленная комиссией⁷ «Программа для собирания этнографических предметов»⁸, содержащая восемь основных тематических разделов, снабженных соответствующими рекомендациями, направляющими работу собирателя. В разделах концептуальной программы выделялись темы «Одежда и украшения», «Техника в народном быту», «Занятия и промыслы» и др. При этом важнейшим принципом сбора памятников материальной культуры, в частности костюма, декларировался комплексный подход, учитывающий контексты бытования: «Вообще лучше собирать и составлять отдельно костюмы: будничные, праздничные, летние, зимние, костюм девушки, костюм невесты, костюм замужней женщины»⁹. Данный подход, как и программа в целом, оставались актуальными на протяжении всего периода деятельности ЭО. Важно и то, что «относясь к музейным экспонатам как к особому виду документов, авторы программы предъявляли серьезные требования не только к приобретаемым для коллекций предметам, но и тем записям, которые должны были их сопровождать»¹⁰. Таким образом, изначально аннотированные списки

only) museum institution, which, being aimed at studying the multicultural community, declared the importance of language and its elements among the basic categories that form the notion of collecting researched and representative material.

The documentary basis for the acquisition of items that form the museum collections was prepared by a Commission⁷ named "Program for collecting ethnographic objects",⁸ which contained eight main thematic sections, equipped with appropriate recommendations to guide the collector. Among the topics highlighted in the sections of the conceptual program were such subject matters as "Clothing and adornments", "Everyday equipment", "Occupations and crafts", etc. The most important principle of collecting artifacts of material culture, in particular costumes, was declared an integrated approach that takes into account the contexts of existence: "In general, it is better to collect and compose costumes by separate categories, such as everyday, festive, summer and winter costumes, as well as a girl's costume, bride's costume, married woman's costume".⁹ This approach, as well as the program as a whole, have remained relevant throughout the entire period of the operation of the ED. It is also important to point out that "by treating museum exhibits as special type of documents, the authors of the program made serious demands not only on the items purchased for collections, but also on the records that were supposed to accompany them".¹⁰ Thus, the initially annotated lists of items made during the expeditions, along with other archival documents relating to the formation of the subject

⁷ В комиссию входили первые сотрудники ЭО Д. А. Клеменц, Н. М. Могиланский, Е. А. Ляцкий и К. А. Иностранцев. См.: Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 645.

⁸ Программа для собирания этнографических предметов. Изд-е III Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. СПб., 1904.

⁹ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. С. 24.

¹⁰ Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. Развитие концепции. С. 8.

⁷ The commission included the ED first employees D. Klements, N. Mogilyansky, E. Lyatsky and C. Inostrantsev. See: Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. Р. 645.

⁸ Программа для собирания этнографических предметов. Изд-е III Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. СПб., 1904.

⁹ Дмитриев С. В. Фонд Этнографического отдела. Р. 24.

¹⁰ Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. Развитие концепции. Р. 8.

Лист 15. Большой всемирный настольный атлас Маркса под редакцией проф. Э. Ю. Петри, Ю. М. Шокальского. 2-е пересмотренное и дополненное издание 1909 года. СПб.: Издание Т-ва А. Ф. Маркса, 1910

Sheet 15. Large world desk atlas of Marx edited by prof. E. J. Petri, Y. M. Shokalsky. 2nd revised and expanded edition of the 1909 print. SPB.: A. F. Marx edition, 1910

предметов, сделанные во время экспедиций, наравне с другими архивными документами, касающимися формирования предметного ряда, признавались значимым, дополняющим коллекции материалом.

Взаимодействию хранителя кавказских фондов ЭО с внештатными корреспондентами положил начало один из его первых сотрудников – крупный востоковед, иранист и арабист К. А. Иностранцев (хранитель ЭО, 1902–1908 гг.). Он лично привлекал к работе и курировал корреспондентов – уроженцев региона, некоторые из которых имели собственные исследовательские интересы в поездках на Кавказ, успешно совмещаемые с собирательской деятельностью для музея.

Следует отметить, что эта группа была непосредственно связана с крупным востоковедом, кавказоведом и преподавателем университета Н. Я. Марром, который с 1902 года рекомендовал некоторых своих учеников для работы с ЭО. Малоизученность региона и недостаток имеющегося этнографического материала способствовали тому, что универсанты-ориенталисты из круга Н. Я. Марра – И. А. Орбели, А. А. Лорис-Калантар, С. В. Тер-Аветисян совершили по поручению музея ряд экспедиционных поездок. Они, как и сам Н. Я. Марр, сыграли немаловажную роль на первом этапе формирования фондов ЭО, став собирателями вещевых и фотоколлекций, относящихся к традиционной культуре армян, грузин, татар¹¹, персов, гебров, езидов и курдов. Ключевыми для их собирательской деятельности стали два фактора: профессиональная компетенция корреспондентов, приглашенных К. А. Иностранцевым, и продуманная стратегия приобретения предметов, которая на начальном, основополагающем этапе комплектования музейного фонда предполагала собирание полевого этнографического материала, всесторонне характеризующего традиционную культуру в регионе.

¹¹ Согласно современному учету – азербайджанцы. В целом названия народов приводятся в соответствии с музейной учетной документацией того времени.

range, were recognized as significant material supplementing the collections.

The interaction between the curator of the Caucasian collections of the ED and the non-staff correspondents was initiated by one of its first employees - a prominent orientalist, Iranist and Arabist Constantine Inostrantsev (curator of the ED, 1902–1908). He personally recruited and supervised correspondents who were natives of the region, some of whom had their own research interests during the trips to the Caucasus which they successfully combined with collecting activities for the museum.

It should be noted that this group was directly linked to a prominent orientalist, Caucasian scholar and university professor Nicolay Marr who, since 1902, recommended some of his students to work with ED. The poor knowledge of the region and the lack of available ethnographic material contributed to the fact that universitarian orientalists from the circle of Marr, such as Joseph Orbeli, Ashkharbek Loris-Kalantar and Smbat Ter-Avetisyan made a number of expedition trips on behalf of the museum. These scholars, like Marr himself, played an important role at the first stage of the formation of the ED collections, becoming collectors of clothing and photo collections related to the traditional culture of Armenians, Georgians, Tartars¹¹, Persians, Gabrs, Yezidis and Kurds. Two factors became key to their collecting activity: the professional competence of the correspondents invited by Constantine Inostrantsev, and a well-thought-out strategy for acquiring objects. This, at the initial, fundamental stage of the acquisition of the museum collections, implied the collection of field ethnographic material that comprehensively characterizes the traditional culture in the region.

¹¹ According to the contemporary census, Azerbaijanis. As a whole, the titles of the nations are cited according to the Museum documentation of the relevant time.

Следующий этап кавказоведческих исследований в ЭО связан с деятельностью А. А. Миллера, куратора научных работ в регионе, члена Императорского археологического общества. Академические навыки ориенталиста и знание восточных языков, которые первоначально считались важным преимуществом для работы в ЭО, в дальнейшем оказались не столь существенными, поскольку один и тот же хранитель курировал регионы, население которых говорило на многочисленных языках, относящихся к четырем языковым семьям. Куда более значимыми оказались опыт жизни в полевых условиях и общая подготовка в этнографической дисциплине, что привело к тому, что академического ученого-востоковеда К. А. Иностранцева на посту куратора обширного региона, охватывающего Кавказ, Крым, Поволжье и Среднюю Азию, сменил в 1908 году отставной военный, палеоэтнолог А. А. Миллер. В связи с этим изменилось и исследовательское направление кавказоведения, основополагающей стратегией которого стало музейное исследование материальных форм культуры.

В свою очередь исследовательская концепция, определенная в «Программе для собирания этнографических предметов», была опробована и получила признание, став для А. А. Миллера ориентиром для дальнейшей собирательской деятельности. Кроме принципа комплексного сбора, он также придерживался положения программы, требующего отчетливого соотношения характеристик костюма и локальных границ, так как, «по мнению авторов программы, собиратели, приступая к изучению и сбору комплексов народной одежды, должны были выявить ареал распространения тех или иных элементов костюма и попытаться проследить их эволюцию»¹².

А. А. Миллер совершил ряд экспедиционных поездок на Кавказ, где им были собраны материалы по этнографии народов региона, а также выявлены необходимые для восполнения лакун. Эта же задача была поставлена им

The next stage of Caucasian studies in the ED is associated with the activities of Alexander Miller, the curator of scientific work in the region and a member of the Imperial Archaeological Society. The academic skills of an Orientalist and knowledge of Oriental languages, which were initially considered an important advantage for working in the ED, later turned out to be not so essential, since the same curator oversaw regions whose population spoke numerous languages belonging to four language families. The experience of life in the field and general training in the ethnographic discipline turned out to be much more important. This led to the fact that in 1908, the academic orientalist Inostrantsev was replaced by a retired military man, paleoethnologist Alexander Miller as the curator of a vast region covering the Caucasus, Crimea, the Volga region and Central Asia. This, in its turn, changed the research direction of Caucasian studies, the fundamental strategy of which became the museum study of the material forms of culture.

In turn, the research concept, defined in the "Program for the collection of ethnographic objects", was tested and received recognition, becoming for Alexander Miller a guide for further collecting activities. In addition to the principle of complex collection, he also adhered to the provision of the program, which required a clear correlation between the characteristics of the costume and local boundaries, since, "according to the authors of the program, collectors, starting to study and collect complexes of folk clothing, had to identify the areal distribution of certain elements of the costume and try to trace their evolution"¹².

Alexander Miller made a number of expeditions to the Caucasus, where he collected materials on the ethnography of the peoples of the region, and also identified the gaps that needed to be filled in. The same task was assigned by him to

¹² Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. Развитие концепции. С. 8.

¹² Дмитриев В. А., Калашникова Н. М. Развитие концепции. Р. 8.

и перед приглашенными корреспондентами. Имея опыт археологических изысканий, а также опираясь на «Программу» предшественников, А. А. Миллер основывался на концепции полноты комплекса памятника в целом, поэтому при сборе материала он отдавал предпочтение не отдельным предметам, а, по аналогии с археологическими памятниками, комплексам – совокупности вещей как единого исследовательского источника. Не менее значимым исследовательским направлением, которое демонстрируют коллекции, приобретенные в результате экспедиционных поездок этого периода, становится не только изучение моноэтнических локусов и групп, но и контактных зон с населением, различавшимся с конфессиональной, лингвистической и традиционно-бытовой точки зрения.

Этот этап работы в музее был, кроме того, связан с подготовкой коллекций к экспонированию, что, несомненно, диктовало необходимость актуализации новых направлений деятельности, в частности, создание антропологических манекенов, поиски художественных решений для будущего выставочного пространства.

Согласно сведениям документов, хранящихся в архиве РЭМ¹³, в 1912 году во время очередной поездки по Кавказу А. А. Миллер познакомился с работами художника-портретиста К. З. Кавтарадзе, выставки которого были организованы по инициативе грузинской газеты «Сахалхо газети» («Народная газета»). Тематически выставка, изначально проходившая в Тифлисе (ныне – Тбилиси), соответствовала новым направлениям изобразительного искусства, которое, наравне с фотографией, было призвано зафиксировать «народные типы». Портреты жителей региона, выполненные художником, оказались востребованы в академических и образовательных кругах, поскольку, как сообщает К. З. Кавтарадзе в своей автобиографии, многие из картин и рисунков типов народностей Кавказа «были приобретены Музеем Этнографии и Археологии при Тифлисском Университете»¹⁴. Кроме того, вы-

the invited correspondents. Having experience in archaeological research, as well as relying on the “Program” of his predecessors, Alexander Miller drew on the concept of the completeness of the artifact complex as a whole. Therefore, when collecting materials, he gave preference not to individual objects, but, by analogy with archaeological monuments, to complexes of items as a single research source. The study of monoethnic loci and groups, as well as the contact zones with a population that differed from a confessional, linguistic, and traditional point of view becomes an equally significant research direction, as demonstrated by the collections acquired as a result of expeditionary trips of this period.

This stage of museum operation was also associated with the preparation of collections for display, which undoubtedly dictated the need to update new areas of activity, in particular, the creation of anthropological mannequins and the search for artistic solutions for the future exhibition space.

According to the documents stored in the RME¹³ archive, in 1912, during a regular trip to the Caucasus, Alexander Miller got acquainted with the works of the portrait painter Constantine Kavtaradze, whose exhibitions were organized at the initiative of the Georgian newspaper “Sakhalkho Gazeti” (“People’s Newspaper”). Thematically, the exhibition, originally held in Tiflis (now Tbilisi), corresponded to the new trends in visual art, which, along with photography, was intended to capture “national types”. The portraits of the inhabitants of the region, made by the artist, turned out to be in demand in academic and educational circles, since, as Kavtaradze reports in his autobiography, many of the paintings and drawings of the types of peoples of the Caucasus “were acquired by the Museum of Ethnography and Archeology at the Tiflis University”¹⁴. The exhibition also aroused great public

¹³ АРЭМ Ф. 2. Оп. 3. Д. 82. Л. 10–10об.

¹⁴ АРЭМ Ф. 2. Оп. 3. Д. 82. Л. 10.

¹³ ARME F. 2. Inv. 3. File 82. Sheets 10–10rev.

¹⁴ ARME F. 2. Inv. 3. File 82. Sheet 10.

Портрет мужчины-карталинца. 1912 г. Рисунок К. З. Кавтарадзе. РЭМ 2563-3

A men's portrait from Kartli. 1912. Painter C. Z. Kavtaradze. РЭМ 2563-3

ставка вызвала большой общественный интерес, в связи с чем ее показали также в Кутаиси и Батуми. Во время последнего экспонирования работ художника к нему обратился А. А. Миллер, который, как указывает К. З. Кавтарадзе, «осмотрев выставку, предложил воздержаться от всякой продажи моих произведений и представить их Русскому Музею. Осенью 1912 г. я явился с моими рисунками в Русский Музей, Правление которого приобрело их, а меня вовлекло в число сотрудников названного Музея на должность художника-мастера»¹⁵.

Таким образом, в ЭО приступил к работе новый сотрудник – К. З. Кавтарадзе (1879–1941), получивший среднее образование в Тифлисском художественном училище (1898–1902)

interest and was also shown in the cities of Kutaisi and Batumi. During the last exhibition of the artist's works, Miller approached him, and, as Kavtaradze points out, "after inspecting the exhibition, offered to refrain from any sale of my works and present them to the Russian Museum." In the autumn of 1912, he arrived at the Russian Museum bringing along his drawings. The Board of the museum purchased them, and Kavtaradze was included among the employees of the Museum as a master artist".¹⁵

Thus, a new employee, Constantine Kavtaradze (1879–1941), began working at the ED. Kavtaradze received his secondary education at the Tiflis Art School (1898–1902) with a degree in painting and

¹⁵ АРЭМ Ф. 2. Оп. 3. Д. 82. Л. 10об.

¹⁵ ARME F. 2. Inv. 3. File 82. Sheet 10rev.

по специальности «живопись и рисование», имевший опыт иллюстратора в ряде журналов и газет, в том числе в формате этнографического рисунка¹⁶.

В рамках новых тенденций, актуализированных в работе ЭО в связи с экспозиционной деятельностью А. А. Миллера, необходимость в музее художника-портретиста и скульптора-профессионала, привлекаемого для изготовления антропологических манекенов, была очевидной. Кроме того, будучи уроженцем Кавказа, никогда не терявшим с ним связь, новый сотрудник был знаком с бытовой культурой полиэтничного населения региона, что позволяло привлечь его к полевой собирательской работе для пополнения фондов музея. Не менее востребованными являлись и его языковые компетенции, включавшие русский, армянский и грузинский языки¹⁷.

В 1915 году состоялась экспедиция К. З. Кавтарадзе в регион Южного Кавказа, в Тифлисскую и Елисаветпольскую губернии для сбора этнографических предметов, которую координировал хранитель ЭО А. А. Миллер. Несмотря на сложности военного времени – маршрут пролегал в непосредственной близости от Кавказского фронта, а также беспокойную обстановку в Елисаветпольской губернии, что затрудняло как саму поездку, так и возможность пересылки приобретенных артефактов, запланированная экспедиция все же состоялась благодаря усилиям сотрудников музея.

В рамках сотрудничества с художником-корреспондентом к 31 мая 1915 года А. А. Миллер подготовил специальную программу, в которой были определены маршрут поездки и необходимые к сбору предметы, обязательно в комплексе, с указанием способа ношения.

В архиве РЭМ хранится документ, озаглавленный «Командировка К. З. Кавтарадзе»¹⁸, содержащий указания куратора экспедиции, ка-

drawing and had previous experience as an illustrator in a number of magazines and newspapers, including in the format of ethnographic drawings.¹⁶

As part of the new trends emerging in connection with the exposition activities of Alexander Miller, the need for a portrait painter and a professional sculptor to create anthropological mannequins became obvious. In addition, being a native of the Caucasus who never lost contact with the region, the new employee was familiar with the everyday culture of the region's multi-ethnic population, which allowed to involve him in field collecting works to replenish the museum's collections. No less in demand were his language skills, which included Russian, Armenian and Georgian.¹⁷

In 1915, Constantine Kavtaradze made an expedition, coordinated by the curator of the ED Alexander Miller, to the South Caucasus region, to the Tiflis and Elizavetpol Governorates (Gubernias) to collect ethnographic material. Despite the difficulties of wartime - the route ran in close proximity to the Caucasian front, as well as the uneasy situation in the Elizavetpol Governorate, which made it difficult both for the trip itself and the possibility of sending the acquired artifacts, the planned expedition nevertheless took place thanks to the efforts of the Museum staff.

As part of his collaboration with the artist-correspondent, by May 31, 1915, Alexander Miller prepared a special program, which defined the route of the trip and the items necessary for collection which were to be presented in a complex with an indication of the method of wearing them.

The RME archive holds a document entitled "C. Z. Kavtaradze's expedition"¹⁸, containing instructions from the expedition curator regarding the

¹⁶ АРЭМ Ф. 2. Оп. 3. Д. 82. Л. 1–9об.

¹⁷ АРЭМ Ф. 2. Оп. 3. Д. 82. Л. 3об.

¹⁸ АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 1.

¹⁶ ARME F. 2. Inv. 3. File 82. Sheets 1– 9rev.

¹⁷ ARME F. 2. Inv. 3. File 82. Sheet 3rev.

¹⁸ ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 1.

сающиеся предметов, которые необходимо приобрести для музея: «1) Разыскать и купить пояс к костюму ахалцихской еврейки (куплен музеем у г. Гоголь-Яновича, ранее принадлежал матери М. Чарухчиева). Головную повязку также, узнать, как повязывалась. 2) Хороший полный мужской костюм армянина горожанина (район Тифлис-Ахалцих). 3) а) Шуша. Хороший полный женский костюм со всеми украшениями; б) в окрестностях Шуши взять 1 полный мужской сельский костюм, 1 полный женский костюм и 1 простой рабочий женский костюм; в) в том же селении приобрести собрание предметов хозяйственных производств»¹⁹. Там же говорится о необходимости «узнать о ближайшем месте производства армянских ковров, сумахов, паласов и проч. и приобрести по экземпляру приблизительно», а также ко всем полным костюмам иметь «фотографии для манекенов»²⁰.

Таким образом, здесь снова высказывается мысль о необходимости сбора не отдельных предметов, а целого комплекса, для того чтобы на основании существующих в них различий выявить способы маркирования гендерных и социовозрастных статусов в армянской среде, а также получить сведения об основных занятиях армян как в городах, так и в сельской местности.

Вместе с тем в тексте командировочного задания обращается внимание и на прикладное значение приобретаемых предметов, в частности костюмов, которые должны были стать частью создаваемой экспозиции. Кроме того, согласно экспозиционной концепции А. А. Миллера, создание антропологических манекенов должно было происходить на основании конкретных костюмных комплексов, позволяющих максимально приблизить манекен к реальному «этнографическому типу». Именно для этого в полевых условиях требо-

items that need to be acquired for the museum: “1) Find and purchase a belt for the costume of a Jewish woman of Akhaltsikhe (purchased by the museum from the city of Gogol-Yanovich, it previously belonged to M. Charukhchiev’s mother). A headband as well; find out how it was tied. 2) A good complete male costume of an Armenian city dweller (Tiflis-Akhaltsikhe region). 3) a) Shushi. A good complete female costume with all its ornaments; b) in the vicinity of Shushi, take 1 complete men’s rural costume, 1 full women’s costume and 1 simple working women’s costume; c) in the same village acquire a collection of objects of agricultural production”¹⁹. The same text reads about the need “to find out about the nearest place of production of Armenian carpets, sumacs, rugs, etc. and purchase roughly a copy of each”, as well as to have “photographs for mannequins”²⁰ for all full costumes.

Thus, the need to collect not individual objects but the whole complex is again highlighted in order to identify, on the basis of the differences existing in them, ways of marking the gender and socio-age statuses in the Armenian environment, as well as to obtain information about the main occupations of Armenians both in the cities and in the countryside.

At the same time, the text of the travel assignment also draws attention to the applied value of the purchased items, in particular, the costumes that were to become part of the exposition that was going to be created. In addition, according to the exposition concept of Miller, the creation of anthropological mannequins had to occur on the basis of specific costume complexes, which would make it possible to bring the mannequin as close as possible to the real “ethnographic type”. It was for this reason that in the field it was also required “to take several photographs of the types that can

¹⁹ На то что, говоря о костюмах из Шуши, А. А. Миллер имеет ввиду предметы, относящиеся к армянской традиционной культуре, указывает пункт 4: «Шуша, по исследованию на месте, выехать в чисто татарский район». – АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 1.

²⁰ АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 1об.

¹⁹ Point 4 indicates that talking of the costumes from Shushi, A. A. Miller means the objects related to the Armenian traditional culture: “Shusha. For field investigation, to set out to a purely Tatar region”. – ARME F. 1 Inv. 2. File 305. Sheet 1.

²⁰ ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 1 rev.

Зарегистрировано под №

№

38
30

1. Эти бланки предназначены для предметных списков, которыми должны быть обязательно сопровождаемы всякого рода посылки, заключающие в себя приобретаемые (жертвуемые) для Отдела коллекции.

2. При этом безусловно необходимо: а) при сдаче отправляемых вещей поминимовать на накладной, в графь—наименование груза,—ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ПРЕДМЕТЫ и б) точно адресовать: С.-Петербургъ, въ Этнографическій Отдѣлъ Русскаго Музея ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III. (См. Сборн. желъзнодорож. постан., 19 августа 1902 г., № 65).

Постановленіемъ Совѣта отъ „ „ 191 г. (журн. №)
выдано _____

ОТЧЕТЪ

въ израсходованіи аванса въ _____ руб. _____ коп.

Коллекція собрана въ Елисаветпольской губерній _____ руб.

уезды: _____

села: _____

национальность Армяне

Всего приобретено Восемьдесятъ семь предметовъ.

Израсходовано:

На покупку коллекцій 727 р. 28 к.

На фотогр. принадлежности _____ р. _____ к.

На накладные расходы по командировкѣ . 217 р. 36 к.

Всего 944 р. 58 к.

Перерасходъ _____ р. _____ к.

Остатокъ _____ р. _____ к.

Подпись собирателя Николай Зурабъ Кавтарадзе

Адресъ Университетская 4, кв. 47

„ 4 „ декабря 191 г.

Коллекція принята „ „ 191 г.

Хранитель _____

Отчетъ утвержденъ Советомъ Отдѣла отъ „ „ 191 г. (журн. № _____).

Секретарь Совета _____

Титульный лист отчета К. З. Кавтарадзе. АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 30

A sheet from C. Z. Kavtaradze's report ARME F. 1. In. 2. f. 305. Sh. 30

№ по порядку.	НАЗВАНИЕ (общераспространенное и мѣстное).	Цѣна.		Примѣчанія. (истинность, чуждость).
		Рубль.	Коп.	
	Переносъ . . .			
	<u>Менский костюмъ:</u>			
1.	Рубаха - Шабиль	16	-	з. Муш. Виллаветт. Гр.
2.	Панталоны - Горанго	8	-	Армянка.
3.	Ардалуръ	18	-	
4.	Паргевое платье - Мтана	85	-	
5.	Нарудники - Доцимо	4	-	
6.	Поясъ - Годико	9	-	
7.	Головной уборъ - Чирита	1	-	
8.	Нарудники - Чинабандъ	8	-	
9.	Головной уборъ - Чанати-тапа	55	-	
10.	Шабра	15	-	
11.	Чангаль - серебр. сацъма	10	-	
12.	Длиураль (шар).	1	50	
13.	Повязки - Долларъ	3	-	
14.	Обувь - Чиниоки	1	80	
	<u>Менский костюмъ:</u>			
15.	Рубаха - Шабиль	8	-	Савраны. Ар.п.
16.	Ардалуръ	22	-	Сел. Найтан-Кав.
17.	Поясъ - Годико	2	-	в 5 верст. отъ г.
18.	Головной уборъ - Чирита	-	50	Муши
19.	" " - Лотакъ	1	50	
20.	Нарудники - Чинабандъ	6	-	
21.	Головн. уборъ серебр. монати			
-	- Чанати-тапа	15	-	
22.	Зайсима на лотакъ-Чангал	10		
23.	Нарудна украшеніе монати	4		
24.	Обувь - Чиниоки	-	50	
25.	Длиураль.	-	50	
	Переносъ . . .			
		405	30	

34
31

Лист из отчета К. З. Кавтарадзе. АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 31
A sheet from C. Z. Kavtaradze's report. ARME F. 1. In. 2. f. 305. Sh. 31

валось также «исполнить несколько фотографий с типов, которые могут быть воспроизведены впоследствии для манекенов к этому костюму»²¹. В итоге, предполагалось изготовление художником К. З. Кавтарадзе манекенов на основании его же полевых материалов и наблюдений.

Еще одной задачей при сборе материала, выдвигаемой А. А. Миллером, было избирательное приобретение предметов традиционной культуры того или иного народа, отражающих так называемую «самобытность» культуры и ее отличие от соседних. Так, при выборе грузинских предметов исследователь требует «обратить внимание на настоящие типы грузинских вышивок и серебряных изделий и, главным образом, разыскать и приобрести такие типы, которые не представляют собой воспроизведений изделий армянских, татарских или дагестанских»²². Такие же требования выдвигались им и при отборе полевого материала в других этнографических группах.

В качестве образцов, служащих ориентиром при приобретении армянских костюмов, выступали отобранные А. А. Миллером фотографии из фототеки ЭО, коллекционные номера которых были приписаны к пунктам задания: «Фот. 213-29 и фот. (3351-1d, 3351-1a, 1b, 1c)»²³. Следует, однако, отметить, что на указанных им ошибочно фотографиях запечатлены иные восточноармянские комплексы, относящиеся к нахиджеванскому и ширванскому, а не суник-арцахскому типу, бытовавшему в Елисаветпольской губернии. Несмотря на некоторое сходство, представленные на фотографиях костюмы из соседних областей отличаются как высотой головного убора замужней женщины, так и способом его декорирования, а также длиной верхней распашной одежды, которая в этих локальных традициях являлась короткополой. Кроме того, отличительной чертой этих костюмов являются ши-

be reproduced later for the mannequins for this costume”.²¹ As a result, it was assumed that the artist Constantine Kavtaradze would make mannequins based on his own field materials and observations.

Another goal in the collection of objects put forward by Alexander Miller was the selective acquisition of objects of traditional culture of a particular people, reflecting the so-called “originality” of culture and its difference from neighboring ones. For instance, when choosing Georgian items, the researcher demanded “to pay attention to the real types of Georgian embroideries and silver jewelry and, mainly, to find and acquire samples that are not reproductions of similar items from Armenia, Tatarstan or Dagestan”.²² The same requirements were put forward by him in the selection of field material in other ethnographic groups.

The photographs selected by Miller from the photo library of the ED, the collection numbers of which were assigned to the task items (for example, “Photograph 213-29 and photograph (3351-1d, 3351-1a, 1b, 1c)”, acted as a guideline in the acquisition of Armenian costumes.²³ However, it should be noted that the photographs provided by him erroneously depicted other Eastern Armenian complexes belonging to the “Nakhijevan” and “Shirvan” types, and not to the “Syunik-Artsakh” type that existed in the Elizavetpol Governorate. Despite some similarities, the costumes from neighboring regions shown in the photographs differ both in the height of the headdress of a married woman and in the way it is decorated, as well as in the length of the outer garment, which was short-brimmed according to the local traditions. Besides, a distinguishing feature of those costumes are a wide bibworn over the dress (PЭМ 213-29) and a metal belt with elongated parts of

²¹ Данная концепция, предполагающая изготовление манекена под костюм, неоднократно встречается в записках А. А. Миллера. – АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 34.

²² АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 34.

²³ АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 1об.

²¹ The current concept, suggesting the manufacturing of a mannequin for a costume, occurs more than once in A. A. Miller's notes. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 34.

²² ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 34.

²³ ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 1rev.

рокий, надеваемый поверх платья, нагрудник (РЭМ 213-29) и металлический пояс с удлиненными частями пряжки (РЭМ 3351-1d, 3351-1a, 1b, 1c)²⁴, что разнит их с костюмами, приобретенными К. З. Кавтарадзе в Елисаветпольской губернии. Допущенная А. А. Миллером неточность объясняется тем, что этнографическое кавказоведение в рассматриваемый период находилось еще на первоначальном этапе своего развития, что еще раз подтверждает обусловленность необходимости и актуальности экспедиционной поездки К. З. Кавтарадзе.

В целом переписка куратора и экспедиционера является своего рода внутримузеевым диалогом, в котором рассматриваются не только общие темы и предметный ряд, но также отдельные предметы и место каждого из них на экспозиции с точки зрения ее художественного оформления. Это существенно отличает данные тексты от других координирующих переписок с внештатными собирателями иного профессионального профиля, не являвшимися сотрудниками музея и не знавшими его изнутри.

Выбор Тифлиса, в котором была сосредоточена основная политическая и культурная жизнь на Южном Кавказе, и Шуши – административного, судебного и культурного центра одноименного уезда Елисаветпольской губернии в качестве ключевых пунктов этнографической экспедиции, а также исследование армянских сел губернии имели под собой ряд оснований. Так, собрание ЭО включало несколько вещевых коллекций (армянских и смешанных, состоявших из армянских и татарских предметов), собранных в 1903 году С. Тер-Аве-

the buckle (РЭМ 3351-1d, 3351-1a, 1b, 1c),²⁴ which distinguishes them from costumes purchased by Kavtaradze in the Elizavetpol Governorate. The inaccuracy admitted by Miller is explained by the fact that ethnographic Caucasian studies in the said period was still at the initial stage of its development, which once again confirms the necessity and relevance of the expeditionary trip of Kavtaradze.

In general, the correspondence between the curator and the expeditionary is a sort of intra-museum dialogue, which considers not only general themes and subjects, but also individual items and their place in the exposition from the point of view of its artistic design. This significantly distinguishes these texts from other coordinating correspondence with non-staff collectors of an alternate professional profile, who were not employees of the museum and did not know it from the inside.

The choice of Tiflis, where the main political and cultural life in the South Caucasus was concentrated, and Shushi, the administrative, judicial and cultural center of the eponymous county of the Elizavetpol Governorate, as the key points of the ethnographic expedition, as well as the study of the Armenian villages of the province, had a number of grounds. The ED collection featured several clothing collections (Armenian and mixed, consisting of Armenian and Tatar items), assembled in 1903 by S. Ter-Avetisyan in the Kasakh region of the Elizavetpol Governorate on the example of which one could get acquainted with

²⁴ Согласно классификации Е. Н. Студенецкой, данные пояса изготавливались армянскими и дагестанскими мастерами и получили широкое распространение по всему региону: «В основном ювелирами были отходники или переселенцы из Дагестана (кубачинцы или лакцы). В городах и крупных селениях работали и ювелиры-армяне, влияние искусства которых испытали и дагестанские ювелиры. Все это способствовало тому, что пояса того или иного типа <...> мы находим повсюду». См.: Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. С. 183.

²⁴ According to E. N. Studenetskaya's classification, these belts had been produced by the Armenian and Dagestani craftsmen and became widely spread all over the region: "The Jewelers were mainly outgoing job-seekers or resettles from Dagestan (Kubachins and Laks). Among the jewelers working in cities and large settlements were also Armenians, whose art influenced the Dagestani jewelers. All this resulted in the fact that belts of one type or another <...> are found everywhere". See: Студенецкая Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. М.: Наука, 1989. P. 183.

тысяном в Казахском уезде Елисаветпольской губернии, на примере которых можно было ознакомиться с некоторыми особенностями бытовой культуры населения уезда. Однако в этих коллекциях наблюдался недостаток, в частности, женских костюмов, а также ремесленных изделий с инструментарием для их изготовления. Кроме того, довольно скупо была представлена городская культура Тифлиса и Шуши.

Кроме городов, экспедиционная поездка К. З. Кавтарадзе охватывала также три армянских села: Кайбали-шен²⁵, Бердадзор²⁶ и Хрхан²⁷, сведения о которых имеются в ряде источников. Так, Кайбали-шен входит в список населенных пунктов, перечисленных в «Кавказском календаре» на 1856 год²⁸, а также упоминается епископом Макаром: «Село Гайбали основано на северо-востоке от Шуши, на возвышенности левого берега реки Гаргар. Жители – местные, земля – бекская, скалистая, безводная и мало производительная, местные урожаи: зерно, овес, яровые, полба, просо, мак (с трудом достаточные для их (населения) потребления), отменны воздух, климат и вода, длина жизни – 90 лет. Церковь – каменная Св. Аствацацин, два священника, дымов – 78, население 320 (м.п.), 260 (ж.п.)»²⁹. Местоположение и состав населения села Бердадзор можно уточнить благодаря сведениям, представленным в камеральных описаниях и в других опубликованных источниках: «Селение распо-

some features of the everyday culture of the population of the region. However, these collections lacked, in particular, women's costumes, as well as handicrafts with manufacturing tools. In addition, the urban culture of Tiflis and Shushi was rather sparingly represented.

Apart from cities, Kavtaradze's expedition also covered three Armenian villages: Kaibali-shen,²⁵ Berdadzor,²⁶ and Khrkhan,²⁷ information about which is can be found in a number of sources. Thus, Kaibali-shen is included in the list of settlements listed in the "Caucasian calendar" for 1856²⁸ and is also mentioned by Bishop Makar: "The village of Gaibali was founded in the north-east of Shushi, on a hill on the left bank of the Gargar River. The inhabitants are local; the land is Bek, rocky, waterless, and not very productive. Locally grown crops are grain, oats, spring crops, spelt, millet, and poppy seeds (hardly sufficient for their local population's consumption). The air, climate, and water are excellent; life expectancy is 90 years. The main church of the village is St. Astvatsatsin ("Holy Mother of God") which has two priests. There are 78 households; the population consists of 320 males and 260 females".²⁹ The location and composition of the population of the village of Berdadzor can be clarified thanks to the information provided in cameral descriptions and

25 Согласно записи К. З. Кавтарадзе – Кайбани-кенд. – АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 31–32. Иные варианты названия села: Гайбалишен, Кайбали-Кенд(ы), Гайбали.

26 Согласно записи К. З. Кавтарадзе – Каладараси. – АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 31–32. Иные варианты названия села: Мец Каладараси (Մեծ Շախախախ), Каракышлаг (Կարաղլաղ), Берддзор (Բերդձոր).

27 Имеются еще два варианта названия села – Хирхан и Херхан.

28 «Челябуртский участок. Хаченский магал. Сел. Кайбали-Кенды Ղայրալիքենդ – население армяно-григорианского вероисповедания, говорят по-армянски». – Кавказский календарь на 1856 год, изданный от Канцелярии Наместника Кавказского. Тифлис: Изд-во Наместника Кавказского, 1855. С. 378.

29 Բարխուտարեանց, Մ. Եպս. Աղուանից երկիր և դրացիք: Արցախ – Երևան, Գանձասար, 1999. С. 238.

25 According to K. Z. Kavtaradze's record, Kaibani-kend. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheets 31–32. Other variants of the name of the village are Gaibalishen, Kaibali-Kend(y), Gaibali.

26 According to K. Z. Kavtaradze's record Kaladarasi. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheets 31–32. Other variants of the name of the village are Mets Kaladarasi (Մեծ Շախախախ), Karakyshlag (Կարաղլաղ), Berdzor (Բերդձոր).

27 There are two other variants of the name of the village – Khirkhan and Kherkhan.

28 "The Chelaburtarea. The Khachen Magal. Kaibali-Kendi village – Ղայրալիքենդ: population of the Armenian-Gregorian faith, they speak Armenian". – Кавказский календарь на 1856 год, изданный от Канцелярии Наместника Кавказского. Тифлис: Изд-во Наместника Кавказского, 1855. P. 378.

29 Բարխուտարեանց, Մ. Եպս. Աղուանից երկիր և դրացիք: Արցախ – Երևան, Գանձասար, 1999. P. 238.

лагалось изолированно от остальных армянских сел как Арцаха, так и Сюника... имело население 337 дымов и 2631 человек (1447 м. п. и 1184 ж. п.) и было самым многолюдным из армянских сел Нагорного Карабаха... К началу XX в., из-за труднодоступного расположения и значительной свободной территории вокруг, Мец Каладараси разделялось на множество разбросанных кварталов и отселков... Как показывают данные камеральных описаний, сословный состав Каладараси в XIX в. был достаточно однородным: подавляющее большинство населения села составляли крестьяне, занимавшиеся «одним только хлебопашеством и частично пчеловодством, у коих имеются три мельницы. Состояния порядочного, почва земли гориста и камениста, лесу достаточно»³⁰. Одним из отселков Бердадзор являлось село Хрхан – третье селение, входящее в экспедиционную поездку К. З. Кавтарадзе³¹.

Города и ряд сел, включенных в маршрут экспедиции, имели развитое ремесленное производство, в частности шелкоткачество³², деревообработку, гончарство, ковроткачество.

other published sources: “The village was located isolated from the rest of the Armenian villages of both Artsakh and Syunik... It had a population of 337 households and 2631 people (1447 males and 1184 females) and was the most populous of the Armenian villages of Nagorno-Karabakh... By the early 20th century, due to its inaccessible location and the large free territory around, Mets Kaladarasi was divided into many scattered quarters and settlements. As the data of cameral descriptions show, the social structure of Kaladarasi in the 19th century was quite homogeneous: the overwhelming majority of the village population was made up of peasants who were engaged “only in arable farming and partly in beekeeping and own three mills. A decent condition, the soil of the earth is mountainous and stony, the forest is enough”³⁰. One of the settlements of Berdadzor was the village of Khrkhan, the third village included in the expedition trip of Kavtaradze.³¹

The towns and villages included into the the expedition route had a developed handicraft production, particularly, in silk weaving³² wood-working, pottery and carpet weaving.

³⁰ Абраамян Р., Меликсетян С. Камеральное описание селения Каладараси (1832–1833 годов) // Армянская генеалогия: Научный альманах. Том первый. М.; Ереван: Старая Басманная, 2022. С. 192–194.

³¹ Абраамян Р., Меликсетян С. Камеральное описание. С. 193.

³² Как указывает в своем труде Е. Лалаян, «по официальным данным в 1895 г. в уезде было 18 шелковых фабрик, а в этом году, согласно сведениям от одного из фабрикантов, во всем уезде есть уже 26 фабрик, из которых 16 – прядильные и 10 – шелкомотальные... В 1895 г. изготовлялось 110 кустов шелка и 280 кустов фрифона». См.: Լալայան, Ե. Երկեր հինգ հատորով. հ. 2, Երևան, ՀԽՍՀ ԳՄ հրատ., 1988. С. 86; О кустарном и фабричном шелководстве пишет также А. Е. Тер-Саркисянц: «В 70-е гг. XIX в. богатые шусинские купцы привезли шелкопрядильные машины из Западной Европы. Снабжая крестьян шелковичной греной, они затем скупали коконы, а также подготовленную грёну, которую отправляли обычно за границу. В ряде сел существовали небольшие шелкопрядильные фабрики кустарного типа, на которых работали не только взрослые женщины, но и девочки с восьми лет». См.: Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. М.: Русская панорама. 2015. С. 597.

³⁰ Абраамян Р., Меликсетян С. Камеральное описание селения Каладараси (1832–1833 годов) // Армянская генеалогия: Научный альманах. Том первый. М.; Ереван: Старая Басманная, 2022. PP. 192–194.

³¹ Abahramyan R., Meliksetyan S. The Cameral Description. P. 193.

³² According to E. Lalayan, “by the official data, in the 1895, there were 18 silk factories in the region, while this year, in the whole region there are already 26 factories, 16 of which are weaving and 10 are silk producing. In 1895 they made 110 bushes of silk and 280 bushes of frizon. See: Լալայան, Ե. Երկեր հինգ հատորով. հ. 2, Երևան, ՀԽՍՀ ԳՄ հրատ., 1988. P. 86. A. E. Ter-Sarkisyants also writes on the handicraft and factory sericulture: “In the 70s of the 19th c. wealthy Shushi merchants brought silk weaving machines from West Europe. Supplying the peasants with the silk raw material they later bought the cocoons, and sent the products abroad. In a number of villages, there were small handicraft-type silk-producing factories, which employed not only adult women, but also girls from the age of eight. See: Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. М.: Русская панорама. 2015. P. 597.

Телеграммой от 9 июня 1915 года из Тифлиса К. З. Кавтарадзе сообщает куратору экспедиции о сложностях на дорогах и о своем намерении отправиться в путь 20-го числа того же месяца³³. В ответном письме, датированном 13 июня, А. А. Миллер пишет о переведенных через банк деньгах на приобретение предметов, а также, что было немаловажно в сложных условиях военного времени, о документах, которые необходимо получить для поездки: «Письмо за подписью Графа Д. И. Толстого³⁴ об оказании Вам содействия было отправлено вчера в Тифлис в Канцелярию Наместника³⁵, удостоверение также выслано на Ваше имя. Это удостоверение Вы предъявите в Канцелярию Наместника и Вам выдадут установленный открытый лист для губерний Тифлисской и Елисаветпольской»³⁶. В письме руководителя также выражаются опасения по поводу невозможности в полной мере выполнить командировочные задания. При этом вновь указывается на необходимость приобретения именно костюмов как наиболее важной части собираемой коллекции: «В данной Вам программе (п. 3-с) указано между прочим, что следует в армянском селении в окрестностях Шуши приобрести собрание предметов хозяйственных производств. На этом я не настаиваю и, если встретятся какие-либо затруднения в перевозке или Вы не будете располагать достаточным временем, то от этого совершенно откажитесь, обратив все Ваше внимание на костюмы»³⁷.

Между тем К. З. Кавтарадзе удалось приобрести и перевезти в Санкт-Петербург все запланированные в задании материалы, за исключением фотографий, что зафиксировано в архивных документах: списке предметов от

By a telegram dated June 9, 1915 from Tiflis, Constantine Kavtaradze informs the expedition curator about the difficulties on the roads and about his intention to set off on the 20th of the same month.³³ In a reply dated June 13, Alexander Miller writes about the money transferred through the bank for the purchase of items, and also, about the documents that need to be obtained for travel, which was something important in difficult wartime conditions, "A letter signed by Count Dmitriy Tolstoy³⁴ about rendering assistance to you was sent yesterday to Tiflis to the Office of the Viceroy.³⁵ A certificate was also sent in your name. You will present this certificate to the Office of the Viceroy and you will be given the established open sheet for the Tiflis and Elizavetpol Governorates."³⁶ The supervisor's letter also expresses concerns about the inability to fully complete expedition assignments. Meanwhile, the need to purchase the costumes as the most important part of the collection is again highlighted: "In the program given to you (paragraph 3-c), it is indicated, among other things, that in the Armenian village in the vicinity of Shushi, a collection of household items should be purchased. I do not insist on this, and if there are any difficulties in transportation or you do not have enough time, then feel free to disregard this, turning all your attention to the costumes".³⁷

Meanwhile, C. Z. Kavtaradze managed to acquire and transport to St. Petersburg all the materials planned in the task, with the exception of photographs, which is recorded in archival documents: in the list of items dated January 30, 1916,³⁸ as

³³ АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 4.

³⁴ Граф Дмитрий Иванович Толстой являлся директором Императорского Эрмитажа и исполняющим обязанности управляющего Русского музея императора Александра III.

³⁵ Наместником на Кавказе летом 1915 г. был Илларион Иванович Воронцов-Дашков.

³⁶ АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 5.

³⁷ АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 6.

³³ ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 4.

³⁴ Count Dmitry Ivanovich Tolstoy was director of the Imperial Hermitage and acting manager of the Russian Museum of Emperor Alexander III.

³⁵ The viceroy in the Caucasus in Summer 1915 was Illarion Ivanovich Vorontsov-Dashkov.

³⁶ ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 5.

³⁷ ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 6.

³⁸ Collections gathered among the Georgian, Armenians,

30 января 1916 года³⁸, а также в экспедиционном «Отчете», официальное заполнение которого датировано 4 марта 1916 года³⁹.

Основная работа по сбору этнографических памятников, характеризующих традиционную культуру армянского населения региона, как следует из музейной документации, происходила в Тифлисе, Шуши и трех селах. В соответствии с принятыми в ЭО нормами в «Отчете» предметы объединены в костюмные комплексы или сгруппированы по иному тематическому признаку, все подробно аннотированы собирателем: указаны «общераспространенное и местное» названия, место приобретения, а для сел – также расстояния от Шуши⁴⁰.

Коллекции включают 5 полных костюмных комплексов (2 – городских, 3 – сельских)⁴¹, а также отдельные предметы мужской и женской одежды из Шуши⁴². Тематически и локально выделены орудия земледелия («Сельское хозяйство», с. Кайбали-шен), деревообработка («Кустарное производство», с. Бердадзор), гончарное ремесло⁴³ («Гончарное производство Армянское», с. Хрхан⁴⁴) и изготовление музыкальных инструментов («Музыкальное производство, гор. Шуши, арм. часть. Музыкальный мастер Ишхан Галустов»⁴⁵), отдельно представлены три ковра из с. Кайбали-шен. Итак, были выбраны и приобретены наиболее важные маркеры в costume и занятиях именно этой армянской локальной традиции, де-

well as in the expeditionary “Report”, the official completion of which is dated March 4, 1916.³⁹

The main work on the collection of ethnographic artifacts characterizing the traditional culture of the Armenian population of the region, according to the museum documentation, took place in Tiflis, Shushi and three villages. Following the standards adopted in the ED, in the “Report” the items are combined into costume complexes or grouped according to another thematic feature; everything is annotated in detail by the collector: the “common and local” names are indicated, the place of purchase, and the distance from Shushi⁴⁰ in case of the villages.

The collections include 5 complete sets of costumes (2 urban, 3 rural),⁴¹ as well as individual items of men's and women's clothing from Shushi.⁴² Thematically and locally are highlighted farming tools (“Agriculture”, village of Kaibali-shen), woodworking (“Handicraft production”, village of Berdadzor), pottery⁴³ (“Armenian pottery production”, village of Khrkhan⁴⁴) and production of musical instruments (“Musical production, Shushi city, Armenian part. Musical master Ishkhan Galustov”⁴⁵); three carpets from the village of Kaibali-shen are presented individually. Thus, the most important markers in the costume and activities of this local Armenian tradition were selected and acquired, demonstrating the characteristic features of the economic and

38 Отдельными списками представлены коллекции, собранные среди грузин, армян, персов и татар. – АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 11–15.

39 Здесь же зафиксированы суммы, израсходованные на покупку армянских коллекций – 727 руб. 02 коп., накладные расходы – 217 руб. 36 коп., т.е. всего – 944 руб. 38 коп. – АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 30.

40 Так, в документе указано, что село Кайбали-шен «в 5 верст[ах] от г. Шуши», Бердадзор – в 26 верстах от города, Хрхан – в 30 верстах. – АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 13, 31–32об.

41 АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 31–31об.

42 АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 13.

43 Интересно, что инструменты гончара для выравнивания сосудов названы К. З. Кавтарадзе «стекки» по аналогии с основным инструментом скульптора.

44 АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 32.

45 АРЭМ Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 32об.

Persians and Tatars are presented in separate list. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheets 11–15.

39 The amounts spent on the purchase of the Armenian collections are also recorded here – 727 rubles 02 kopecks, overhead costs – 217 rubles 36 kopecks, i.e. total – 944 rubles 38 kopecks. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 30.

40 Thus, the document states that the village of Kaibali-shen “is 5 versts from the city of Shushi”, Berdadzor is 26 versts from the city, Khrkhan is 30 versts from the city. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 31–32rev.

41 ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheets 31–31rev.

42 ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 13.

43 It is particularly interesting that, the potter's tools for levelling vessels are called “stekki” by K. Z. Kavtaradze, by analogy with the sculptor's main tool.

44 ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 32.

45 ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 32rev.

монстрирующие характерные черты экономической и культурной ниши армянского населения. С собранными К. З. Кавтарадзе вещевыми материалами и документами к ним ознакомился координатор экспедиции А. А. Миллер, о чем свидетельствуют заметки к спискам, в которых его рукой проставлены коллекционные номера предметов⁴⁶.

Таким образом, итогом экспедиционной поездки К. З. Кавтарадзе в 1915 году в Елисаветпольскую губернию стал корпус предметов, сопровождаемый уточняющими сведениями, что делает данные коллекции уникальным по своей полноте историко-этнографическим источником. Благодаря научной стратегии, которой придерживался куратор экспедиции А. А. Миллер, с целью восполнения лакун, имевшихся в музейном собрании в презентации отдельных культур, для поездки была выбрана местность с характерной, «самобытной» культурой, отличавшейся от других армянских историко-этнографических областей.

Исключительность данных коллекций обусловлена и тем, что предметный мир указанной территории, в связи с ее несколько отдаленным расположением и исторической судьбой, вероятно, не заинтересовал крупные общерегиональные музеи того времени, например Кавказский музей в Тифлисе⁴⁷. Аналогичные предметы, в частности два женских, детский и мужской костюмы различной комплектации из Шуши, представлены лишь в Музее истории Армении⁴⁸, что объясняется зна-

cultural niche of the Armenian population. The coordinator of the expedition, Alexander Miller, got acquainted with the belongings and documents collected by Kavtaradze, as evidenced by the notes he made to the collection numbers of the items on the lists.⁴⁶

The result of the expeditionary trip of Kavtaradze in 1915 to the Elizavetpol Governorate was a corpus of objects, accompanied by additional information, which makes these collections a historical and ethnographic source that is unique in its completeness. Thanks to the scientific strategy pursued by the expedition curator Alexander Miller, a place with a characteristic, "original" culture was chosen for the trip (one that differed from other Armenian historical and ethnographic regions) to fill the gaps in the presentation of individual cultures in the museum collection.

The exclusivity of these collections is also due to the fact that the objects from this territory, due to its somewhat remote location and historical fate, probably did not interest large regional museums of that time (for example, the Caucasian Museum in Tiflis⁴⁷). Similar items, in particular, two women's, one children's and one men's costumes of various configurations from Shushi, are presented only in the Museum of the History of Armenia,⁴⁸ which highlights the importance of

⁴⁶ Однако в силу сложной социополитической обстановки регистрация коллекций была проведена сотрудниками отдела этнографии народов Кавказа Государственного музея этнографии народов СССР лишь в 1950-х гг.

⁴⁷ Кавказский музей (Museum Caucasicum) – крупнейший на Южном Кавказе универсальный музей, в котором хранились коллекции, в том числе и этнографические, собранные по всему кавказскому региону. В 1903–1915 гг., с некоторыми перерывами, директором музея являлся А. Н. Казнаков, коллега и друг А. А. Миллера. В настоящее время коллекции Кавказского музея входят в собрание Национального исторического музея Грузии.

⁴⁸ Один из женских костюмов представлен в музейном каталоге. См.: Armenian costume 18th–19th c. Yerevan: Historical Museum of Armenia Publishing House,

⁴⁶ However, due to the difficult sociopolitical situation, the registration of collections was carried out by the staff of the Department of Ethnography of the Peoples of the Caucasus, State Museum of Ethnography of the Peoples of the USSR, only in the 1950s.

⁴⁷ The Caucasian Museum (Museum Caucasicum) is the largest in the South Caucasus universal museum, whose collections, including ethnographic ones, had been gathered throughout the entire region of the Caucasus. In 1903–1915, with some interruptions, the director of the museum was A. N. Kaznakov, a colleague and friend of A. A. Miller. At present, the collections of the Caucasian Museum are included into the collection of the Historical Museum of Georgia.

⁴⁸ One of the women costumes is presented in the Museum Catalog. See: Armenian costume 18th–19th c. Yerevan: Historical Museum of Armenia Publishing House, 2014. P. 93.

чимостью для данного музея материалов по армянской этнографии в целом. Между тем широкий охват научно-собрательских интересов императорского музея и исследовательская концепция, которой придерживался куратор региона А. А. Миллер, способствовали тому, что собрание ЭО пополнилось столь ценным комплексным материалом.

Следует также отметить исключительную роль профессиональных качеств портретиста и скульптора К. З. Кавтарадзе в его деятельности в качестве корреспондента-экспедиционера. Этнографический рисунок, как портретный, так и пейзажный, получает признание в научных кругах во второй половине XIX века, постепенно заменяя путевые зарисовки. Профессиональные художники становятся участниками этнографических экспедиций, в которые они отправляются самостоятельно или по приглашению академических исследователей. Среди художников, создавших ряд рисунков, картин и офортов на основе своих полевых эскизов, следует назвать Л. Д. Дмитриева-Кавказского, издавшего в 1880-х годах в Санкт-Петербурге иллюстрированные оригинальными гравюрами альбомы «Кавказ» и «Кавказ. Художественный альбом типов Кавказа»⁴⁹. В 1891 году к полевой работе приступает художник-собратель С. М. Дудин, который по приглашению академика В. В. Радлова в качестве рисовальщика и фотографа участвует в экспедиции по долине р. Орхон, а в дальнейшем становится крупнейшим фондообразователем коллекций ЭО по традиционной культуре народов Средней Азии⁵⁰.

Покоренными «атмосферой ориентализма»⁵¹ художниками-этнографами более позд-

materials on Armenian ethnography in general for this museum. Meanwhile, the wide scope of scientific and collecting interests of the imperial museum and the research concept, which was adhered to by the curator of the region Alexander Miller, contributed to the fact that the ED collection was replenished with such valuable complex material.

The exceptional role of the professional qualities of the portrait painter and sculptor C. Kavtaradze as an expeditionary correspondent should also be noted. Ethnographic drawing, both portrait and landscape, was recognized in scientific circles in the second half of the 19th century, gradually replacing travel sketches. Professional artists become members of ethnographic expeditions, to which they go either on their own or at the invitation of academic researchers. Among the artists who created a number of drawings, paintings and etchings based on their field sketches, we should note Lev Dmitriev-Kavkazsky, who published the “Caucasus” and “Caucasus. Artistic album of types of the Caucasus»⁴⁹ albums illustrated with original engravings in St. Petersburg in the 1880s. In 1891, the artist-collector Samuil Dudin began field work, and, at the invitation of academician Vasiliy Radlov, took part in an expedition along the valley of the river Orkhon as a draftsman and photographer. Samuil Dudin later becomes the largest collector of artifacts of the ED collections on the traditional culture of the peoples of Central Asia.⁵⁰

Among the ethnographers of a later period conquered by the “atmosphere of Orientalism”,⁵¹

2014. С. 93.

⁴⁹ В 1894 г. в петербургском издательстве им также была опубликована книга «По Средней Азии. Записки художника Л. Е. Дмитриева-Кавказского». О его деятельности см.: Малашевская Л. Дмитриев-Кавказский и его «Мастерская для учащихся». URL: <https://forum.artinvestment.ru/blog.php?b=805>.

⁵⁰ Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. / Вступ. ст. и прим. Т. Г. Емельяненко. М.: Фонд Марджани, 2021.

⁵¹ Используется термин из вводной статьи к альбому

⁴⁹ In 1894, he also published the book “Across Central Asia. Notes of the artist L. E. Dmitriev-Kavkazsky”. For his activities, see: Malashevskaya L. Dmitriev-Kavkazsky and his “Workshop for Students”. URL: <https://forum.artinvestment.ru/blog.php?b=805>.

⁵⁰ Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. / Вступ. ст. и прим. Т. Г. Емельяненко. М.: Фонд Марджани, 2021.

⁵¹ The term is borrowed from the introductory text to A. Rubtsov’s Album: Александр Рубцов / Науч. рук. Е. Петрова; авт. ст.: А. Хамза, Т. Чудиновская, Ф. Миттеран. СПб.: Palace Edition, 2022. P. 16.

него периода были также немецкий рисовальщик Э. Раков, зафиксировавший костюмы, их крой и способ ношения в традиционной культуре народов Северной Африки⁵², французский художник, этнограф Ж. Безансено, опубликовавший костюмы и украшения арабов и берберов Марокко⁵³. В начале XX века в Северной Африке работал также живописец русского происхождения А. Рубцов, передававший в своих полотнах эстетику бытовой культуры Туниса⁵⁴.

Тенденции, объединяющие этнографические и художественные интересы, распространенные в интеллектуальных кругах начала XX столетия, не были чужды и К.З.Кавтарадзе. Однако в отличие от других художников он в то же время становится сотрудником музея, в котором при его непосредственном участии организовывается манекенная мастерская, где создаются скульптуры-манекены, отражающие антропологические черты представителей различных народов, в том числе и народов Кавказа⁵⁵. С другой стороны, ключевыми для музейной деятельности в этот период становятся попытки включения вещей в общий культурный контекст, что требовало их фиксации не только в рамках предметного ряда (условно называемого «натюрмортным подходом») и изображения отдельных типов людей (условно «портретов»), но и в рамках концепции отражения культуры в целом, подразуме-

were also the German draftsman E. Rakov, who recorded the costumes, their cut and the way they were worn in the traditional culture of the peoples of North Africa,⁵² and French artist and ethnographer J. Besancenot, who published the costumes and jewelry of the Arabs and Berbers Morocco.⁵³ At the beginning of the 20th century, the painter of Russian origin Alexandr Rubtsov also worked in North Africa, conveying in his canvases the aesthetics of the everyday culture of Tunisia.⁵⁴

The tendencies that unite ethnographic and artistic interests, common in the intellectual circles of the early 20th century, were not alien to Constantine Kavtaradze. However, unlike other artists, he also becomes an employee of the museum, in which, with his direct participation, a mannequin workshop is organized, where mannequin sculptures are created that reflect the anthropological features of representatives of various peoples, including the peoples of the Caucasus.⁵⁵ On the other hand, key to museum activity during this period are the attempts to include articles in the general cultural context, which required their fixation not only within the subject range (conditionally called the "still life approach") and the image of certain types of people (conditionally "portraits"), but also within the framework of the concept of reflection of culture as a whole, implying the connection of an object and its owner in an appropriate atmosphere, which, in turn, was conveyed by placing a mannequin in a full costume surrounded by objects that existed in the cultural

А. Рубцова: Александр Рубцов / Науч. рук. Е. Петрова; авт. ст.: А. Хамза, Т. Чудиновская, Ф. Миттеран. СПб.: Palace Edition, 2022. С. 16.

52 Rackow E. Beitrage zur Kenntnis der materialien Kultur Nordwest-Marokkos. Wohnraum, Hausrat, Kostum. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.

53 Ж. Безансено также являлся сотрудником Музея Человека в Париже. Besancenot J. Costumes et types du Maroc illustrés de soixante gouaches reproduites en facsimile et en camafeu. Paris: Horizons de France, 1942; Bijoux arabes et berbères du Maroc: 40 planches comprenant 193 modèles de bijoux, dessinés et commentés. Casablanca: Ed. de la Cigogne, 1953.

54 Александр Рубцов / Науч. рук. Е. Петрова; авт. ст.: А. Хамза, Т. Чудиновская, Ф. Миттеран. СПб.: Palace Edition, 2022.

55 Таким, в частности, является манекен, одетый в костюм горожанки-шушинки, привезенный из экспедиции К.З.Кавтарадзе, который экспонируется в музее с 1970-х гг.

52 Rackow E. Beitrage zur Kenntnis der materialien Kultur Nordwest-Marokkos. Wohnraum, Hausrat, Kostum. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.

53 Jean Besancenot was also an employee of the Museum of Man in Paris. Besancenot J. Costumes et types du Maroc illustrés de soixante gouaches reproduites en facsimile et en camaieu. Paris: Horizons de France, 1942; Bijoux arabes et berbères du Maroc: 40 planches comprenant 193 modèles de bijoux, dessinés et commentés. Casablanca: Ed. de la Cigogne, 1953.

54 Александр Рубцов / Науч. рук. Е. Петрова; авт. ст.: А. Хамза, Т. Чудиновская, Ф. Миттеран. СПб.: Palace Edition, 2022.

55 An example is the mannequin dressed in the costume of a townswoman from Shushi, brought from the expedition of Kavtaradze and exhibited in the museum since the 1970s.

вающей связь предмета и его владельца в соответствующей атмосфере, что, в свою очередь, передавалось помещением манекена в полном костюме в окружение бытовавших в культурной среде предметов. Таким образом, в работе К. З. Кавтарадзе ориентальные образы перешли из области изобразительного искусства в научную и музейную сферы, а способ фиксации типов – в формат классических этнографических штудий.

environment. Thus, in the work of Constantine. Kavtaradze, oriental images moved from the field of fine arts to the scientific and museum spheres, and recording the types transgressed into the format of classical ethnographic studies.

*Молодая женщина с ребенком верхом на лошади
1870–1890 гг. Фотограф Д. И. Ермаков
РЭМ 213-101*

*A young woman with a child on horseback
1870–1890. Photographer D. I. Yermakov
РЭМ 213-101*

ХАРАКТЕРИСТИКА АРМЯНСКИХ КОЛЛЕКЦИЙ К. З. КАВТАРАДЗЕ

CHARACTERISTICS OF C. Z. KAVTARADZE'S ARMENIAN COLLECTIONS

В 1915 году в результате экспедиционной поездки К. З. Кавтарадзе в регион Южного Кавказа собрание Этнографического отдела Русского музея Александра III пополнилось памятниками, относящимися к традиционной культуре армян. Из приобретенных предметов были сформированы музейные коллекции № 3518 и 3599, которые в настоящее время включают 131¹ предмет. Коллекции характеризуются тематической широтой и основаны на современной экспедиционеру музейной концепции комплектования фондов, согласно которой предпочтение отдавалось наиболее полному, комплексному сбору полевого материала – вещей, репрезентативных для данной традиции. Благодаря концептуальному подходу к отбору памятников материальной культуры и их тематическому разнообразию, входящий в коллекции корпус предметов существенно расширяет представления о восточно-армянской² традиционной культуре, в первую очередь costume, бытовавшем в армянской среде в конце XIX – начале XX века.

Значительная часть собрания отражает тему мужского и женского костюмов. В группу вещей³, представляющих женский костюм, входят 42 предмета, мужской – 19. В коллекции включены также 2 подвески и 1 кисет. Еще

In 1915, Constantine Kavtaradze's expedition to the South Caucasus region resulted in the Collection of the Ethnographic Department of the Russian Museum of the Emperor Alexander III being replenished with the artifacts related to the traditional culture of the Armenians. The acquired objects comprised the Museum Collections No. 3518 and 3599 consisting of 131¹ objects to date. The collections are characterized by a thematic range and are based upon the museum concept of completing the exhibitory stocks contemporary to the expeditioner, where the preference was given to a most complete and complex collection of the field material or the items representative of a given tradition. Thanks to the conceptual approach to the selection of artifacts of material culture and their thematic variety, the mass of objects in the collection will substantially expand the ideas on the Eastern Armenian² traditional culture, above all, on the costume, typical for the Armenian environment at the turn of the 19th century.

A substantial part of the collection reflects the theme of the male and female costumes. The group,³ representing the female costume, includes 42 artifacts and the men's – 19. The collection also contains 2 pendants and a tobacco pouch. Another large group in the collection are musical instru-

¹ Из экспедиционной поездки было привезено 154 предмета, однако 23 из них были утрачены во время Второй мировой войны.

² Использован термин, предложенный С. Лисицианом, который разделял армянскую традиционную культуру западных и восточных провинций Армении на основании типов жилища и костюма. См.: Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 182–264.

³ Далее будет рассмотрен предметный ряд, представленный в настоящем каталоге.

¹ 154 items were brought from the expedition trip, but 23 of them were lost during World War II.

² The term used was proposed by S. Lisitsian, who made a distinction between the Armenian traditional culture of the western and eastern provinces of Armenia, based on the types of housing and costume. See: Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник. Т. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955. P. 182-264.

³ The exhibits range presented in the current catalogue, will be discussed further.

одну большую группу в собрании составляют музыкальные инструменты (6 – полностью сделанные, 8 – заготовки) и орудия для их изготовления (11 предметов). Инструменты гончара представлены 4 предметами, а керамические изделия – 9. Небольшую группу образуют орудия земледелия (5 предметов) и предметы, относящиеся к ремеслу деревообработки (1 – инструмент, 4 – ложки). Искусство ковроткачества демонстрируют 3 безворсовых ковра.

Одна часть предметов, приобретенная в Тифлисе (мужской костюмный комплекс) и Шуши (женский костюм, отдельные предметы и украшения женской одежды, подвески, кистет, мужская обувь, музыкальные инструменты), отражает городской быт и занятия армян, другая, собранная в трех селах⁴ Шушинского и Зангезурского уездов Елисаветпольской губернии – Бердадзор (деревянные ложки и инструмент для их изготовления), Хрхан (инструменты и изделия гончара) и Кайбали-шен (женские и мужской костюмные комплексы, орудия земледелия, ковры), демонстрирует костюм и основные хозяйственные занятия сельского армянского населения.

I

КОСТЮМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ПРЕДМЕТЫ КОСТЮМА

Входящие в коллекции предметы дают представление о составе регионального армянского традиционного костюма, присущих ему элементах. Пять костюмных комплексов позволяют выявить особенности одежды, характерные для жителей Тифлиса, Шуши, а также с. Кайбали-шен. Предметы одежды демонстрируют предпочтения в выборе ткани, особенности кроя и декорирования, приемы знаковой систе-

⁴ Поздние музейные регистрационные документы, составленные в 1950-х гг. Е. Г. Торчинской и Н. Н. Разинской, содержат некоторые неточности в локализации предметов. Основным источником для уточнения места приобретения памятников стали архивные документы, содержащие список предметов, аннотированных собирателем. – АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 13, 30–32об.

ments (6 completed, 8 semi-manufactured articles) and the tools for their manufacturing (11 articles). The instruments of a potter include 4 articles, while ceramic articles – 9. Another small group are the agricultural tools (5 articles) and the ones related to the craft of woodworking (1 – instrument, 4 – spoons). The art of carpet weaving is shown on 3 pileless carpets.

A part of the articles acquired in Tiflis (a costume complex for men) and Shushi (a costume for women, individual articles and adornments of women's clothes, pendants, a tobacco pouch, musical instruments) shows urban domestic life and occupations of the Armenians. Others, gathered in three villages⁴ of the Shushi and Zangezur regions of the Elizavetpol Governorate – Berdadzor (wooden spoons and the tools for their production), Khrkhan (instruments and potter's articles), Kaibalishen (female and male costume complexes, instruments of agriculture, carpets), show the costume and the basic economic occupations of rural Armenian populations.

I

COSTUME COMPLEXES AND ITEMS OF COSTUME

The objects that are part of collections, give an idea about the composition of the regional Armenian traditional costume and its inherent elements. Five costume complexes enable to identify the feature of clothing proper to the dwellers of Tiflis, Shushi, as well as Kaibali-shen village. The items of clothing show preferences in the choice of fabric, peculiarity of the cut and decoration, the use of sign system and techniques of embroidery. Costume decorations provide an

⁴ Later registration documents of the museum, compiled in the 1950s. by E. G. Torchinskaya and N. N. Razinskaya, contain some inaccuracies in the localization of objects. Archival documents containing a list of objects, annotated by the collector, became the main source for clarifying the place of the items' acquisition. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheets 13,30–32rev.

мы, техники вышивки. Украшения к костюму дают возможность расширить знания об их видах, используемых материалах, о технических и орнаментальных приемах, характерных для армянской традиционной культуры определенных историко-этнографических областей.

ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ

В коллекцию входят все основные категории традиционной женской одежды историко-этнографической области⁵ Арцах⁶: рубаша, шаровары, верхнее распашное платье, многослойный головной убор, носки и обувь. Кроме того, представлены дополнения к костюму – пояса, подвязки на ноги, а также украшения⁷.

В собрании имеются женский костюм из Шуши (14 предметов) и два костюма из Кайбали-шена (9 предметов), приобретенных как комплекс⁸.

Представленные костюмы позволяют говорить об аналогиях в составе комплексов, демонстрирующих единую локальную традицию в указанной историко-этнографической области, различия же касаются лишь присутствия/

opportunity to expand knowledge about their types, materials used, technical and ornamental techniques that are characteristic of the Armenian traditional culture of certain historical and ethnographic areas.

WOMEN'S COSTUME

The collection contains all basic categories of traditional female clothing in the historical ethnographic area⁵ of Artsakh:⁶ a shirt, bloomers, sweeping overdresses, a multilayer headgear, socks and footwear. Besides, there are accessories to the costume – belts, leg garters, as well as jewelry.⁷

The collection has a woman's costume from Shushi (14 articles) and two costumes from Kaibali-shen (9 articles) acquired as a complex.⁸

The presented costumes allows us to speak about the analogies in the composition of complexes demonstrating a single local tradition in the indicated historical and ethnographic field, while the differences in the collection relate only

⁵ Названия историко-этнографических областей даны по А. Е. Тер-Саркисянц. См.: Тер-Саркисянц А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература, 1998. С. 36.

⁶ Для обозначения данной территории в этнографической литературе используется также название «Нагорный Карабах». См.: Լիւիզյան Ս. Լեռնային Ղարաբաղի հայերը (ազգագրական ակնարկ) // Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն. նյութեր և ուսումնասիրություններ. Հ. 12. Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1981. С. 9–84; Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. М.: Русская панорама, 2015.

⁷ Наиболее близким по структуре данному костюму является комплекс из соседней историко-этнографической области Сюник (Зангезур), что позволяет использовать его для характеристики рассматриваемой коллекции.

⁸ Как указывает А. Тер-Саркисянц, названия имели не только отдельные детали костюма и их элементы, но и весь комплекс в целом – «традиционная женская одежда армян Арцах-Карабаха, называемая *хай-авари* (букв.: по-армянски)». См.: Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 629. Очевидно, таким названием локальный костюм противопоставляли европейскому, получившему распространение в последней четверти XIX в. в городской среде.

⁵ The names of the historical and ethnographic regions are given according to A. E. Ter-Sarkisyants. See: Тер-Саркисянц А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции. М.: Восточная литература, 1998. P. 36.

⁶ To designate this territory, the name "Nagorno-Karabakh" is also used in ethnographic literature. See: Լիւիզյան Ս. Լեռնային Ղարաբաղի հայերը (ազգագրական ակնարկ) // Հայ ազգագրություն և բանահյուսություն. նյութեր և ուսումնասիրություններ. Հ. 12. Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1981. P. 9–84; Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. М.: Русская панорама, 2015.

⁷ The closest in structure to this costume is a complex from the neighboring historical and ethnographic region of Syunik (Zangezur), which allows it to be used to characterize the discussed collection.

⁸ As A. Ter-Sarkisyants points out, not only individual details of the costume and their elements, but the complex as a whole, had their names: "traditional women's clothing of the Armenians of Artsakh-Karabakh, called *hayavari* (lit.: in the Armenian style)". See: Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. P. 629. Obviously, this name was used to oppose the local costume to the European one, which became widespread in an urban environment in the last quarter of the 19th century.

отсутствия в коллекции шаровар (отсутствие их в сельских костюмах объясняется, вероятно, отказом владелиц передать их собирателю), подвязок на ноги, нагрудников и нагрудных подвесок, маркирующих сельский костюм.

В целом в костюм из Шуши входят: 1. Плечевая одежда, включающая рубаху *шапик*⁹ (I.1), верхнюю распашную одежду архалук (I.3), платье *мтана* (I.4). 2. Поясная одежда: шаровары *похан*. 3. Сложный головной убор *чихта* (I.7), состоящий из обода, завязок, повязки и нижнего платка; верхнего головного покрывала (I.10) и застежки *чангал* к нему (I.11). 4. Носки (I.12), обувь *кошик* (I.14). Дополняют комплекс пояс *готи*¹⁰ (I.6), подвязки на ноги *доллах* (I.13) и украшения: наушное *чинабанд* (I.8), налобное *чакати-тана* (I.9), нагрудное *дошик* (I.5).

В комплексы из Кайбали-шена входят: 1. Плечевая одежда: рубаха *шапик* (I.15, I.23), архалук (I.16, I.24). 2. Сложный убор *чихта* (I.19, I.27), включающий обод, нижний платок, верхнее головное покрывало *лечак* (I.26) и застежку к головному покрывалу – *чангал* (I.22, I.30). 3. Носки (I.32), обувь *чимошк* (I.33). Дополнения представлены ткаными поясами *готи* (I.17, I.25), украшениями: наушными *чинабанд* (I.20, I.29), налобными *чакати-тана* (I.21, I.28), нагрудными подвесками (I.18, I.31).

При наличии общих черт костюмы вариативны в ряде деталей.

Так, представленные в коллекции рубахи (I.1, I.15, I.23) длиной до щиколоток (131.5, 132 и 138 см), с длинными (ок. 50 см), несколько расширяющимися книзу рукавами, имеют стан, расширяющийся за счет боковых трапециевидных клиньев, вертикальный разрез по вороту, без воротника (I.15, I.23) или с небольшим воротником-стойкой. Ворот декорирован полосой черной ткани шириной 2 см, вероятно, он

to the presence/absence of bloomers (their absence in the rural costumes is probably explained by the female owners' refusal to hand it to the gatherer), leg garters, breast collars and breast pendants marking the rural costume.

On the whole, the costume from Shushi features: 1. Upper body garments, including: a shirt *shapik*⁹ (I.1), outerwear, including an arkhaluk (I.3), a dress *mtana* (I.4). 2. waist garments: bloomers *phokhan*. 3. An elaborate headdress *chikhta* (I.7), consisting of a hoop, strings, a band and an underside head scarf; an outer head cover (I.10) and its clasps *changal* (I.11). 4. Socks (I.12), footwear *koshik* (I.14). The complex is accessorized with the belt *goti*¹⁰ (I.6), leg garters *dollakh* (I.13) and jewellery: earflaps *chinaband* (I.8), headbands *tschakati-tapa* (I.9), a bib *doshik* (I.5).

The complexes from Kaibali-shen include: 1. Upper body garments: shirt *shapik* (I.15, I.23), arkhaluk (I.16, I.24). 2. An elaborate headdress *chikhta* (I.19, I.27), including a hoop, an underside head scarf, an outer head cover *lechak* (I.26) and a clasp to the head cover *changal* (I.22, I.30). 3. Socks (I.32), footwear *chimoshk* (I.33). Accessories consists of woven belts *goti* (I.17, I.25) and decorations: earflaps *chinaband* (I.20, I.29), headbands *tschakati-tapa* (I.21, I.28), breast pendants (I.18, I.31).

While having common features, the costumes vary in some details.

The shirts in the collections (I.1, I.15, I.23) are ankle length (131.5, 132 and 138 cm), with long (abt. 50 cm), slightly widening downwards sleeves, which widen on account of the lateral trapezoid wedges. They have a vertical slit on the neckline, either no collar (I.15, I.23) or a small standing one. The neckline is decorated with a band of black fabric 2 cm. wide. Perhaps it was buttoned with an air loop, since its traces are still

⁹ В документах, составленных К. З. Кавтарадзе, использован термин *шабик*. – АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 31–31об.

¹⁰ К. З. Кавтарадзе использует термин *годик*. – АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 31–31об.

⁹ In the documents compiled by K. Z. Kavtaradze, the term *shabik* is used. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheets 31–31rev.

¹⁰ C. Z. Kavtaradze uses the term *godik*. – ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheets 31–31rev.

застегивался на пуговицу и воздушную петлю, поскольку на одной из рубаш (I.15) видны ее следы. По внутреннему краю черной полосы на двух рубашках (I.1, I.23) нашиты нанизанные на шнур скрученные проволоки-пронизки в виде трубочек (серебряных (I.1) и из белого металла (I.23)). Рукава – с прямой проймой и ромбовидными ластовицами, в одном случае – из светлого фабричного ситца (I.15). Нижняя часть рукавов, выступающая из-под верхней одежды, изготовлена из более качественной ткани.

Рубахи сшиты комбинированным способом (на руках и на машинке) из двух видов ткани красных оттенков: основной – недорогой хлопчатобумажной и дополнительной – более плотной хлопковой (I.15) или шелковой (I.1, I.23)¹¹. Два куса основной ткани (короткий спереди – ок. 40 см, длинный сзади – ок. 70 см) сшиты на спинке чуть ниже плеч. Основная ткань спинки подшита по подолу полосой плотной хлопчатобумажной или шелковой ткани (ок. 50 см), спереди же на короткую основную ткань нашит большой (в длину рубахи) кусок дополнительной.

Вероятно, двойная ткань предназначалась для уплотнения и, следовательно, укрепления разреза ворота с нашитыми на него металлическими украшениями, предотвращая тем самым разрыв тонкой дорогой ткани при ношении.

Рубахи из коллекции отличаются качеством дополнительной ткани, а также наличием/отсутствием на вороте декоративных элементов, изготовленных из различных металлов. Сочетание серебряных украшений с шелковой тканью – признак высокого социального статуса и фертильного возраста женщины, в то время как металлические украшения и

visible on one of the shirts (I.15). On the inner edge of the black band, two shirts (I.1, I.23) show threaded twisted small wire tubes of silver (I.1) and of white metal (I.23). Sleeves have straight armholes and diamond shaped gussets; one of the samples is of light-colored manufactured calico. (I.15). The lower part of sleeves protruding from under the upper clothes, is made of a higher quality fabric.

The shirts are sewn using a combined method (by hand and with machine) and are made of two types of red fabric: the main one is made of inexpensive cotton, and additionally of a denser cotton fabric (L.15) or silk (I.1, I.23)¹¹. Two pieces of the main fabric (shorter in front, abt. 40 cm, longer on the back, abt. 70 cm) are sewn together on the back, a little below the shoulder. The main fabric of the back is sewn along the lap using a band of thick cotton or silk fabric (abt. 50 cm). At the front, sewn upon the main fabric is a large (at the length of the shirt) piece of additional fabric.

The double fabric, probably, was intended to seal and, consequently, strengthen the cut of the collar with metal decorations sewn on it, thereby preventing tearing of the thin expensive fabric when worn.

The shirts from the collection are distinguished by the quality of the additional fabric, as well as the presence/absence of decorative elements on the collar made of different metals. The combination of silver jewellery with silk fabric is a sign of a woman's high social status and fertile age, while metal decorations and silk indicate that the young woman belongs to a lower

¹¹ Отметим, что ткань-накладка, названная С. Лисицианом *дрейи* (դրէյի) (Լիսիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1969. Ս. 116), в словаре диалектов определяется как «темно-красная отборная материя» (Հայոց լեզվի բարբառային բառարան / Հ. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտ. Հ. Ի. Երևան, Գիտություն, 2001. Ս. 350). Таким образом, основными ее критериями являются красный цвет и высокое качество вне зависимости от того, является ли она шелковой или хлопчатобумажной.

¹¹ It should be noted that the overlay fabric, called *dreyi* (դրէյի) by S. Lisitsian (Լիսիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1969. Ս. 116), is defined as “dark red exclusive fabric” in the dictionary of dialects (Հայոց լեզվի բարբառային բառարան / Հ. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտ. Հ. Ի. Երևան, Գիտություն, 2001. Ս. 350). Thus, its main criteria are red color and high quality, regardless of whether it is silk or cotton.

шелк указывают на то, что молодая женщина принадлежит к более низкому сословию; хлопчатобумажная ткань и отсутствие украшений свидетельствуют о невысоком социальном статусе или преклонном возрасте владелицы.

Женские шаровары, представленные в коллекции в единичном экземпляре (I.2), сшиты на руках из красной хлопчатобумажной ткани; на штанины, в 7 см от низа, нашиты куски (дл. 37 см) шелковой ткани такого же цвета. Шаровары длиной до щиколоток, с широким шагом, низкой посадкой (на бедрах), скулистой, отверстие которой на боку окантовано черной шелковой тесьмой; по краю сужающихся книзу штанин пришита в виде манжеты полоска ткани шириной 7 см. Такие шаровары носили с рубашкой, они являлись обязательным элементом женского костюма и относились к разряду нательной одежды. В городской среде женщины, принадлежащие к высокой социальной страте, при выходе из дома надевали на щиколотки, вероятно, с целью скрыть их от посторонних взглядов, черные с тканым декором подвязки (I.13).

Верхняя плечевая длиннополая одежда представлена в коллекции двумя вариантами – архалуком (I.3, I.16, I.24) и *mtana* (I.4).

Архалук является обязательным предметом женского костюма данной локальной традиции и представляют собой распашную, ниже колен одежду, без застежек, с открытой грудью, скроенную в талию, расширяющуюся от пояса книзу за счет трапециевидных клиньев спереди и сзади, с боковыми разрезами¹², в которые вшиты глубокие карманы (дл. 30–40 см)¹³, без воротника, со швом в плечах. Рукава с ромбовидными отверстиями в проймах, длинные (ок.

social group. Cotton fabric and no decorations indicate the low social status or advanced age of the owner.

The woman's bloomers presented in the collection in a single copy (I.2) are made of a red cotton fabric sewn by hand. Sewn on the trouser legs, at 7 cm from the bottom, are pieces of silk fabric of the same color. The ankle length bloomers, with a wide pace, low fit (on the hips), with a drawstring, having an orifice edged with a black silk tape; a strip of fabric 7 cm wide was sewn along the edge of the trousers tapering downwards in the form of a cuff. Such bloomers were worn with a shirt, they were an indispensable element of a women's costume and belonged to the category of underwear. In the urban environment, women belonging to a high social stratum, when leaving the house, wore black garters with woven decor around their ankles, probably to hide them from prying eyes. (I.13).

The upper long-skirted clothing is presented in the collection in two versions – *arkhaluk* (I.3, I.16, I.24) and *mtana* (I.4).

Arkhaluk is an indispensable part of a woman's costume of the given local tradition. A kind of coat dress, it falls below the knees, cut *a la taille*, without fasteners and with open chest, widening from the waist down using the trapezoid wedges in front and behind,¹² with lateral slits, with sewn-in deep pockets (30–40 cm long),¹³ no collar, with a seam in the shoulders. The sleeves have diamond shaped openings in the arm holes, long (abt. 70 cm), with slits inside 9 (abt 40 cm), narrowing towards the wrist in the form of a triangle. On the

¹² Боковые разрезы формируют трехчастный подол женского архалука, который в локальной традиции дал название этому виду верхнего платья – *эрекпешкани* (досл. «трехподольный»), зафиксированное С. Лисицианом (Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. С. 116) и сохранившееся в Сюнике вплоть до 1950-х гг., о чем свидетельствуют экспедиционные отчеты сотрудников музея. – АРЭМ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1311. Л. 21.

¹³ О глубоких карманах как одном из ключевых признаков женского архалука упоминает С. Лисициан. См.: Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. С. 117.

¹² Side cuts form a three-part hem of a female *arkhaluk*, which in the local tradition gave the name to this type of upper dress – *erekpeshkani* (lit. "three-hem"), recorded by S. Lisitsian (Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. P. 116) and preserved in Syunik until the 1950s, as evidenced by the expeditionary reports of the museum staff. – ARME F. 2. Inv. 1. File 1311. Sheet 21.

¹³ S. Lisitsian mentions deep pockets as one of the key features of a female *arkhaluk*. See: Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. P. 117.

70 см), с разрезами с внутренней стороны (ок. 40 см), сужающиеся к кисти в виде треугольника; с лицевой стороны сшиты из трех кусков попеременно положенной ткани. У двух архалуков (I.16, I.24) по краю внутренней стороны рукавов расположены две, а у одного (I.3), отступя ок. 4 см, пять воздушных петель из шерстяного или шелкового шнура, нашитого по длине от локтя (I.3) или ниже локтя (I.16, I.24) до запястья.

Архалуки сшиты вручную из шелковой ткани, простеганы на тонком слое ваты, снабжены ситцевой подкладкой. Лицевая шелковая ткань различается качеством и наличием/отсутствием тканого декора. Два из них выполнены с использованием высококачественного шелкового материала темно-коричневого (I.3) и оранжевого с зеленым (шанжан) (I.24) цветов, с тканым черным (I.3) и оранжевым (I.24) стилизованным растительным орнаментом; третий – изготовлен из более простой однотонной ткани светло-зеленого цвета (I.16). Фабричная ситцевая ткань нашита по всей поверхности изнанки платьев, из нее же сшиты карманы; в двух случаях (I.3, I.16) ткань для карманов отличается цветом и рисунком от основной подкладки. На одном из архалуков с левой внутренней стороны, на полочку, несколько выше талии нашита сложенная вдвое латунная цепочка (дл. 12 см) панцирного переплетения, возможно, для фиксации небольшого мешочка-кошелечка. На рукавах, в треугольной части, ниспадающей на кисть, имеется подкладка из шелковой ткани, аналогичной лицевой. С изнанки, по краям боковин, полочек, подолу, вороту всех трех предметов одежды нашита шелковая кайма (4–5 см) контрастного лицевой ткани цвета.

Важной декоративной деталью архалука, маркирующей локальную традицию, являются нарукавные металлические (серебряные (I.3) и из белого металла (I.16, I.24)) украшения – полые, штампованные миндалевидные (I.3, I.16) и филигранные шаровидные (I.24), на кольцах по одному (I.3) и по два (I.16, I.24), нашитые на шнур с внешней стороны от локтя до запястья. Треугольный выступ рукава, прикрывающий кисть, с внешней стороны по краю обшит пронизками в виде трубочек из

outside sewn from three pieces of cross plaid fabric. As for the two arkhaluks (I.16, I.24) along the edge of the inside the sleeves, one has two air loops (I.3), receding abt 4 cm, the other has five air loops of a wool or silk cords, sewn along the length from the elbow (I.3) or below the elbow (I.16, I.24) to the wrist.

Arkhaluks are hand-sewn from silk fabric, quilted on a thin layer of cotton wool, and provided with a calico lining. The front silk fabric differs in quality and in the presence/absence of woven decoration. Two of them are made using quality silk material of dark brown (I.3) and orange and green (shot silk) (I.24) colors, with woven black (I.3) and orange (I.24) stylized floral ornament; the third is made of a simpler singleton fabric of light green color (I.16). The factory-made calico fabric is sewn on along the whole surface of the seamy side of the dress, the pockets are sewn from the same material; in both cases (I.3, I.16) the fabric of the pockets differs from the lining by color and drawing. On one of the arkhaluks, on the left inner side, on the front, slightly above the waist, an armor braided double-folded brass chain is sewn, perhaps for holding a small bag-purse. On the sleeves, in the triangular part, dropping upon the wrist, there is a lining of silk fabric similar to the one on the frontside. On the seam side of the three objects, a silk selvedge (4-5 cm) of a contrasting color to the front fabric, is sewn at the edges of the side pieces, front parts, hem and collar.

An essential part of the arkhaluk, which marks the local tradition, are the sleeve worn metal decorations (of silver (I.3) and of white metal (I.16, I.24)), which are hollow, stamped, almond shaped (I.3, I.16) and filigree spherical (I.24), on rings, single (I.3) or double (I.16, I.24), sewn on a chord on the outer side from elbow to wrist. The triangular protrusion of the sleeve covering the wrist, has spiral-looking twisted wire straws sewn on the outer side along the edge. The same spiral looking twisted wire straw is sewn on the inside

спиралевидно скрученной проволоки, такие же трубочки нашиты с внутренней стороны рукава от кисти до локтя. На уровне самой кисти трубочки сложены в треугольники по три (I.3, I.16) и по одному (I.24).

В собрании представлены также отдельные, вне костюмных комплексов, нарукавные миндалевидные подвески, собранные на шнур (I.55, I.56) и проволоку (I.57), которые, вероятно, были срезаны с архалуков владелицами для того, чтобы нашить на новое платье. Практика срезания и повторного использования дорогих металлических элементов костюма была весьма распространена в традиционной культуре.

Поверх архалука носили распашное платье *мтана*, являвшееся летней выходной одеждой, которую надевали при визитах¹⁴. Входящее в коллекцию платье (I.4) сшито из тяжелой парчи с рисунком, называемым «французская роза», представляющим собой раппорт из полувиньеток, от которых отходит ветка с раскрывающимся цветком и бутоном. Такие орнаментальные мотивы на предметах декоративного искусства получили широкое распространение в высших слоях общества и среди городского населения во всем регионе, что было обусловлено модными тенденциями, появившимися под влиянием европейского барокко. Подкладка на платье выполнена из однотонной темно-коричневой коленкоровой ткани.

Мтана имеет близкий к архалуку крой: платье сшито в талию, расширяется книзу, с разрезами по боковинам и ромбовидными отверстиями в проймах. Однако рукава, имея прямоугольную форму, завершающуюся треугольником, имеют существенное отличие: они не сшиты с внутренней стороны и очень длинные (113 см), что демонстрирует высокий статус владелицы. По краям разрезов платья, как и у архалука, проходит кайма из темно-красного шелка, контрастного по цвету лицевой ткани изделия, широкая лента из такого же материала служит подкладкой, предназначенной для нижней части рукава. По внутреннему

of the sleeve from the wrist to the elbow. The straws, three each (I.3, I.16) and one each (I.24) make up a triangle at the level of the wrist.

The collection also includes separate, outside the costume complexes, almond-shaped sleeve pendants, assembled on a cord (I.55, I.56) and wire (I.57), which, probably, were cut off arkhaluks by the owners so as to be sewn on a new dress. The practice of cutting and reusing expensive metal parts of a costume was quite widely spread in traditional culture.

Worn over the arkhaluk was a buttonless dress *mtana*, which is a summertime special-occasion dress worn during visits.¹⁴ The dress (I.4), which is included in the collection, is sewn from heavy brocade with a pattern called “the French Rose ” which is a rapport of semi vignettes with an outgoing branch carrying a budding flower. Such ornamental motifs on the objects of decorative art have become widely spread in the top strata of society and among the urban population all over the region, which was stipulated by fashion trends that appeared under the influence of the European Baroque. The lining of the dress is made of a plain dark brown calico fabric.

Mtana has a cut close to arkhaluk: the dress is made a la taille , widening downwards, with slits at the sides and diamond-shaped armholes. However, the sleeves having a rectangular shape terminated with a triangle, have a substantial difference: they are not sewn inside and are very long (113 cm), thus showing the high status of the owner. At the edges of dress slits, as with arkhaluk, there is a hem of dark red silk contrasting in color with the front fabric of the object, a wide ribbon of the same material serves as a lining, intended for the lower part of the sleeve. Sewn along the inner edge of the hem is a thin striped multicolored fixing lace. For the rich embellish-

¹⁴ С. 117.

¹⁴ Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. Բ. 117.

краю каймы нашита тонкая полосатая разноцветная тесьма-фиксатор. Богатым украшением рукавов служат нашивные серебряные парные филигранные шарики на кольцах, нашитые на шнур с внешней стороны и «решетку» из треугольников, составленных из трубочек, декорирующую нижний край рукава.

Дополнительным декоративным элементом *мтана* является широкая (7 см) шелковая полоса ткани, нашитая на полочки с лицевой стороны, по боковым разрезам и внизу рукавов (ок. 25 см от края), которая окантована по всей длине полихромной полосатой тесьмой. Лента имеет тканый орнамент с раппортом из зеленоватых побегов с мелкими цветками и крупных пальметт фиолетового цвета. Аналогичные полосы дорогой шелковой ткани украшают также низ рукавов женского городского платья (РЭМ 292-3/5), привезенного в 1902 году С. Тер-Аветисяном из Новой Джульфы, кроме того, они собраны как отдельные предметы¹⁵ (РЭМ 5210-2/1,2) и входят в коллекцию, демонстрирующую армянское шелковое ткачество, собранную А. Флоренским в Турецкой Армении в 1914 году.

Способ ношения архалука и *мтана* предполагал несмыкающиеся вверху полы, оставляющие открытой верхнюю часть рубахи, надетой под платье. В городской среде обязательным элементом костюма являлся длинный, ниже талии нагрудник (ок. 45–55 см), повторяющий форму ворота и прикрывающий разрез рубахи. В собрании представлены два нагрудника, один из которых включен в полный костюмный комплекс (I.5), а второй приобретен отдельно (I.53). Они представляют собой сшитые по нижнему краю две неширокие полосы ткани, сверху соединенные шнуром или полосой бархата. На одном из предметов (I.5) сохранилась потайная застежка в виде металлических крючка и петли, соединяющая края с внутренней стороны. Тканью для обоих нагрудников служит бархат черного цвета, один из них сшит

ment of sleeves there are the sew-on double silver filigree spheres on rings sewn on a cord on the outside and a grid of triangles made up of small tubes decorating the lower part of the sleeve.

An additional decorative element of *mtana* is a wide (7cm) silk band of fabric sewn on the front side, at lateral slits and at the bottom of the sleeve (abt 25 cm from the edge) that is fringed along the length with a polychromatic striped tape. The band has a woven ornament with a repeat of greenish sprouts with small flowers and large purple palmettes. Similar bands of expensive silk fabric also decorate the lower sleeves of the women's urban dress (РЭМ 292-3/5) brought by S. Ter-Avetisian in 1902 from New Julfa, besides, they are assembled as individual objects¹⁵ (РЭМ 5210-2/1,2) and are part of the collection showing the Armenian silk weaving assembled by A. Florensky in Turkish Armenia in 1914.

The manner of wearing *arkhaluk* and *mtana* suggested a non interlocking lap at the top, leaving open the upper part of the shirt worn under the dress. In urban environment the arbitrary part of the costume is a long chest band, below the waist (abt 45–55 cm.), repeating the form of collar and covering the slit of the shirt. The collection includes two bibs, one of them being included into the complete costume complex (I.5), while the other one has been acquired separately (I.53). Those are two rather narrow bands of fabric sewn together along the lower edge and joined at the top with a cord or a velvet band. One of the objects (I.5) has retained a hidden clasp in the form of a metal hook and a loop joining the edges on the inner side. The two bibs are made of black velvet, one of those is sewn on a lining of calico with stripes and decoted on the outer edge with a wide

¹⁵ Полосы с близким орнаментальным мотивом – раппортом – из побегов и цветков с центральной крупной пальметтой фиолетового цвета, что позволяет предположить единое место производства ткани.

¹⁵ Stripes with a similar ornamental motif – the rapport – of shoots and flowers with a central large violet palmette allow to suggest the same place of the fabric production.

на подкладке из ситца в полоску и обшит с лицевой стороны по внешнему краю широким галуном (I.5). Бархатные детали декорированы вышивкой гладью вприкреп золотной нитью в виде растительных побегов, с цветками, вышитыми шелком красного и зеленого цветов, в одном случае полосы бархата дополнительно украшены золотистыми пайетками (I.5). По внутреннему краю полосы ткани обшиты металлическими пронизками в виде трубочек из спиралевидно скрученной проволоки (серебряной (I.5), из белого металла (I.53)).

Нагрудники являются весьма распространенной деталью армянского женского костюма, однако крой упомянутых существенно отличается от функционально аналогичных предметов в других локальных традициях. Трапециевидные или прямоугольные широкие нагрудники из иных историко-этнографических областей Армении предполагали полное закрывание верхней части рубахи или платья, в отличие от рассмотренного выше локального варианта. Следует также отметить, что нагрудные украшения, которые, заметим, не были широко распространены за пределами городской среды, в частности Шуши, являются единственной вышитой деталью костюма, за исключением головного убора.

Функционально-декоративным предметом костюма, который фиксировал не имевшие застежек полы верхней распашной одежды, являлся пояс. В костюмных комплексах, входящих в коллекцию, представлены два кушака из хлопчатобумажной (I.17) и шелковой ткани (I.25) и один кожаный пояс с металлической пряжкой (I.6). Тканые кушаки – длинные, широкие, темно-красного цвета; шелковый – со светло-зеленой окантовкой. Пояс из красного сафьяна обшит с лицевой стороны полосой золотного галуна, снабжен фигурной плоской двухчастной пряжкой, металлическая застежка которой состоит из крючка и петли. На лицевой стороне пряжка декорирована растительным орнаментом в технике гравировки и черни. Таким же способом, в виде чередующихся розеток и S-образных фигур, декорированы серебряные детали на поясе, напаянные на ушки, через которые по изнанке пояса продет тонкий

braid (I.5). The velvet parts are decorated with a satin stitch embroidery fixed with golden thread in the form of floral sprouts with small flowers embroidered with silk of red and green colors, in one case the velvet strips are additionally embellished by golden paillettes (I.5). Along the inner edge the fabric strips are sewn with metal thrusts in the form of straw from a spiral looking twisted wire (silver (I.5), of white metal (I.53)).

The bibs are a common part of the Armenian women's costume, however, the cut of the mentioned ones are quite different from the functionally similar articles in other local traditions. Trapezoid or rectangular wide bibs from other historical and ethnographic areas of Armenia assumed a complete closure of the top part of the shirt or dress, in contrast to the locally regarded local version. It should also be noted that the breastworn decorations, admittedly were not widespread outside urban areas, in particular Shushi, and are the only embroidered part of the costume, except the headdress.

The functional and decorative item of the costume fixing the unclashed laps of the overdresses is the belt. In the costume complexes that are part of the collection, one can see two cotton belts (I.17) and silk fabric (I.25) and one leather belt with a metal buckle (I.6). The woven belts are long, wide, dark red; the silk one is with light green edging. The belt of red morocco leather is sewn over on the front side with a band of golden braid, has a figurate flat two part buckle with a metal clasp of a hook and a loop. The front side of the buckle is decorated with a floral ornament using the technique of engraving and niello. In the same way, alternating rosettes and S-type figures decorate the silver parts on the belt, soldered to the ears passing a thin leather fixator belt. Those belts, replacing the woven ones are relatively late

кожаный ремешок-фиксатор. Такие пояса, заменившие тканые кушаки, являются относительно поздними предметами костюма¹⁶, которые носили преимущественно молодые женщины. Как следует из представленных в коллекции предметов, кожаные пояса маркировали также статус горожанки, что же касается молодых сельских женщин, то они надевали кушаки, однако материал их изготовления (шелк) и декоративные элементы (контрастные полосы по длинным сторонам) характеризовали их в социовозрастном аспекте – замужняя, фертильного возраста.

Состав головного убора, являющегося важнейшим элементом традиционного женского костюма, отражающим ее социовозрастной статус, а также материалы, используемые при его изготовлении, отчетливо указывают на локальную принадлежность костюма в целом. Значимость головного убора и соответствующей ему определенной прически как знаковых, демонстрирующих различия социовозрастных статусов девушки и замужней женщины, подчеркивается в классических трудах С. Лисициана¹⁷.

Основу как городского (I.7), так и сельского (I.27) сложного головного убора, формирующую его конструкцию, составляет нижний обод в виде валика (высотой ок. 6 см) из ваты, обшитый шелковой тканью или ситцем, с хлопчатобумажной полосой ткани, проходящей по лобной стороне, а также хлопчатобумажные повязки и платки-фиксаторы. В городской комплект входит также лицевой платок, которым повязывали нижнюю часть лица (от подбородка до верхней губы или подносового желобка).

В костюмном комплексе из Кайбали-шена представлен треугольный головной платок (I.27) с вышитым в нижнем углу красной шелковой нитью инициалом – заглавной буквой «Բ» с точкой, что делает данный предмет уникальным в музейных собраниях. Несмотря на

items of the costume¹⁶ worn mostly by young women. As follows from the presented collection of articles, the leather belts were also markers of a woman citizen, as to the young rural women, they wore bodices, however the material of their manufacture (silk) and decorative elements (contrasting strips on the long sides) characterized them in the social-age aspect – married, of fertile age.

The composition of the headdress, being an important element of the traditional woman's costume and showing her social-age status, as well as materials used for its production, distinctly point out the local origin of the costume as a whole. The significance of the headdress and relevant haircut as meaningful, showing the social-age differences between a married and an unmarried woman is emphasized in the classical works by S. Lisitsian¹⁷.

The basis of both urban (I.7) and rural (I.27) elaborate headdresses is comprised with a lower hoop in the form of a shaft (abt 6 cm high) made of cotton and sewn around with silk fabric of calico, cotton strip, going along the forehead, as well as cotton bands and headscarves to secure all in one place. The urban complex also includes a face veil tied on the lower part of the face (from the chin to the upper lip or nasal groove).

Presented in a costume complex from Kaibali-shen is a triangular headscarf (I.27) with the initial – capital letter «Բ» with a dot, sewn in red silk thread, thus making this article unique in the museum collections. Despite the difficulty of the interpretation of this sign that can extend from

¹⁶ Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. Ս. 117.

¹⁷ Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении. С. 224–225; Он же. Լիսիցյան Ս. Լեռնային Դաշնության հայերը. Ս. 36–37.

¹⁶ Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. Ս. 117.

¹⁷ Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении. С. 224–225; Լիսիցյան Ս. Լեռնային Դաշնության հայերը. Ս. 36–37.

сложность интерпретации данного знака, широта которой может простираться от имени Христа на армянском языке до слова «сестра», следует отметить, что он не был скрыт от постороннего взгляда, поскольку прозрачность тонкой ткани верхнего покрывала позволяла его видеть.

Поверх нижних повязок и платков надевались налобные (I.9, I.21, I.28) и наушные (I.8, I.20, I.29) украшения, представленные в костюмных комплексах. Три предмета – налобная декоративная полоса (I.52), наушники (I.63) и отдельные металлические украшения (I.64) включены в собрание как самостоятельные предметы.

Налобники имеют форму сужающегося к концам прямоугольника, выкроенного из полосы бархатной ткани черного (I.9, I.28, I.52) или фиолетового (I.21) цвета, на подкладке из ситца; в костюмных комплексах они представлены с длинными хлопчатобумажными шнурами-завязками (пары шнуров от ок. 50 до ок. 70 см; на предмете под номером I.28 имеется дополнительный шнур длиной 27 см, проходящий по верхнему краю и завязывающийся в узел по центру), которыми обхватывалась голова. Полосы из черного бархата (I.9, I.28) декорированы вышивкой гладью золотными нитями, одна из которых (I.9) дополнительно вышита красными, голубыми и белыми шелковыми нитями (выделены головки и шеи птиц). Единая для всех предметов композиция вышивки имеет вид продолговатой одинарной (I.9, I.52) или двойной (I.28) шестиугольной рамы с центральной цветочной розеткой, от которой отходят побеги с листьями. На двух налобниках изображены сидящие со сложенными крыльями птицы, расположенные по обе стороны от центральной розетки (I.9, I.28). На одном из предметов (I.28) композиция включает пару предстоящих птиц, головы которых повернуты к цветку, а на другом (I.9) – две пары, нижняя из которых располагается у розетки, с отвернутыми от нее головками, а верхняя – выше розетки, с головками, повернутыми к ней. Орнитоморфный орнамент с описанной иконографией является каноничным для данного женского ло-

the name of Christ in Armenian to the word meaning “sister”, it should be noted that it had not been hidden from the prying eye, since the transparency of the thin fabric of the cover made it visible.

Above the lower bands and scarves there were decorations worn on the forehead (I.9, I.21, I.28) and ears (I.8, I.20, I.29), represented in the costume complexes. Three articles – the decorative strip worn on the forehead (I.52), earflaps (I.63) and separate metal decorations (I.64) are included in the collection as independent objects.

Headbands have a form of a rectangle narrowing towards the end, cut out of black or violet velvet strips (I.9, I.28, I.52), on a calico lining; in costume complexes they are represented with long cotton strings (pairs of cords from abt 50 to abt 70 cm; the article numbered I.28 carries an additional cord of 27 cm, going along the upper edge and tied into a knot in the center) encircling the head. Strips of black velvet (I.9, I.28) are decorated with smooth embroidery in golden threads highlighting the heads and necks of the birds. The one-for-all unified single composition of the embroidery has a form of elongated single or double hexagonal frame with a central floral rosette with outgoing sprouts of leaves. On two headbands are birds with folded wings placed on both sides of the central rosette (I.9, I.28). On one of the articles (I.28) the composition includes a pair of forthcoming birds with heads towards the flower, and on the other (I.9) – two pairs, the lower at the rosette with heads turned away, and the top one with heads facing it. The ornitomorphic ornament with the described iconography is canonical for the local costumes¹⁸ and also occurs on the earflaps (I.8, I.63). Besides, it was in this tradition that there were widely spread images of birds on woman's belts, on buckles¹⁹ in particular. Differ-

¹⁸ Figures of birds are found on items of women's costume in other Armenian historical and ethnographic areas as well.

¹⁹ See in detail: Гуцян Л. Орнитоморфный орнамент в армянском женском костюме (по материалам коллекций РЭМ) // Орнаментика в артефактах традиционных культур: Материалы Пятнадцатых Между-

*Женский портрет
1870–1890 гг. Фотограф Д. И. Ермаков
РЭМ 213-64*

*Woman's portrait
1870–1890. Photographer D. I. Yermakov
РЭМ 213-64*

кального костюма¹⁸ и встречается также на на-ушных украшениях (I.8, I.63). Кроме того, именно в данной традиции имели широкое распространение изображения птиц на женских поясах, в частности на пряжках¹⁹. От рассмотренных налобников отличается аналогичное украшение из с. Кайбали-шен (I.21), которое имеет вид гладкой бархатной полосы с парной серебряной цепочкой по нижней стороне.

Ключевой декоративной деталью налобников являются нашитые по нижнему краю металлические украшения: продолговатые ребристые золотые бусины (I.9) или напаянные на ушки серебряные монеты (I.21, I.28), которые позволяют судить о материальном и социальном положении их владелиц²⁰. Монеты, кроме того, представляют собой исключительно важный источник, касающийся не только особенностей локального костюма, но и отражающий социально-политическую ситуацию в регионе.

Налобники из с. Кайбали-шен отличаются количеством расположенных в ряд монет (I.21 – 19 монет; I.28 – 22 монеты), а также достоинством и местом их чеканки. На первом из них представлены монеты 1827–1861 годов выпуска, отчеканенные в Российской империи, достоинством 25 копеек, которые, за исключением двух, обращены к нам аверсом. Строгий отбор монет одного размера определялся задачей достижения монотонности элементов. Монетный ряд характеризуется единым номиналом и не содержит более старых или иностранных монет, отражая практически полное вытеснение в 1840–1850-х гг. предыдущих выпусков имперской монетой. Набор монет демонстрирует укоренение единой рос-

entiated from the mentioned headbands are similar articles from Kaibali-shen village (I.21) having the form of a strip with a paired silver chain on the lower side.

The key decorative part of headbands are metal decorations sewn along the lower edge: elongated golden beads (I.9) or silver coins soldered to tags (I.21, I.28) which allow one to judge the material and social situation of their owners.²⁰ The coins are also an exclusively important source not only as features of the local costumes, but also showing the social and political situation in the region.

The headbands from Kaibali-shen differ by the number of coins placed in a row (I.21 – 19 coins; I.28 – 22 coins), as well as their values and the place of their minting. The first one displays the coins of 1827–1861, minted in the Russian Empire, in denominations of 25 kopecks, which, except the two, are facing us obversely. A strict selection of same size coins is determined with the task of reaching the monotony of elements. The monetary line is characterized by a single denomination and contains no older or foreign coins, showing practically a complete displacement in the years 1840–1850 of the preceding outputs by the Imperial coins. The set of coins demonstrate the rooting of the unified Russian Imperial monetary system that substituted the diversity of the Iranians and other coins of the preceding epochs. On the Russian issues, the obverse with the coat of arms eagle and the reverse with the face nominal were clearly distinguished, and the object shows a regular orientation of almost all coins, which indi-

¹⁸ Фигуры птиц встречаются на предметах женского костюма и в других армянских историко-этнографических областях.

¹⁹ Подробнее см.: Гуцян Л. Орнитоморфный орнамент в армянском женском костюме (по материалам коллекций РЭМ) // Орнамента в артефактах традиционных культур: Материалы Пятнадцатых Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. 13–15 декабря, 2016 г. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. С. 118–122.

²⁰ На одном из предметов коллекции (I.52) подвески отсутствуют, по-видимому, они были срезаны при передаче собирателю.

народных Санкт-Петербургских этнографических чтений. 13–15 декабря, 2016 г. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2016. P. 118–122.

²⁰ On one of the items in the collection (I.52), pendants are missing; apparently, they were cut off before hanging over the item to the collector.

сийской имперской монетной системы, которая сменила многообразие иранских и других монет предыдущих эпох. На российских выпусках четко различались аверс с гербовым орлом и реверс с номиналом, а на предмете представлена регулярная ориентация почти всех монет, что свидетельствует о различении их сторон изготовителем налобного украшения. У всех монет заметно или полностью стерта внутренняя, прилегающая ко лбу сторона.

На втором налобнике нашиты монеты 1718–1847 годов выпуска из нескольких политий: Ирана (10 монет аббаси, 1 подделка), Ширванского (2 монеты аббаси) и Гянджинского (2 монеты аббаси, 1 подделка) ханств, Российской империи (5 монет: 3 – номиналом 400 динаров (двойной абаз²¹), 2 – 20-копеечные монеты), а также поддельные гянджинский и иранский аббаси эпохи Афшаридов. Монеты подобраны по размеру и нашиты единообразно для каждой из двух групп: иранские аббаси – лицевой стороной, остальные монеты – оборотной. Самая младшая монета датирована 1847 годом, что свидетельствует о завершении формирования комплекса в этом году (*terminus post quem* комплекса) или несколько позднее. К этому времени те, кто занимался изготовлением набора, уже плохо разбирались в многообразии старых монет 1730–1820-х годов, кроме того, семантика текста арабским письмом на монетах им также была малодоступна, что, вероятно, привело к тому, что на налобнике наряду с подлинными монетами оказались две поддельные. К тому же следует отметить, что более ранние по времени чеканки монеты, а также российские монеты достоинством 20 копеек свидетельствуют о скромном материальном положении владелицы предмета²².

Локальная особенность способа ношения налобных украшений, что подтверждается как самими предметами, так и историческими фотографиями, заключалась в том, что монеты укладывались с одного конца налобника к друго-

uates the distinction between their sides by the manufacturer of the forehead adornment. All coins have a noticeable or completely erased inner side adjacent to the forehead.

The second headband carries the coins of the years 1718–1847 from several polities: Iran (10 abbasi coins, 1 counterfeit), Shirvan (2 abbasi coins) and Ganja khanates (2 abbasi coins and 1 fake), the Russian Empire (5 coins: 3 coins of 400 dinars (double abaz²¹), 2–20-kopec coins), as well as one Ganja and one Iranian counterfeit abbasi coins of the Afsharids' period. The coins are chosen by size and sewn uniformly for each of the two groups: the Iranian abbasis in obverse and the rest of the coins in reverse. The youngest coin dates to 1847 indicating the year or a little later for completion of the formation of the complex (of the *terminus post quem* complex). By that time those who had been engaged in the production of the set lost the expertise of diversifying the old coins of 1730–1820, besides, the semantics of the Arab text on the coins were also sparsely accessible. This probably resulted in retaining two fake coins together with the genuine on the forehead piece. In addition, it should be noted that earlier minted coins, as well as Russian coins of 20 kopecks, testify to the modest financial situation of the owner of the item.²²

The local way of wearing the headband, as confirmed by the objects themselves as well as by historical photographs, is that the coins used to be laid from one end of the forehead piece to another, rather than at two sides directed to the central

²¹ Такие монеты с легендой на грузинском языке выпускались в Российской империи для внутреннего хождения в Закавказском крае.

²² Цуцугян У. Չանգեզուրի հայերը. С. 118.

²¹ Such coins with a legend in the Georgian language were issued in the Russian Empire for the internal circulation in the Transcaucasian region.

²² Цуцугян У. Չանգեզուրի հայերը. P. 118.

му, а не с двух сторон по направлению к центральной оси. Благодаря одинаковому размеру монет они в целом визуальнo напоминали ровную полосу, что по замыслу соответствует, вероятно, более архаичному варианту декорирования нижнего края налобника, который демонстрирует предмет с золотыми продолговатыми бусинами, создающими то же подобие полосы.

К декоративным деталям сложного головного убора относятся также наушные украшения, выполненные в форме треугольников, сшитые из темно-красного бархата (I.8), зеленого шелка (I.20, I.63) и синей шерстяной ткани (I.29) на подкладке из разноцветного ситца или красного шелка²³ (I.63). Треугольники соединены на двух углах по одной стороне неширокими хлопчатобумажными и шерстяными лентами, которые обхватывают голову на макушке и затылке; к противоположному углу пришиты тесемки, которыми наушники завязывались на шее под подбородком. Наушное украшение, приобретенное собирателем вне комплекса (I.63), не имеет подобных завязок, что свидетельствует о том, что его не использовали, (это подтверждается и его хорошей сохранностью). Длинная сторона треугольников на двух предметах декорирована широкой полосой галуна (I.20) и красной ткани (I.29)²⁴, два других предмета вышиты в технике глади и глади вприкреп золотной нитью, с небольшими вкраплениями красных шелковых нитей. В композиционном плане вышивки двухчастные. На одном предмете (I.8) каждая из горизонтально расположенных друг над другом частей декорирована центральной розеткой с отходящими от нее по обе стороны побегами с цветами. На нижней трапецевидной части розетка фланкирована изображениями птиц с обращенными к ней головками, в клюве каждой из которых находится трилистник. На другом предмете (I.63) нижняя часть представляет собой полосу из ромбовидной сетки, а верхняя – центральную розетку с побегами и цветками, расходящимися по двум

axis. Owing to the identical size of the coins, they generally visually resemble an even stripe which, by design, probably corresponds to a more archaic variant of decorating the lower edge of the forehead piece, showing the article with golden elongated beads, creating the semblance of a strip.

Related to the decorative parts of the elaborate headdress are also the earflaps made in the forms of triangles and sewn of dark red helmet (I.8), green silk (I.20, I.63) and blue woolen cloth (I.29) on a lining of multi-colored calico or red silk²³ (I.63). The triangles are joined at two angles on one side by narrow cotton and woolen ribbons embracing the head on the head crown and on the nape. Sewn on to the opposite angle are strings that tie the ear pieces on the neck under the chin. The earflaps acquired by the gatherer outside the complex (I.63) has no such strings, showing that it was not used (which is confirmed by its good preservation). The long side of the triangles on two articles is decorated with a wide strip of braid (I.20) and red fabric²⁴ (I.29), two other articles are embroidered in the technique of satin stitch and fixed with a golden thread with tiny impregnations of the red silk threads. With regard to composition, the embroideries are of two parts. On one article (I.8), each of the parts horizontally arranged one above the other is decorated with a central rosette with shoots with flowers extending from it on both sides. On the lower trapezoid part, the rosette is flanked with images of birds facing it with their heads, holding a trefoil in their beaks. In the other article (I.63) the lower part is a strip of diamond-shaped grid, and the upper one – the central rosette with sprouts and flowers dispersing in two sides carrying embroidered stylized images of birds facing the lower strip. The top part of both articles is rimmed with a narrow-vaulted line of golden and silk threads.

²³ В одном из предметов (I.29) присутствует сочетание более старой красной шелковой в заплатках подкладки с хлопчатобумажной.

²⁴ Этот предмет также декорирован по зеленой ткани простежками в форме треугольника и отходящей от его верхнего угла полосы.

²³ In one of the objects (I.29) there is a combination of an older patched red silk lining with a cotton lining.

²⁴ This object is also decorated with stitching on green fabric, in the shape of a triangle and a strip extending from its upper corner.

сторонам, на которых вышиты стилизованные изображения двух птиц с головками, повернутыми к нижней полосе. Верхняя часть обоих предметов окаймлена узкой арочной линией из золотной и шелковой нитей.

Значимой декоративной деталью наушных украшений являются бусины из серебра (I.8, I.20, I.29) и белого металла (I.64), выполненные в технике филигрании, нанизанные на шнур или проволоку и нашитые²⁵ по длинным сторонам треугольника. Эти низки бусин обрамляют лицо женщины и видны из-под платков и верхнего головного покрывала.

В коллекции представлены два верхних головных покрывала: прямоугольное из плотной шелковой ткани темно-красного цвета (I.10) и подтреугольное, сшитое на машинке из прозрачной белой ткани²⁶ (I.26), крахмаленной и декорированной расположенными в ряд кружками, вышитыми шелковой нитью. Шелковый вишневым платок (I.10) на одной из коротких сторон декорирован двухчастным тканым рисунком в виде квадрата с вписанным в него ромбом с косым крестом в центре и прямоугольного картуша с надписью-формулой: «Работа Мохаммада Али Челули», выполненной в арабском письме, с обеих сторон от которой изображен ряд идущих птиц с хохолками на голове. Маркировка мастером своих изделий является широко распространенной практикой в иранской городской ремесленной среде, позволяющей не только подтвердить иранское производство предмета, но и зафиксировать хронологически выверенные региональные контакты между городами в рамках торговли престижным товаром.

Верхние широкие головные покрывала фиксировались на шее с помощью декоратив-

A significant decorative part of earflaps beads of silver (I.8, I.20, I.29) and white metal (I.64) made using the technique of filigree, threaded on a cord or a wire and sewn on²⁵ at long sides of the triangle. These beads frame the woman's face and are seen from under the scarfs and from the top head-cover.

The collection includes two head-covers: rectangular, of thick silk fabric, dark red (I.10) and under triangular sewn on the machine, of transparent white fabric,²⁶ starched and decorated with rowed circles embroidered with a silk thread. The silk cherry-colored cover (I.10) is, on one of the short sides, decorated with a two part woven drawing in the form of a square, with the inscribed diamond, having a skewed oblique cross in the center and a rectangular cartouche inscribed: "The work by Mohammad Ali Cheluli" executed in the Arab writing, on both sides a row of walking birds with tufts on their heads. Marking the articles by the producing master is a widely spread practice in the Iranian urban handicraft environment enabling not only certification of the Iranian production, but also checking over the chronologically established trade contacts among cities with prestigious goods.

The outer wide head covers were fixed on the neck using decorative clasps, component of all costume complexes represented in three variants:

²⁵ Пара низок бусин (I.64) приобретена собирателем вне наушников, вероятно, бусины были срезаны владелицей для дальнейшего использования на новых наушниках.

²⁶ Тонкая, легкая ткань полотняного переплетения, из которой шито данное покрывало, названа в работе С. Лисициана «мадаполам» (Լիսիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. С. 119), термином, который восходит к топониму в Индии, где впервые были изготовлены такие ткани.

²⁵ The pair of strands of beads (I.64) was purchased by a collector without earflaps, probably the beads were cut off by the owner for further use on new earflaps.

²⁶ The thin, light fabric of plain weave, from which this cover is sewn, is called "madapollam" in the work of S. Lisitsian (Լիսիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. P. 119), a term that goes back to the toponym in India, where such fabrics were first made.

ной застежки – компонента всех костюмных комплексов, представленной в трех вариантах: серебряной, декорированной в технике гравировки и черни (I.11); серебряной с гравировкой (деталь – I.22); из белого металла, с декором в технике филигрании и со вставкой из красного стеклянного кабошона в глухом касте (I.30). Застежки (I.11, I.30) представляют собой гибкую за счет цепочек металлическую полосу, состоящую из трех фигурных (в основе шестиугольных) пластин, соединенных между собой 8 (I.11) или 10 (I.30) цепочками с помощью ушек и штифтов. Система застегивания – крючок на одной пластине и кольцо на противоположной. Лицевая сторона пластин украшена стилизованным растительным орнаментом: на одном предмете (I.30) в виде лиры, на застежке – вихревой розетки; на другом (I.11) – сложнопереpleтенных растений, а на пластине с крючком – с дополнительным изображением птицы. Представленная на застежке композиция «соловей и роза» в XIX веке являлась весьма распространенным образом в поэзии и декоративно-прикладном искусстве региона.

Еще один предмет – деталь застежки с крючком (I.22), представляющая собой небольшую плоскую грушевидную зацепку с минималистским декором из дуг с отходящими от них лучами. Как размеры, так и скромный декор детали свидетельствуют о том, что владельца украшения находилась за гранью фертильного возраста или имела низкий социальный статус.

Нагрудные ювелирные украшения коллекции включают съемные подвески (I.18, I.31) и декоративные нашивные пуговицы (I.54) из серебра. Две нагрудные подвески²⁷ происходят

²⁷ В научной литературе представлен лишь один предмет, аналогичный украшению I.18 настоящего каталога, происходящий из г. Мегри Зангезурского у., датированный XIX в. См.: Israelian A. Armenian women's jewelry of the 18th–20th centuries. Yerevan: Publishing House of the History Museum of Armenia, 2021. С. 173. Однако композиционно аналогичный предмет имеет изготовленные в технике филигрании запонку-розетку и грушевидную подвеску, несомненно, демонстрирующие архаичный вариант указанного украшения, со временем сменившего филигранные детали на монеты.

silver, decorated in the engraving technique and niello (I.11); silver with engraving (part I.22) of white metal, with décor in the technique of filigree and with insertion of red glass cabochon in the blind cast (I.30). The clasps (I.11, I. 30) are, due to the chains, flexible through chains metal strip consisting of three figured (in the base hexagonal) plates joined together with 8 (I.11) or 10 (I.30) chains using pins. The system of clasping is a hook on one plate and a ring on the opposite one. The front side of the plates is embellished with a stylized floral ornament: on one article (I.30) in the form of lyres, while on the clasp there is a vertical rosette. On the other article (I.11) there are intricately intertwined plants, while the plate with a hook has an additional image of a bird. The composition "Nightingale and Rose" presented on the clasp was a very common image in poetry and decorative and applied art of the region in the 19th century.

One more article is a part of the clasp with a hook (I.22), a small pear-shaped hitch with a minimalist decoration of arcs with rays extending from them.. Both the dimensions and a modest décor of the part shows the owner being beyond the fertile age or having a low social status.

The breastmounted jewellery of the collection include detachable pendants (I.18, I.31) and decorative sewn-on buttons (I.54) in silver. Two breast pendants²⁷ come from Kaibali-shen village and are presented in the urban costume. The decora-

²⁷ The academic literature contains only one reference to an object, similar to decoration I.18 of this catalog, originating from the city of Meghri, Zangezur Uyezd, dated to the 19th century. See: Israelian A. Armenian women's jewelry of the 18th–20th centuries. Yerevan: Publishing House of the History Museum of Armenia, 2021. P. 173. However, the compositionally similar object has a rosette cufflink and a pear-shaped pendant made in the filigree technique, what undoubtedly demonstrates an archaic version of this decoration, whose filigree details were eventually replaced with coins.

из с. Кайбали-шен и не представлены в городском костюме. Украшения вариативны по своей композиции: на первом из них – припаянные к ушку со стороны номинала десятикопеечная монета (1862 г.), выполняющая функцию запонки, и рублевая монета-подвеска (1851 г.), которые соединены двойной цепочкой; на втором – более сложная конструкция, состоящая из пятнадцатикопеечной монеты-запонки (1861 г.), соединенной двойной цепочкой с рублевой монетой (1853 г.), к которой, в свою очередь, подвешены три трехрядных привески из монет (сверху вниз: 1 ряд – номиналом 20 коп. (1863, 1864, 1861 гг.); 2 ряд – номиналом 15 коп. (1860, 1861, 1860 гг.), 3 ряд – парные, номиналом 10 коп. (1862, 1866, 1861, 1866, 1866, 1861 гг.)). Все монеты соединены между собой припаянными ушками и кольцами. Строгий отбор монет различного размера и номинала был направлен на создание целостного образа набора – от более крупной верхней монеты большего номинала к монете меньшего номинала. Предмет характеризуется хронологически узкой выборкой монет: к рублю 1853 года добавлены более мелкие монеты из обращения 1860–1866 годов. На обоих украшениях монеты повернуты аверсом, что указывает на устойчивое бытование имперских монет. Четкое разграничение изготовителем предмета аверса и реверса обусловило регулярную ориентацию всех монет, выложенных одной стороной и расположенных по вертикали.

В двух рассмотренных подвесках различаются и соединительные цепочки, в первом случае (I.18) составленные из восьмеркообразных звеньев, каждое из которых состоит из пары колечек, спаянных перпендикулярно; а во втором (I.31) – из звеньев панцирного переплетения. Первый вариант переплетения, относящийся к более архаичному типу, весьма распространенному в регионе, вероятно, к концу XIX века уступил место современному, использовавшемуся в костюмном комплексе молодой женщины.

Декоративные нашивные пуговицы (I.54), приобретенные собирателем вне комплекса, изготовлены в технике филигрании в виде ажурных полусфер с ободком из зерни по краю. На каждое из восьми украшений припаяна прово-

utions are varied in their composition: on the first of them a ten kopeck coin soldered to the ear on the side of the nominal (1862) playing the role of the cufflink and a one ruble coin pendant (1851), both joined with a double chain; on the second decoration is a more complicated structure consisting of the coin cufflink of a fifteen kopeck (1861), jointed to the one ruble coin (1853) holding three row append ages of coins (from top down: 1 row rated 20 kop. (1863, 1864, 1861); 2 row – rated 15 kop. (1860, 1861, 1860), 3 rows – paired, rated 10 cop. (1862, 1866, 1861, 1866, 1866, 1861). All coins are joined with soldered with rings. A stringent selection of coins' size and rating was targeted at creating a complete image of the set – from a large top coin of large rating to the coin of lower rating. The article is characterized by a chronologically narrow sampling of coins: added to the ruble of 1853 are smaller coins circulated in 1860–1866. On both decorations, the coins are turned to averse, which indicates the stable existence of imperial coins. A distinct delimitation by the producer of the subjects of obverse and reverse stipulated the orientation of all coins laid up at one side and placed vertically.

In the two considered complexes there are identified connection chains, in the first case (I.18) those made up of 8-shaped links, each made up of a pair of rings soldered perpendicularly; in the second (I.31) of the links of the armorclad tangle. The first variety of tangle related to the more archaic type quite spread in the region, perhaps, in the late 19th century, was substituted by the modern type used in the costume complex.

The decorative sewn-on buttons (I.54) purchased by the gatherer outside the complex, are made using the technique of filigree in the form of openwork hemispheres with a rim of granulation along the edge. Soldered on each of

лочная петля, одинарная с одной стороны и парная с другой. Через парные петли пуговицы пришивались к одежде, а одинарная петля служила частью застежки, вторая половина которой – пуговица с припаянным стыльной стороны крючком отсутствует в коллекции. Такие застежки к началу XX века уже выходили из употребления, чем, вероятно, и объясняется их неполная комплектность в собрании.

В коллекцию включены две пары шерстяных носков (I.12, I.32) из двух костюмных комплексов. Короткие носки горожанки, связаны из белой нити и обрамлены по подъему внизу и вверху двумя черными полосами с красными S-образными фигурами, а вывязанные носок и пятка декорированы полихромным стилизованным растительным орнаментом. Вторая пара, принадлежавшая молодой сельчанке и связанная из нитей красного и голубого цветов, сплошь покрыта мелким геометрическим орнаментом.

Три пары обуви из коллекции демонстрируют ее основные виды, бытовавшие в городской и сельской среде. Следует отметить, что женщины никогда не носили постолы (*трех*), а выходя из дома «на ноги надевали узорные носки и *чмёшк*-и или *кош*-и»²⁸.

В коллекции представлены две пары обуви, входящие в костюмные комплексы (I.14, I.33), и одна – приобретенная отдельно (I.61). Туфли, входящие в комплексы, башмаковидные, имеют подошву восьмеркообразной формы, невысокий каблук, скроены без задников, с закрытым верхом, фигурными по краю союзками и с загнутыми носками. Верх обуви сшит из зеленой шагреновой кожи, ею же декорирован сплошной каблук. Особенностью обуви из первого комплекса (I.14) является верхняя мягкая двухчастная стелька из красной и коричневой кожи, а из второго (I.33) – металлические набойки на подошве²⁹.

the eight decorations is a wire loop, single on one side and paired on the other. Through the paired loops the buttons were sewn to the clothes, while a single loop served as part of the clasp, whose second half – a button with a soldered hook on the back side is not found in the collection. By the beginning of the 20th century, such clasps were already out of use, which probably explains why they are incomplete in the collection.

The collection includes two pairs of woolen socks (I.12, I.32) from two costume complexes. The short socks belonging to an urban woman, are knitted of white thread and rimmed at the bottom and top with two black stripes with red S-shaped figures, and the knitted toe and heel are decorated with a polychrome stylized floral ornament. The second pair, owned by a young village dweller and knitted with red and blue threads, is all covered with fine geometric ornaments.

Three pairs of footwear from the collection demonstrate its basic types existing in the urban and rural areas. It is to be noted that women never wore carbatina shoes, and when leaving the house, wore patterned socks and *chmoshks* or *koshes*.²⁸

The collection includes two pairs of footwear making part of the costume complexes (I.14, I.33), and one acquired separately (I.61). The shoes included in the complexes resembling boots, have a 8 shaped type sole, a low heel, cut with no heel counter, with closed top, figured vamps on the edge and bent up toes. The top of the shoe is made of green shagreen leather, also serving to decorate a solid heel. A feature of the footwear from the first complex (I.14) is a soft two part insole of red and brown leather, while from the second complex (I.33) – metal taps on the sole.²⁹

²⁸ Լիսիցյան Ս. Ընդնային Ղարաբաղի հայերը. Ս. 37.

²⁹ Вероятно, по аналогии с коньками, имевшими загнутые носки и металлические набойки на подошве, такая обувь носит название *чмошк* – «коньки».

²⁸ Լիսիցյան Ս. Ընդնային Ղարաբաղի հայերը. Ս. 37.

²⁹ Probably, by analogy with the skates, which had curved toes and metal heels on the sole, such shoes are called *chmoshk* – “skates”.

Туфли шушинки (I.61), приобретенные собирателем вне комплекса, сшиты из кожи и обшиты сверху парчой, декорированной вышивкой из бисера. В центре орнаментальной композиции расположена двенадцатилепестковая цветочная розетка, от которой отходят стебли с бутонами и листьями. Каблук декорирован мягкой зеленой кожей, по нижнему краю которой наклеен тонкий скрученный двухцветный шелковый шнур. Стелька, обтянутая красной кожей, декорирована люверсом, а по внутреннему краю пятки – парным светло-зеленым кожаным шнуром, один из которых собран в складку. Изящные туфли были изготовлены местными мастерами, о которых упоминает в своей работе А. Тер-Саркисянц: «В конце XIX в. в Шуши было 57 лавок, в которых специалисты-сапожники занимались изготовлением кустарной обуви из козлиной шкуры, окрашенной в черный, красный, зеленый и желтый цвета»³⁰.

Проведенный анализ предметного ряда, относящегося к женскому костюму, дает возможность выявить признаки различий возрастного и социального статуса владелиц, проявляющиеся как в отдельных предметах, так и в костюме в целом.

Представленные в коллекции костюмные комплексы позволяют утверждать, что эстетика локального костюма основана на двух основных параметрах – множественности в основном нашивных металлических украшений, непосредственно включенных в определенные детали одежды, и сочетании цветовой гаммы предметов в ансамбле костюма, в котором фоновым является белый цвет, а определяющим – оттенки красного (включая оранжевый) и зеленого (включая желтый). При минимизации вышитых деталей костюма, сконцентрированных в первую очередь на головных уборах, важное значение придается тканым узорам на платьях костюмного комплекса горожанки и сельской жительницы фертильного возраста. Демонстрация преклонного возраста и низкого социального статуса жен-

The shoes belonging to a woman from Shushi, purchased by the gatherer outside the complex, are sewn of leather topped with brocade, decorated with embroidery of beads. In the center of ornamental composition there is a 12 petal flower rosette from which stems with buds and leaves extend. The heel is decorated with soft green leather, along the lower edge there is a glued thin twisted double-colored silk cord. The insole, tightly covered with red leather, is decorated with cringle, and along the inner edge of the heel with paired green leather cord, one of them folded. Elegant shoes were made by local craftsmen mentioned by A. Ter-Sarkisyants: "In the late 19th c. there were 57 shops in Shushi where the shoe makers were producing handicraft footwear from goatskin, painted black, red, green and yellow".³⁰

The analysis of article row related to the woman's costume, enabled identification to be made of the different aging and social status of hostesses becoming apparent in both individual articles and in the costume as a whole.

The presented costume complexes in the collections enable us to state that the aesthetics of the local costume is based upon two basic parameters – the multiplicity of mostly sewn on metal decoration directly included into certain parts of clothes, and combination of the color spectrum of articles in the costume ensemble, whereby the white is the background color while the determinants are the shades of red (including orange) and green (including yellow). When minimizing the embroidered parts of the costume concentrated mainly on the headdress, an important role is assigned to the woven patterns on the dresses of the costume complex of urban and rural women of fertile age. Demonstration of advanced age or a low social status of a woman is achieved by using monochromatic coloring and absence of woven décor on the outwear.

³⁰ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 629.

³⁰ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. Р. 629.

щины достигается монохромностью и отсутствием тканого декора на верхней распашной одежде.

Между тем важнейшей особенностью локального женского костюма является то, что украшения, в том числе налобные и нарукавные, а также нагрудные подвески, носили не только молодые, но и пожилые женщины, таким образом демонстрируя, скорее, гендерную, нежели возрастную принадлежность. Металлические украшения также не являлись критериями определения социального и материального положения женщины, поскольку имели апотропейное значение и «нельзя было, чтобы неимущая женщина или девушка не имела бы хотя бы основные из них»; кроме того, украшения передавались по наследству, потому что «даже в весьма неимущих семьях они считались необходимыми для плодovitости женщины и сохранения благоденствия семьи»³¹.

Корпус представленных в коллекции предметов позволяет проследить некоторые исторические изменения в материалах и формах их изготовления. Так, отмечается увеличение значения фабричной ткани, в частности ситца³², используемого в подкладках плечевой одежды и деталях головного убора. Ситец был привозной, с высокой степенью вероятности, из ткацких центров Западной Европы или России. Фабричную тканью заменялись как хлопчатобумажные подкладки верхней распашной одежды, так и шелковые на наушниках, налобниках и нагрудниках. Наблюдается также изменение форм звеньев и их переплетения в цепочках украшений, в подавляющем большинстве имеющих сложный архаичный восьмеркообразный тип звеньев, однако в нагрудном серебряном украшении из костюма молодой женщины, уже сменившихся на современный для локальной традиции вид одинарных звеньев в

Meanwhile, the most important feature of the local woman's costume is that the decorations, including the forehead pieces and those worn on the sleeves, as well as breast pendants, were worn not only by the young women, but also by women of advanced age, demonstrating rather the gender than the age affiliation. Metal decorations were also not the criteria for determining the social and material position of the woman, since they had the apotropaic meaning, and "it was unacceptable for a poor woman or a girl not to have at least the most important ones of those; in addition, the decorations were inherited, since "even in very destitute families they were considered necessary for the fertility of a woman and the preservation of the family welfare""³¹.

The mass of objects included in the collection enables tracing of certain historical changes in the materials and the forms of their production. Thus, there is a growing significance of the factory made fabric, in particular, calico,³² used in the lining of the outerwear and parts of the headdress. The calico was imported, most probably, from the weaving centers of Western Europe or Russia. Factory-made fabric was used to replace both cotton linings of the overdresses, as well as silk linings on earflaps, headbands and the bibs. Changes are observed in the modified forms of links and their interlacing in the chains of decorations, the vast majority of which have complex archaic eight-shaped type of links, while in the breast mounted silver decoration from the costume of the young woman, they have already been replaced by the modern ones for the local tradition, from a single link into the armor-like

31 Լիսիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. Ս. 124.

32 Рассмотренные предметы демонстрируют существенное преобладание использования ситца в сравнении, например, с датированными тем же периодом костюмами из Ванской области. См: Гушчян Л. С. Культурное наследие Западной Армении: Материалы по культуре армян Ванской области в собрании РЭМ (экспедиция А. А. Миллера 1916 г.). Ереван: Нушикян ассоциация, 2015.

31 Լիսիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. Ս. 124.

32 The discussed items demonstrate a significant predominance of the use of chintz in comparison, for example, with costumes from the Van region dated from the same period. See: Gushchyan L. S. Cultural Heritage of Western Armenia: Materials on the Culture of the Armenians of the Van Region in the Collection of the RME (Expedition of A. A. Miller, 1916). Yerevan: Nushikian Association Publishing House, 2015.

панцирном переплетении. Упрощение наблюдается также в филигранных и штампованных декоративных элементах украшений, замененных на готовые детали – монеты.

Силуэт женского костюма также изменялся в течение XIX века, и это происходило в первую очередь за счет смены типа пояса. Если архаичный кушак расширял талию и стилистически укрупнял фигуру, то кожаный пояс с металлической пряжкой, подчеркивая талию, делал фигуру более изящной. Таким образом, к концу века наблюдается изменение женского визуального образа в целом. Сохранившиеся в сельской среде архаичные кушаки приобретают значение маркера более низкого социального статуса, и при использовании менее качественной ткани – пожилого возраста владелицы.

МУЖСКОЙ КОСТЮМ

В коллекции представлены все основные предметы локального мужского костюма: рубаха, шаровары, верхняя распашная одежда, головной убор, носки и обувь. Кроме того, в коллекцию входят дополнения к костюму, такие как пояса и подвязки на ноги.

В собрании имеются 18 предметов, составляющих костюм горожанина из Тифлиса (9 предметов) и сельского жителя из с. Кайбалишен Шушинского уезда (9 предметов), собранных как комплекс, а также пара мужской обуви, приобретенная отдельно.

Собрание позволяет судить об аналогиях в составе мужского костюма, имеющего общерегиональный характер, однако обладающего вариативностью в материале изготовления и ряде конструктивных деталей.

В костюм из Тифлиса входят: 1. Плечевая одежда, включающая рубаху *шاپიკ* (I.43), архалук (I.45), кафтан *каба* (I.46). 2. Поясная одежда: шаровары *шалвар* (I.44). 3. Головной уборной *ციცაკ*³³ (I.48). 4. Носки (I.49), обувь

³³ Собирателем использован грузинифицированный вариант термина – *ციცაკი*.

weave. The simplification is also observed in the filigree and stamped decorative elements of adornments, exchanged for the readymade parts – coins.

The silhouette of the female costume had also changed during the 19th century, and that was happening mainly by changing the type of belt. The archaic bodices expanded the waist and stylistically enlarged the figure, while the leather belt with a metallic buckle made the figure more elegant. Thus, in the late century there was a change in the visual image of a female as a whole. The archaic bodices preserved in the rural areas acquire the significance of a marker of a lower social status and when using a lower quality fabric, the owner's advanced age.

MEN'S COSTUME

The collection includes all the main items of the local man's costume: a shirt, wide trousers, outerwear, a headdress, socks and shoes. In addition, the collection includes costume accessories such as belts and leg garters.

The collection contains 18 items that make up the costume of a citizen from Tiflis (9 items) and a villager from the village of Kaibali-shen of Shushi district (9 items), all collected as a complex. It also features a pair of men's shoes purchased separately.

The collection makes it possible to examine analogies in the composition of the men's costume, which has a general regional character, but varies in the material and a number of structural details

The costume from Tiflis features: 1. Shoulder garments, including a shirt called *shapik* (I.43), an arkhuluk (I.45), a kaftan called *kaba* (I.46). 2. Waist garments: wide trousers (I.44). 3. A headdress called *tsitsak*³³ (I.48). 4. Socks (I.49),

³³ The collector used the Georgianized version of the term – *tsitsaki*.

(I.50). К дополнениям относятся пояс *goti* (I.47) и подвязки на ноги (I.51).

В комплекс из Кайбали-шена входят:

1. Плечевая одежда, включающая рубашу *шаник* (I.34), архалук (I.36), кафтан *чоха* (I.38).
2. Поясная одежда: шаровары *шалвар* (I.35).
3. Головной убор (I.39).
4. Носки (I.40), обувь *трех* (I.41). К дополнениям относится пояс *goti* (I.37); собирателем в комплекс включен также посох (I.42).

Представленные рубашки (I.43, I.34) длиной выше колен (78 и 66 см), с длинными рукавами (ок. 60 см) имеют стан, расширяющийся книзу за счет боковых клиньев; по боковинам одна из рубаш (I.43) имеет разрезы (17 см), по верхним углам которых имеются треугольные вставки (3×4 см). Рубашки с косым разрезом справа по круглому вороту, в одном варианте – без воротника, во втором – с небольшим воротником-стойкой. Ворот застегивается на две металлические пуговицы и воздушные петли из черного шелкового шнура (I.43) или пуговицы из целлулоида и прорезные петли (I.34). Рукава с прямой проймой, ромбовидными ластовицами, на одной рубашке (I.43) – прямые, на другой (I.34) – собраны на манжету и застегиваются на пуговицу и петлю, как и на вороте.

Рубашки различаются материалом, из которого они изготовлены. Первая из них (I.43), более архаичная по крою, сшита из шелка красного цвета; на спинке нашита прямоугольная накладная из более дорогой шелковой ткани, переходящая на плечи и спереди на грудь до пояса; имеет вертикальный разрез по вороту; вырез горловины и разрез ворота по краю декорированы тонким галуном и шелковым золотистым шнуром. Вторая рубашка (I.34) сшита из серой фабричной хлопчатобумажной ткани в мелкую черную клетку, с подкладкой из той же ткани по вороту на груди (дл. 47 см) и спине (дл. 10.5 см). Таким образом, рубашки различаются в том числе и стороной нашивания дополнительной ткани: на лицевой – в более традиционном варианте, на изнаночной – в современном.

shoes (I.50). The accessories include a belt called *goti* (I.47) and leg garters (I.51).

Included in the complex from Kaibalishen are:

1. Shoulder garment including the shirt *shapik*, (I.34), *arkhaluk* (I.36), caftan *chokha* (I.38).
2. Waist clothing: *shalwar* trousers (I.35).
3. A headdress (I.39).
4. Socks (I.40), *carbatina* shoes *trekh* (I.41). The accessories include the *goti* (I.37). The collector also included a staff (cane) in the complex (I.42).

The presented shirts (I.43, I.34) fall above the knees (78 and 66 cm) and have long sleeves (approx. 60 cm) and widen downwards due to the side wedges. One of the shirts (I.43) has slits (17 cm) on the sides, on the upper corners of which there are triangular inserts (3 × 4 cm). Shirts with an oblique cut on the right along the round collar, in one of the versions are without a collar, in the second include a small stand-up collar. The collar is fastened with two metal buttons and stitches of black cord made of silk (I.43) or celluloid buttons and welt loops (I.34). The sleeves have straight armholes, diamond-shaped gussets - straight on one of the shirts (I.43). On the other one they are gathered at the cuff and fastened with a button and loop, the same way as on the collar (I.34).

Shirts differ in the fabric they are made of. The first one (I.43), more archaic in cut, is made of red silk; on the back there is a straight overlay made of more expensive silk fabric, passing over the shoulders and all the way from the chest to the waist in the front. It has a vertical slit along the collar; the neckline and collar are slit along the edge and are decorated with a thin galloon and golden silk cord. The second shirt (I.34) is made of grey factory-made checkered cotton fabric, with a lining of the same fabric along the collar on the chest (length 47 cm) and back (length 10.5 cm). Thus, shirts differ, among other things, in the location of the sewn additional fabric (on the front in a more traditional version on the opposite side in a more modern version).

Различия в материале изготовления и в деталях кроя рубах свидетельствуют о модернизации, коснувшейся одного из основных предметов мужского костюма. Между тем, судя по качеству ткани, декоративным элементам (шелк, галун) и застежкам (металл), более архаичный вариант рубахи принадлежал владельцу с более высоким социальным статусом. Консервативность кроя и/или материала, в свою очередь, может объясняться как возрастом владельца, так и устоявшимися предпочтениями в элитарных городских ремесленно-купеческих кругах. Неизменность в выборе кроя и материала также призваны демонстрировать принадлежность владельца костюма к указанной среде.

В костюмные комплексы входят шаровары (I.44, I.35), сшитые комбинированным способом (на руках и на швейной машинке) из фабричной шерстяной ткани черного (I.44)³⁴ и темно-синего (I.35) цветов, с широким шагом, прямыми широкими штанинами³⁵, с нашитой на пояскулистой (шир. ок. 7 см) из красной шелковой (I.44) и синей хлопчатобумажной (I.35) тканей и двумя отверстиями в центре пояса³⁶ для вздержки, в одном случае изготовленной из шелковой и золотной нитей (I.44). а в другом – из хлопчатобумажной (I.35); на одних шароварах отверстие на поясе декорировано по краю черным шелковым шнуром (I.44). Один предмет (I.44) декорирован по краю штанин черным шелковым шнуром, второй (I.35) – сизнанки штанин подшит полосами хлопчатобумажной ткани, уплотняющей их края.

Как указывает С. Лисициан, «пожилые оставляли нижние края шаровар свободными, молодые же подвязывали их»³⁷. В коллекции

Differences in the fabric used for production and in the details of the cut of the shirts indicate the modernization that touched on one of the main items of the men's costume. Meanwhile, judging by the quality of the fabric, decorative elements (silk, galloon) and clasps (metal), the more archaic version of the shirt belonged to an owner with a higher social status. The conservative cut and/or material, in turn, can be explained both by the age of the wearer and by established preferences in elite urban craft merchant circles. Consistency in the choice of cut and material is also intended to demonstrate the belonging of the wearer to the specific environment.

The costume complexes include wide trousers (I.44, I.35) sewn in a combined way (by hand and on a sewing machine) from factory-made woolen fabric in black (I. 44)³⁴ and dark blue (I.35). These have straight wide legs.³⁵ A drawstring (approx. 7 cm in width) is sewn on the belt made of red silk (I.44) and blue cotton (I.35) and there are two holes in the center of the belt³⁶ for support. In the first case these are made of silk and gold threads (I.44) and in the second - of cotton (I.35). On some wide trousers, the hole in the belt is decorated along the edge with a black silk cord (I.44). One of the pieces (I.44) is decorated along the edge of the trousers with a black silk cord; the second (I.35) is hemmed with strips of cotton fabric from the inside of the legs, sealing their edges.

As S. Lisitsian points out, “the elderly left the lower edges of the wide trousers free, while the young tied them up”.³⁷ The collection contains one specimen of garters (I.51), which were used to fix

³⁴ Шерстяная ткань, из которой сшиты предметы I.44 и I.46, представляет собой сукно высокого качества, изготовленное на западноевропейских, вероятно, лионских фабриках.

³⁵ Штанины на шароварах (I.35) верху и снизу имеют одинаковую ширину за счет треугольных клиньев (дл. 17 см) в боковых разрезах с внутренней стороны.

³⁶ Как указывает С. Лисициан, такие шаровары можно было носить и задом наперед. См.: Լիսիցյան Ս. Ընդհային Ղարաբաղի հայերը. Շ. 36.

³⁷ Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. Շ. 122.

³⁴ The woolen fabric, objects I.44 and I.46 are made of, is a high-quality cloth manufactured in Western European, probably, Lyon factories.

³⁵ Trouser legs on the bloomers (I.35), have the same width at the top and bottom, due to triangular wedges (length 17 cm) in the side slits on the inside.

³⁶ As S. Lisitsian points out, such bloomers could also be worn backwards. See: Լիսիցյան Ս. Ընդհային Ղարաբաղի հայերը. Շ. 36.

³⁷ Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. Շ. 122.

имеется один экземпляр подвязок (I.51), которыми фиксировались нижние части шаровар. Они имеют прямоугольную форму, изготовлены из качественной черной шелковой ткани, с завязками (75 см) из шелковых шнуров того же цвета на одной из сторон. Вдоль коротких сторон снаружи и изнутри нашиты поперечные полосы (2 см) шелковой ткани фиолетового и зеленого цветов.

Верхняя плечевая распашная одежда представлена в коллекции двумя типами – архалуком (I.45, I.36) и кафтаном (I.46, I.38), которые являются обязательными предметами мужского костюма; оба скроены по лекалам.

Архалуки, входящие в собрание, сшиты на машинке, длиной выше колен, приталенные, отрезные по талии и расширяющиеся от нее за счет боковых клиньев; нижняя часть у пояса заложена складками либо по спинке и боковинам (I.45), либо по всей окружности (I.36); с треугольным вырезом на груди и небольшим воротником-стойкой на плотной ткани с внутренней стороны, сужающимся к полочкам; со швом в плечах, длинными рукавами, с выкроенной проймой. На одном предмете (I.36) рукава прямые, до кисти (дл. 57 см), на другом (I.45) – длинные (дл. 76 см), с разрезами внизу по внутренней стороне (дл. 29 см), сужающиеся к запястью, а затем расширяющиеся на кисти, фигурно вырезанные по краю.

Застежками на предметах служат нашитые на уровне талии металлические крючки и петли (с каждой стороны по два: крючок – петля, петля – крючок)³⁸; на рукавах одного предмета (I.45), в верхней части их разреза (до фигурного края) нашиты три петли из шелкового шнура и медные пуговицы. На обоих предметах сбоку (ниже талии) имеются глубокие прорезные карманы, на одном – с фигурными клапанами (I.45), на другом (I.36) – дополнительный внутренний квадратный накладной карман (20×20 см), расположенный на левой полочке.

³⁸ В архаичном варианте вместо металлических крючков и петель использовали плетенные из шнура петли и пуговицы, которые располагали таким же образом.

the lower parts of trousers. They are rectangular in shape, made of high quality black silk, with ties (75 cm) of silk cords of the same color on one side. Along the short sides, transverse stripes (2 cm) of violet and green silk are sewn on the outside and inside.

The collection features two types of outerwear: an arkhuluk (I. 45, I. 36) and a caftan (I.46, I.38), which were mandatory parts of the male costume and were both tailored with patterns.

Arkhaluks included in the collection are sewn on a sewing machine; they fall below the knees, are fitted and detachable at the waist where they expand from thanks to side wedges. The lower part is pleated at the waist either along the back and the sides (I.45), or along the entire circumference (I.36). There's a triangular neckline on the chest and a small stand-up collar made of a dense fabric on the inside, tapering to the front panels; The shoulders are stitched, it has long sleeves with armholes. On one of the items (I.36), the sleeves are straight and reach the wrists (length 57 cm). They are longer (length 76 cm) on the other (I.45), which has slits at the bottom along the inside (length 29 cm), with tapering extending to the wrist, and then expanding into hands and carved along the edge.

The clasps on the items are metal hooks and loops sewn at the waist level (two on each side: a hook-loop and a loop-hook).³⁸ On the sleeves of one of the items (I.45), in the upper part of the cut three loops of silk cord and copper buttons are sewn. Both items have deep welt pockets below the waist, one with shaped flaps (I.45), the other (I.36) has an additional inner square patch pocket (20×20 cm) located on the left front panel.

³⁸ In the archaic version, instead of metal hooks and loops, loops and buttons woven from cord were used, which were arranged in the same way.

*Портрет пожилой пары
1870–1890 гг. Фотограф Д. И. Ермаков
РЭМ 1381-17*

*An elderly couple's portrait
1870–1890. Photographer D. I. Yermakov
РЭМ 1381-17*

Архалуки сшиты на подкладке и различаются в первую очередь лицевой и изнаночной тканями.

Один из них, имеющий более архаичные черты в крое (I.45), сшит из черной атласной ткани на подкладке (по стану и рукавам до фигурного выреза) из фабричной хлопчатобумажной ткани в красно-черную клетку на белом фоне и зеленой шелковой ткани внизу рукавов; основу декора данного предмета составляет металлический шнур, нашитый по краю полков, вороту, воротнику, краям рукавов и карманов; воротник дополнительно декорирован строчкой в виде полосы чередующихся геометрических фигур – овалов и ромбов, окаймленных прямыми линиями.

Другой, с модерными деталями (I.36), сшит из плотной хлопчатобумажной ткани серо-зеленого цвета на подкладке из светло-зеленого ситца; с кусками черной ткани, нашитыми в качестве накладок по боковинам и на внутреннем кармане; способ декорирования – стежки: на спинке в виде ромба, по воротнику – прямыми линиями.

Поверх архалука надевали верхний кафтан, который обязательно шили из той же ткани, что и шаровары³⁹, и который составлял с ними выходной комплект. В коллекции имеются кафтаны двух видов (I.46, I.38), различающихся, прежде всего, кроем рукавов.

Оба предмета представляют собой сшитую на машинке длиннополую, ниже колен, одежду, приталенную, отрезную по талии, с расширяющейся за счет боковых клиньев нижней частью, которая у пояса заложена складками по спинке и боковинам; на одном предмете (I.38) сзади подола и по его боковинам изначально был сделан вертикальный разрез, впоследствии сшитый; с треугольным вырезом на груди. Один из кафтанных (I.46) – с небольшим воротником-стойкой, сужающимся к

Arkhaluks are sewn on a lining and differ primarily in the fabric used on the front and reverse sides.

One of them, which has a more archaic cut (I.45), is made of black satin lined (along the body and sleeves to the figured neckline) with factory-made red and black checkered cotton on a white background and with green silk below the sleeves. A metal cord sewn along the edge of the front panels, a collar, edges of sleeves and pockets serves as a basis for the decoration. The collar is additionally decorated with a strip of alternating geometric shapes – ovals and diamonds bordered by straight lines.

The other one, with more modern details (I.36), is made of grey and green thick cotton fabric lined with light green calico, with pieces of black fabric sewn as overlays on the sides and on the inside pocket. The decoration method is stitches: on the back in the form of a diamond and in straight lines along the collar.

Worn over the arkhaluk was the upper caftan, which was necessarily sewn from the same fabric as the trousers,³⁹ and which constituted a special - occasion set with them. The collection contains two types of caftans (I.46, I.38), which differ primarily in the cut of the sleeves.

Both items are sewn on a sewing machine, are long-brimmed and fall below the knees. They are fitted, cut off at the waist, with a lower part expanding due to side wedges, which is pleated at the waist along the back and sidewalls; on one object (I.38). A vertical cut was initially made at the back of the hem and along its sides, later sewn together; with a triangular cutout on the chest. One of the caftans (I.46) has a small stand-up collar, tapering to the fronts, the second one is without a collar, but on the inside of the collar has

³⁹ Армяне / Отв. ред. Л. М. Варданян, Г. С. Сарксян, А. Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. М.: Наука, 2012. С. 248.

³⁹ Армяне / Отв. ред. Л. М. Варданян, Г. С. Сарксян, А. Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. М.: Наука, 2012. Р. 248.

полочкам, второй – без воротника, однако имеет с внутренней стороны ворота сшитую с двух коротких сторон полосу шерстяной ткани, вероятно, служившей петлей-вешалкой. Плечи обоих кафтанов шивные; рукава длинные, с прямой проймой. На одном из предметов (I.46) рукава существенно ниже кисти, достигают в длину 102 см, с ромбовидными отверстиями в пройме, прямоугольные, с фигурным краем по нижнему краю, несшитые с внутренней стороны до фигурной части, прихваченной у основания. Левый рукав было принято откидывать на плечо, демонстрируя подкладку кафтана и рукав архалука⁴⁰. У второго предмета (I.38) рукава прямые, достигающие до запястья, с разрезами от нижнего края (12 см), впоследствии сшитые.

Кафтан более архаичного кроя (I.46) имеет две прорези для карманов в боковинах, сами карманные мешочки отсутствуют, а более современный (I.38) – внутренний накладной карман с левой стороны (18×18 см).

Застежка имеется только на одном предмете (I.38), состоит из металлического крючка и петли, которые расположены на уровне талии. Дополнительно кафтан фиксируется нашитой с внутренней стороны спинки полосой ткани со свободными концами, которые завязываются спереди на поясе, не позволяя полам расходиться.

Кафтаны в верхней части сшиты на подкладке. Предметы различаются лицевой и изнаночной тканями.

Кафтан более архаичного кроя (I.46) сшит из качественного сукна черного цвета с подкладкой, выполненной из трех видов ткани: на спинке – из хлопчатобумажной серого цвета, по боковинам и всей длине рукава – из шелковой голубого цвета, по краям полочек и вороту – из фиолетового бархата. По краю разреза в подмышках, краям шелковой подкладки на уровне талии и на полочках нашита полоса плотной черной шелковой ткани, которая

a strip of woolen fabric sewn from two short sides, probably serving as a loop hanger. The shoulders of both caftans are sewn; the sleeves are long, with a straight armhole. On one of the objects (I.46), the sleeves fall far below the wrist, reaching a length of 102 cm, with diamond-shaped holes in the armhole. The sleeves are rectangular, with a figured cut along the lower edge, unsewn from the inside to the figured part, tacked on grounds. It was customary to throw the left sleeve over the shoulder, showing the lining of the caftan and the sleeve of the arkhuluk.⁴⁰ The second item (I.38) has straight sleeves, reaching to the wrist, with slits from the bottom edge (12 cm) sewn together.

The caftan of a more archaic cut (I.46) has two slots for pockets on the sides. There are no pocket pouches, and there is a more modern internal patch pocket on the left side (18 × 18 cm).

There is a clasp on only one of the items (I.38), consisting of a metal hook and loop, which are located at waist level. Additionally, the caftan is fixed with a strip of fabric sewn on the inside of the back with loose ends, which are tied in front of the belt, preventing the seams from coming apart.

The caftans in the upper part are sewn on a lining. Items differ in front and reverse side fabrics.

The caftan of a more archaic cut (I.46) is made of high-quality black material with a lining made of three types of fabric: from grey cotton on the back, from blue silk along the sides and the entire length of the sleeve and from violet velvet along the edges of the front panels and the collar. Along the edge of the cut in the armpits, the edges of the silk lining at the waist level and on the fronts, a strip of thick black silk fabric is sewn, which is designed to prevent tears along the seam. Along

⁴⁰ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 628.

⁴⁰ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 628.

призвана предотвращать разрывы по шву. По краю воротника, ворота, рукавов, бархатной нашивки, подола и карманов кафтан декорирован золотистым шелковым шнуром.

Второй, более модернизированный кафтан (I.38), сшит из плотной шерстяной ткани, на подкладке из черной хлопчатобумажной ткани на спинке, полочкам и нижней части рукавов. Из той же ткани выполнен внутренний карман. По внутреннему краю подола и разрезов (включая сшитые), а также по поясу нашиты неширокие полосы хлопчатобумажной ткани, уплотняющие края.

Оба предмета декорированы стежками, первый – по воротнику, в виде линий, второй – по спинке, в виде ромбовидного рисунка, а на кармане – косоугольного креста и каймы по верхнему краю, состоящей из двух волнистых пересекающихся линий, обрамленных одинарными строчками.

Обязательным функционально-декоративным предметом мужского костюма являлся узкий кожаный пояс, который жених получал в дар во время венчания от родителей невесты⁴¹. В коллекции представлены два пояса. Один из них (I.37) скроен из красного сафьяна, обшит галуном, украшен серебряными наконечником, пряжкой, четырьмя движками и тринадцатью штампованными деталями (12 – в виде розеток, 1 – продолговатой формы); розетки напаяны на ушки, через которые по изнанке пояса продет тонкий кожаный ремешок-фиксатор. Серебряные части пояса украшены в технике гравировки и черни растительным орнаментом в виде розеток и характерных сложно-переплетенных побегов с листьями. Другой пояс (I.47) выполнен из коричневой кожи, обшит шелковой тесьмой с тканым золотым орнаментом по центру, на одной из сторон обшит полосой зеленой кожи. Два наконечника, пряжка, чередующиеся круглые и овальные декоративные детали пояса (с ушками, продетыми через ремень и зафиксированными с изнанки хлопчатобумажными нитками) изготовлены

the edge of the collar, sleeves, velvet patch, hem and pockets, the caftan is decorated with a golden silk cord.

The second, more modernized caftan (I.38) is made of thick woolen fabric, lined with black cotton fabric on the back, fronts and lower part of the sleeves. The inner pocket is made of the same fabric. Along the inner edge of the hem and slits (including sewn ones), as well as along the waist, narrow strips of cotton fabric are sewn to seal the edges.

Both items are decorated with stitches. The first one is on the collar, in the form of lines, the second one is on the back, in the form of a diamond-shaped pattern. On the pocket there is an oblique cross and a border along the upper edge, consisting of two wavy intersecting lines framed by single stitches.

A narrow leather belt, which the groom received as a gift from the bride's parents during the wedding, was an obligatory functional and decorative item of the men's costume.⁴¹ The collection includes two belts. One of them (I.37) is cut from red morocco leather, trimmed with galloon, decorated with a silver end tip, a buckle, four sliders and thirteen stamped details (12 in the form of rosettes, 1 in an oblong shape). The rosettes are soldered onto the "ears" through which a thin leather strap is threaded along the underside of the belt. The silver parts of the belt are decorated using the technique of engraving and niello with floral ornaments in the form of rosettes and characteristic intricately intertwined threads with leaves. The other belt (I.47) is made of brown leather, trimmed with silk braid with a woven gold ornament in the center and with a strip of green leather on one side. Two end tips, a buckle, alternating round and oval decorative details of the belt (with ears threaded through the belt and fixed from the inside with cotton threads) are made of gold, decorated with an engraving in the form of a branch with a rose and buds, framed

⁴¹ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 629.

⁴¹ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. Р. 629.

из золота, декорированы гравировкой в виде ветки с розой и бутонами, обрамленными фестончатой каймой. На пряжке и лицевой стороне наконечников выгравированы цветочные гирлянды и букеты, а на внутренней стороне одного из наконечников – стилизованные первые буквы армянского алфавита – ԱԲ, возможно, являющиеся инициалами мастера или, скорее, заказчика предмета. Как стилизованные буквы, так и розетки и букеты, несомненно, являются результатом влияния барочного европейского стиля, а схожесть изображения с европейскими образцами позволяет предположить весьма раннее время изготовления предмета, когда местные мастера еще цитировали европейские оригиналы, а не переработали заимствованные образы в контексте своей культуры.

Мужской пояс имел не только декоративное значение: «Армянский мужчина старался по возможности иметь дорогостоящий пояс, предполагая, что он может пригодиться для покрытия затрат на похороны или, в крайнем случае, на черный день»⁴², таким образом, единственный драгоценный предмет в мужском локальном армянском костюме являлся своего рода капиталом.

Традиционным мужским головным убором была папаха из овчины. В коллекцию входят два варианта меховой шапки, один из которых (I.48) – высокий, конусовидной формы, сшит из двух кусков черного меха; на верхушку головного убора нашит треугольник из шелковой ткани бирюзового цвета. Второй вариант (I.39) существенно ниже, цилиндрической формы, сужающийся спереди, сшит из нескольких кусков коричневого меха, донце и тулья выполнены из одного и того же материала.

Первый тип папахи С. Лисициан определяет как городской⁴³ и включает его в комплекс с кафтаном, имеющим откидные рукава, которому идентичен входящий в коллекцию. Такие папахи шили из наиболее дорогого меха, известного как «бухарский», т.е. каракулевый. Вто-

by a scalloped border. The buckle and front side of the tips are engraved with flower garlands and bouquets, while on the inside of one of the end tips there are stylized first letters of the Armenian alphabet - ԱԲ, which may be the initials of the master or, rather, the client. Both stylized letters and rosettes and bouquets are undoubtedly the result of the influence of the Baroque European style, and the similarity of the image with European samples suggests a very early time of production of the item, when local craftsmen still quoted European originals, and did not rework borrowed images in the context of their own culture.

The men's belt had not only a decorative meaning: "The Armenian man tried to have an expensive belt whenever possible, suggesting that it could be useful to cover the cost of a funeral or, in extreme cases, be used on a rainy day".⁴² Thus, the only expensive item in a man's costume was considered a kind of capital.

The traditional male headdress was a tall hat made of sheepskin. The collection includes two versions of a fur hat, one of which (I.48) is tall, cone-shaped, sewn from two pieces of black fur. A triangle of turquoise silk is sewn on the top of the headdress. The second variant (I.39) is much shorter, cylindrical in shape, tapered in the front, sewn from several pieces of brown fur. Its bottom and crown are both made of the same material.

S. Lisitsian defines the first type of tall hat as urban⁴³ and includes it in a complex with a caftan with folding sleeves, which is identical to the one included in the collection. Such hats were sewn from the most expensive fur, known as "Bukhara", i.e. from astrakhan. The second type is simpler,

⁴² Ըրսիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. Ս. 122.

⁴³ Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении. С. 222.

⁴² Ըրսիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. Ս. 122.

⁴³ Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении. С. 222.

рой тип – более простой, сшитый из дешевого меха⁴⁴, вероятно, овцы местной породы.

В коллекции представлены две пары шерстяных носков (I.49, I.40) из двух костюмных комплексов – горожанина и сельского жителя. Носки короткие, без вывязанных пятки и носка, в одном случае (I.40) – с завязками-фиксаторами по верхнему краю, выполненными из шерстяной нити (32 см) и хлопчатобумажного шнура (83 см). И те и другие носки сплошь покрыты геометризованным растительным орнаментом, их основной фон – красный, орнамент в первом варианте (I.49) доминирующего черного и дополнительных зеленого, желтого, белого и фиолетового цветов, а во втором (I.40) – только черного.

Три пары обуви, включенные в собрание, демонстрируют основные ее виды, бытовавшие в городской и сельской среде. В коллекции имеются две пары обуви, входящие в костюмный комплекс (I.49, I.41), и одна – приобретенная отдельно (I.62).

Вся обувь изготовлена из кожи. Две пары (I.49, I.62) – башмаковидные, с восьмеркообразной формой края подошвы (I.49 – менее выраженной), на деревянной основе, на невысоком скошенном каблуке, без задников, с закрытым верхом, с загнутыми носками, в одном случае (I.49) с ровным краем союзки, в другом (I.62) – фигурным. Верх обуви шит из черной лощеной кожи с гравированным декором (I.49) и коричневой гладкой (I.62). Особенностью обуви из комплекса (I.49) является двухчастная мягкая стелька, на пятке – из зеленой шагреновой кожи, которой также сплошь декорирован каблук; у отдельной пары (I.62) пятка оформлена сложенным в складку шнуром.

Наиболее архаичным видом обуви являются широко распространенные во всех армянских

made from cheap fur,⁴⁴ probably from the sheepskin of a local breed.

The collection includes two pairs of woolen socks (I.49, I.40) from two costume complexes: those of a city dweller and a country dweller. The socks are short, without knitted heels and toes, in one of the cases (I.40) with ties with retainers along the upper edge, made of woolen thread (32 cm) and cotton cord (83 cm). Both of these socks are entirely covered with a geometrized floral ornament. Their main backdrop is red, the ornament in the first version (I.49) is dominated by black and additional green, yellow, white and purple colors, and only black in the second (I.40) one.

The three pairs of shoes included in the collection demonstrate the main types of shoes used in urban and rural environments. The collection contains two pairs of shoes included in the costume complex (I.49, I.41), and one pair purchased separately (I.62).

All footwear is made of leather. Two pairs (I.49, I.62) feature a figure-of-eight cut of the sole (less noticeable on I.49), on a wooden base, on a low sloping heel, without backs. It has a closed top and curved socks. In one of the cases (I.49) the edge of the vamp is smooth, in the other (I.62) it's figured. The upper part is made of black polished leather with engraved decorations (I.49) and brown smooth leather (I.62). What is characteristic of the shoes from the complex (I.49) is a two-piece soft insole on the heel, made of green step rhubarb leather, which also completely decorates the heel. In another pair (I.62) the heel is decorated with a cord pleated around it.

The most archaic type of shoes are carbatina shoes, widespread in all Armenian historical and

⁴⁴ Согласно А. Тер-Саркисянц, «в Шуши их [папахи – Л. Г.] шили из шкур овец бухарской, ширазской и местной пород, при этом самой дорогой была шапка из шкуры бухарской овцы..., а самой дешевой – шапка из шкур местной овцы, распространенная среди крестьян». См.: Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 629.

⁴⁴ According to A. Ter-Sarkisyants, "in Shushi they [hats – L. G.] were made from the skins of sheep of the Bukhara, Shiraz and local breeds, while the most expensive was a hat made from the skin of a Bukhara sheep ..., and the cheapest was a hat made from the skins of a local sheep, common among peasants". See: Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. P. 629.

историко-этнографических областях постолы, входящие в костюмный комплекс из с. Кайбалишен (I.41). Это поршневидная обувь, цельнокройная, выполненная из одного куска коричневой сыромятной кожи, с узким загнутым носком. Кожаные крученые ремешки, продетые в отверстия, образуют шнуровку, стягивающую края обуви на носке, а на пятке образуют арочную систему, поддерживающую ногу сзади; кроме того, пятка обшита кожаным шнуром.

В комплекс из с. Кайбалишен входит самодельный посох (I.42) длиной 1 м с рукояткой на верхнем конце, который может служить как тростью при длительной ходьбе, а также использоваться в пастушьем быту. Поскольку предмет включен в состав комплекса, вероятно, он являлся маркером гендерного и социально-возрастного статуса владельца – старшего мужчины, занимавшего, по-видимому, высокое положение в сельской общине.

Рассмотренные костюмные комплексы демонстрируют одновременное бытование двух вариантов мужского костюма, аналогичных по составу и различающихся материалом изготовления и рядом конструктивных деталей. В них, кроме смены кустарной шелковой ткани на фабричную хлопчатобумажную, обращает на себя внимание изменение кроя рукавов, появление воротника-стойки на рубашке и отсутствие воротника на верхней распашной одежде, что в совокупности позволяет отнести костюм к современному общекавказскому типу. Документированные ансамбли костюма указывают также на то, что в городских элитарных кругах костюм фиксировал больший консерватизм владельцев, так как он являлся своеобразным маркером их статуса. Наиболее устойчивой в отношении кроя и материала, как видно из представленных предметов, осталась обувь, сохранявшая архаичные черты и в сельском варианте костюма – более современном из двух представленных комплексов.

В целом для регионального армянского мужского костюма характерно отсутствие элементов с вышивкой, сдержанность цветовой гаммы и малочисленность металлических декоративных деталей. Социальное положение

ethnographic regions These are a part of the costume complex from the village of Kaibali-shen (I.41) made from a single piece of brown rawhide, with a narrow, turned-up toe. Leather twisted straps threaded through the holes form a lacing that tightens the edges of the shoe at the toe, and form an arch system at the heel that supports the foot from behind. Besides, the heel is sheathed with a leather cord.

The complex from Kaibali-shen includes a handmade staff (I.42) 1 m long with a handle at the upper end, which can serve as a walking stick for long walks, and also be used as an everyday object in a shepherd's life. Since the object is included in the complex, it is likely that it was a marker of the gender and socio-age status of the owner: an older man who apparently occupied a high position in the rural community.

The costume complexes demonstrate the simultaneous existence of two variants of a men's costume, similar in composition and differing in the material of manufacture and a number of structural details. In them, in addition to the change of handicraft silk fabric to factory-made cotton, attention is drawn to the change in the cut of the sleeves, the appearance of a stand-up collar on the shirt and the absence of a collar on the outer garment, which together allows us to classify the costume as a modern all-Caucasian type. The documented ensembles of the costume also indicate that in the urban elite circles, the costume recorded a greater conservatism of the owners, since it was a kind of marker of their status. The most stable in terms of cut and material, as can be seen from the items presented, remained shoes that retained archaic features in the rural version of the costume, the more modern of the two sets presented.

In general, the regional Armenian male costume is characterized by the absence of embroidered elements, scarcity of colors and the paucity of metal decorative details. The social position of the man and the whole family, there-

мужчины и всей фамилии, таким образом, транслировалось, скорее, через одежду и украшения, которые носили женщины семьи.

Представленные в коллекции женские и мужские костюмные комплексы отражают также широту их бытования. По степени распространения типа женского костюма (учитывая состав, материал, типы головных уборов и украшений) его можно охарактеризовать как локальный, а мужского – как общерегиональный. Корпус предметов в коллекции демонстрирует комплексный подход к формированию предметного ряда, что позволяет отразить различные гендерные, возрастные и социальные статусы представителей культуры.

Среди предметов из Шуши, приобретенных собирателем вне комплексов, имеются две подвески (I.58, I.59) и кисет (I.60).

Подвески состоят из парного (I.58) и одинарного шнура (I.59,) изготовленных из шелковой нити лилового цвета, на который в первом варианте нанизаны мелкие бусины (глазчатая из стекла, янтаря, гагата), раковины каури и крупный сердолик прямоугольной формы с зубчатым верхним краем, с гравировкой в виде решеток с обеих сторон. Во втором варианте подвеска состоит из крупного гагата с гравированными кольцами и точками на одной стороне, заключенного в серебряную оправу с фестончатым краем, к которой снизу подвешены три кольца с привесками из орехов в серебряной оправе с коралловой бусиной, нанизанной на штырь-фиксатор.

Оба предмета являются амулетами, широко бытовавшими в различных историко-этнографических областях Армении. Аналогичные одной из подвесок (I.58) низки нескольких бусин, различающихся материалом изготовления, что, вероятно, зависело от локальных предпочтений, представлены в собрании Исторического музея Армении (кат. № 24, 26, 27, 28⁴⁵) и, согласно автору каталога

fore, was transmitted, through the clothes and jewellery worn by the women of the family.

The women's and men's costume complexes presented in the collection also reflect the range of their existence. According to the degree of distribution of the type of women's costume (considering the composition, the material, the types of headdresses and adornments), it can be characterized as a local, and for men as a regional one. The corpus of items in the collection demonstrates an integrated approach to the formation of the subject range, which makes it possible to reflect the different gender, age, and social status of cultural representatives.

Among the items from Shushi acquired by the collector outside the complexes, there are two pendants (I.58, I.59) and a pouch (I.60).

Pendants consist of a double (I.58) and a single cord (I.59) made of lilac silk thread. In the first version, small beads (an "eye" made of glass, amber, jet), cowrie shells and a large rectangular carnelian with a serrated upper edge, engraved in the form of grids are strung on the cord. In the second version, the pendant consists of a large jet stone with engraved rings and dots on one side. It is enclosed in a silver frame with a scalloped edge from where three rings with walnut pendants, again enclosed in a silver frame, are hanging.

Both objects are amulets widely used in various historical and ethnographic regions of Armenia. Similar to one of the pendants (I.58), The beads differed in the material of manufacture, which probably depended on local preferences. Some of these are presented in the collection of the Historical Museum of Armenia (cat. No. 24, 26, 27, 28)⁴⁵ and, according to A. Israelyan, the author of the catalog of amulets of this museum, they

⁴⁵ Israelyan A. *Armenian Amulets of the 18th–20th Centuries*. Yerevan: Publishing House of the Historical Museum of Armenia. 2012.

⁴⁵ Israelyan A. *Armenian Amulets of the 18th–20th Centuries*. Yerevan: Publishing House of the Historical Museum of Armenia. 2012.

амулетов этого музея А. Исраэлян, являлись детскими охранительными подвесками, которые крепились к колыбели⁴⁶. Второй предмет не имеет прямых аналогий, однако близкий по материалу изготовления (гагат) и обрамлению амулет также представлен в коллекции Исторического музея Армении (кат. № 78); он применялся для лечения болезней глаз и избавления от страха⁴⁷. Следует также обратить особое внимание на декор камня, выполненный в технике гравировки, орнамент которого – точки в кружках – весьма распространен в армянской традиционной культуре как апотропейный знак, также придававший различным предметам свойство талисмана.

Кисет (I.60) представлен в коллекции в единичном экземпляре, однако такого рода небольшие мешочки различной формы, выполняющие роль кисетов и кошельков, весьма распространены в традиционной культуре различных историко-этнографических областей⁴⁸. Предмет имеет вид небольшого прямоугольного мешочка с круглым основанием, сшит из зеленого атласа (дл. 16,5 см); по верхнему краю проходит полоса красной шелковой ткани (6 см); на подкладке из оранжевой шелковой (полоса по верхнему краю) и белой хлопчатобумажной ткани; круглое донце выполнено из темно-красного бархата. По верхнему краю кисета пришиты 14 металлических колец из спиралевидно скрученной проволоки, через которые продет шнур с кистями, изготовленный из золотной и шелковой нитей контрастных белого и темно-синего цветов. Сшитые края окаймлены позументом.

Предмет богато вышит в технике глади металлическими нитями, детали рисунка под-

were protective pendants for children, which were attached to the cradle.⁴⁶ The second object has no direct analogues, however, an amulet similar in material (jets) and framing is also presented in the collection of the Historical Museum of Armenia (Cat. No. 78); it was used to treat eye diseases and to relieve fear.⁴⁷ Special attention should also be paid to the decoration of the stone, made using the technique of engraving, the ornament of which - dots in circles - is very common in Armenian traditional culture as an apotropaic sign, which also gave various objects the property of a talisman.

The tobacco pouch (I.60) is presented in the collection in a single copy, however, such small bags of various shapes, acting as pouches and purses, are very common in the traditional culture of various historical and ethnographic regions.⁴⁸ The item looks like a small rectangular bag with a round base, made of green satin (length 16.5 cm). A strip of red silk fabric (6 cm) runs along the upper edge; lined with orange silk (striped along the top edge) and white cotton. The round bottom is made of dark red velvet. On the upper edge of the pouch, 14 metal rings made of spirally twisted wire are sewn, through which passes a cord with tassels. The cord is made of gold and silk threads of contrasting white and dark blue colors. The sewn edges are bordered with a braid.

The item is heavily embroidered in the technique of smoothing with metal threads. The details of the pattern are underlined by small

⁴⁶ Israelyan A. Armenian Amulets of the 18th-20th Centuries. P. 70.. С. 70.

⁴⁷ Israelyan A. Armenian Amulets of the 18th-20th Centuries. С. 21.

⁴⁸ Аналогичный предмет, сшитый из шелковой ткани, который был приобретен в Ванской обл. А.А. Миллером, представлен в каталоге его коллекции. См.: Гущян Л. С. Культурное наследие Западной Армении: Материалы по культуре армян Ванской области в собрании РЭМ (экспедиция А. А. Миллера 1916 г.). С. 215, 218.

⁴⁶ Israelyan A. Armenian Amulets of the 18th-20th Centuries. P. 70.

⁴⁷ Israelyan A. Armenian Amulets of the 18th-20th Centuries. P. 21.

⁴⁸ A similar item made of silk fabric, purchased in the Van region by A.A. Miller, is presented in the catalogue of his collection. See: Gushchyan L. S. Cultural Heritage of Western Armenia: Materials on the Culture of the Armenians of the Van Region in the Collection of the RME (Expedition of A. A. Miller, 1916). P. 215, 218.

черкнуты небольшими вставками из шелковых нитей оранжевого, фиолетового, голубого цветов. Орнаментальная композиция двухчастная, каждая из частей вписана в раму из золотого шнура. В верхней части расположена центральная восьмилепестковая розетка, фланкированная расходящимися в стороны короткими стеблями с лепестками, завершающимися трилистниками с отростками в виде ромбовидных фигур. В нижней части изображена птица, голова которой повернута назад, а тело огибает левую сторону центральной цветочной розетки. От розетки отходят переплетенные стебли с листьями, цветками и пальметтами, ниже нее находится крупная пальметта на основании из расходящихся стеблей с трилистником в центре, фланкированном повернутыми к нему головками птиц. Декоративный рисунок обеих сторон мешочка имеет единый сюжет, но не полностью идентичен. Круглое донце также вышито металлической нитью в виде кружка и отходящих от него четырех пальметт, композиция окружена серебристым шнуром.

Представленный в коллекции предмет является важным элементом практик дарообмена. Вышивание же в городской среде считалось видом изящного искусства. В технике вышивки декорировали те предметы женского рукоделия – небольшие кошельки, кисеты для табака, футляры для мелочей, которые предназначались для одаривания членов семьи, гостей, участников различных ритуалов и праздников. Ценность этих вещей определялась степенью художественного вкуса, проявленного мастерицей при выборе материала, приемов декоративного оформления и уровня сложности орнаментальной композиции.

II

ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ И ДЕРЕВООБРАБОТКА

В коллекции представлены четыре деревянные ложки (II.1–II.4) и инструмент для их изготовления (II.5), приобретенные собирателем в с. Бердадзор Зангезурского уезда. Одна из ложек (II.1) с длинной изогнутой на конце

inserts of silk threads of orange, violet, blue colors. The ornamental composition is two-part, each of the parts is inscribed in a frame of gold cord. In the upper part there is a central eight-petal rosette, flanked by short stems with petals diverging to the sides, ending in trefoils with processes in the form of diamond-shaped figures. The lower part depicts a bird with its head turned back and its body bending around the left side of the central floral rosette. Intertwined stems with leaves, flowers and palmettes depart from the rosette; below it there is a large palmette on a base of divergent stems with a trefoil in the center, flanked by the heads of birds turned towards it. The decorative pattern on both sides of the bag has a single theme, but is not completely identical. The round bottom is also embroidered with a metal thread in the form of a circle. Four palmettes are extending from it; the composition is surrounded by a silvery cord.

The item presented in the collection is an important element of gift-exchange practices. Embroidery in the urban environment was considered a form of fine art. The embroidery technique was used to decorate those items of women's handicrafts, such as small purses, tobacco pouches, cases for trifles, which were intended to be gifted to family members, guests, participants on various rituals and holidays. The value of these things was determined by the degree of artistic taste shown by the craftswoman when choosing the material, the methods of decorative design and the level of complexity of the ornamental composition.

II

WOODEN UTENSILS AND WOODWORKING

Four wooden spoons (II.1–II.4) and a tool for their production (II.5), acquired by the collector in Berdadzor village of Zangezour District, are presented in the collection. One of those spoons (II.1) has a long handle bent at the end that is

*Семейный портрет
1870–1890 гг. Фотограф Д. И. Ермаков
РЭМ 8851-51*

*Family portrait
1870–1890. Photographer D. I. Yermakov
РЭМ 8851-51*

рукояткой предназначена для раздачи пищи, остальные – для ее употребления. Все ложки неглубокие, овальные, с круглыми в сечении рукоятками, без декоративных элементов. Такие ложки изготавливались мужчинами семьи, и инструмент для их изготовления – нож с кривым лезвием был в каждом доме: «Не требовалось большого мастерства и ловкости для изготовления, например при помощи *кртоци* (досл. “резалка” – инструмент, представленный в коллекции. – Л. Г.) изготовить поварешку, ложку или миску определенной глубины»⁴⁹. Между тем ложки имели не только функциональное назначение: их число соответствовало количеству членов семьи, и так как считалось, что они к тому же «олицетворяют “богатство” (*хсма́т, довлат*) дома, и поэтому во время свадьбы родственники жениха всячески старались украсть из дома невесты ложку, чтобы невеста принесла с собой в новую семью благо своего дома»⁵⁰.

III

ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО

В коллекции представлена сравнительно многочисленная⁵¹ глиняная утварь⁵², водосточные трубы и светильник из с. Хрхан, кроме того, собирателем были приобретены инструменты гончара.

Группа керамических изделий, изготовленная на гончарном круге, включает 7 предметов для хранения, переноски и употребле-

⁴⁹ Հիւիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. Ս. 165.

⁵⁰ Марутян А. Т. Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XX в.) // Армянская этнография и фольклор: Материалы и исследования. Т. 17. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. С. 135.

⁵¹ Хрупкость керамических сосудов явилась причиной того, что после Второй мировой войны из данной группы были исключены 5 предметов, среди которых были *пити* – сосуд для варки супа и *чирах* – глиняный светильник.

⁵² Согласно архивным документам (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 32), вместе со станком были приобретены также заготовки горшков, которые, однако, не сохранились.

designed for distributing food, others for its consumption. All spoons are shallow, oval, with round handles without any decorative elements. Such spoons were made by the men of the family, and the tools for their production – a knife with a crooked blade – was available in every household: “No great skill of prowess was required for making the required to make a utensil such as a ladle, a spoon or a bowl of a certain depth⁴⁹ with the tool *krtotsi* (lit. “cutter” – L. G.) presented in the collection. Meanwhile, the spoons not only had a functional purpose: their number corresponded to the number of family members, and since it was believed that they also: “represent the “wealth” (*ghsmat, dovlat*) of the house, therefore during a wedding the relatives of the groom tried their best to steal a spoon from the bride’s house so that the bride would bring the blessing of her home to the new family”.⁵⁰

III

POTTERY

The collection includes comparatively numerous⁵¹ potteryware,⁵² the drainpipes and a lamp from Khrkhan village; moreover, the gatherer had purchased pottery tools.

The group of ceramic articles produced on the potter’s wheel includes 7 objects for storage, transportation and usage of liquids differing

⁴⁹ Հիւիցյան Ս. Չանգեգուրի հայերը. Ք. 165.

⁵⁰ Марутян А. Т. Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XX в.) // Армянская этнография и фольклор: Материалы и исследования. Т. 17. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. С. 135.

⁵¹ The fragility of ceramic vessels was the reason that after World War II, 5 items were excluded from this group, among them were the *piti* – a vessel for cooking soup and the *chirakh* – a clay lamp.

⁵² According to archival documents (ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 32), along with the machine tool, blanks of pots were also purchased, which, however, were not preserved.

ния жидкостей, которые различаются между собой в первую очередь размерами и наличием/отсутствием ручек.

К числу высоких сосудов (30–52 см) относятся кувшины с грушевидным или овоидным (III.8) туловом, одной массивной боковой ручкой, с узким длинным (III.7, III.8 – *кула*) и коротким (III. 14 – *кож*) горлом; а также сосуды с овоидным туловом без ручки, высоким винтовым горлом (III.9 – *ошнак*⁵³). В этой же группе представлен наиболее крупный сосуд (III.17 – *бонч-кюпа*)⁵⁴ – высокий, с туловом округло-биконической формы, без горлышка, с небольшими ручками-ушками ниже плечиков. Форма и размер ручек указывают на то, что сосуд предназначен для хранения, а не переноски продуктов. Данный предмет – единственный, имеющий декор в виде орнамента, состоящего из двойных и тройных волнистых линий по плечикам и тулову (проходящих через ручки), что соответствует широко распространенному традиционному способу декорирования керамических сосудов⁵⁵.

Два предмета из коллекции представляют собой низкие (15–25 см) кувшины с массивной боковой ручкой, широким коротким горлом, один – с небольшим носиком (III.6), другой – с ровным краем (III.10 – *парч*).

Согласно А. Марутяну, *куж* (диалектное – *кож*) и *кула* – наиболее распространенные в армянском языке названия кувшинов для во-

mostly by dimensions and by the presence / absence of handles.

Relating to tall vessels (30–52 cm) are jugs with pearlike or egg-shaped (III.8) body, one massive lateral handle, and a narrow long (III.7, III.8 – *koola*) and a short (III. 14 – *koz*) neck; as well as vessels with egg-shaped body with no handle and a tall screwtype neck (III.9 – *oshnakk*⁵³). Presented in the same group is a large vessel (III.17 – *bonch-kyupa*)⁵⁴ – a tall vessel with the body of a rounded iconic form with no neck, with small handles or ears below the shoulders. The shape and sizes of the handles show that the vessel is designed for storing, rather than for carrying foods. The given article is the only one having a décor in the form of an ornament consisting of double and triple wavy lines on the shoulders and body (passing through the handles), which corresponds to the widely spread traditional method of decorating the ceramic vessels.⁵⁵

Two items of the collection are low (15–25 cm) jugs with a massive lateral handle, a wide short neck, one with a small spout (III.6), the other with a smooth edge (III.10 – *parch*).

According to H. Marutyan, *kuzh* (dial. – *koz*) and *koola* are the most popular Armenian names for water jugs.⁵⁶ In turn, considering various

⁵³ При описании сосуда с таким названием С. Лисициан говорит о нем как о кувшине «имеющем более узкое горло, однако в расчете на то, чтобы можно было просунуть внутрь руку. Дно значительно более острое... *ошнак*-и обязательно имеют одну ручку». См: Հիւրցյաւն Ս. Չանգեգորիի հայերը. Ս. 170. Таким образом, предметы, названные С. Лисицианом и К. Кавтарадзе одним термином, существенно отличаются как формой, так и способом использования.

⁵⁴ Данный предмет в архивных документах (АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 32 об) определен в приписке как сосуд для кислого молока, однако, поскольку чернила и почерк в этом дополнении отличаются от оригинала, вероятно, оно было сделано позже регистраторами коллекции, а не собирателем.

⁵⁵ Марутян А. Т. Интерьер армянского народного жилища. С. 128.

⁵³ Describing a vessel with this name, S. Lisitsian defines it as a jug “having a narrower neck, but with the expectation that one could stick one’s hand inside. The bottom is much sharper... the *oshnaks* always have one handle”. See: Հիւրցյաւն Ս. Չանգեգորիի հայերը. Ս. 170. Thus, the objects named by S. Lisitsian and C. Kavtaradze by the same term, differ significantly both in form and in the way of use.

⁵⁴ In the archival documents (ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 32rev.), this object is defined in the postscript as a vessel for sour milk; however, since the ink and handwriting in this addition differ from the original, it was probably made later by the collection’s registrars and not by the collector.

⁵⁵ Марутян А. Т. Интерьер армянского народного жилища. Р. 128.

⁵⁶ Марутян А. Т. Интерьер армянского народного жилища. Р. 128.

ды⁵⁶. В свою очередь, рассматривая различные керамические сосуды и особенности их использования, С. Лисициан указывает, что *кож* – распространенный в локальной традиции высокий кувшин, который ставили на землю с опорой на стену, в случае же ее отсутствия рылась специальная неглубокая ямка, обеспечивающая устойчивость сосуда; *кола* (или *кула*) – это маленький *кож*, который могли поставить на стол, и поэтому он имел большее по диаметру основание. Низкий *парч* часто использовался как мерка для жидкостей – вина, водки, растительного масла⁵⁷.

Два предмета – полифункциональный горшок *кюч* с овоидным туловом (III.12) и горшок для хранения варенья с туловом в форме усеченного конуса (III.13) – относительно высокие (20–27 см) сосуды без ручки, с широким низким горлом, завершающимся венчиком.

К группе керамических предметов относятся также цветочный горшок (III.5) в форме усеченного конуса, вероятно, являвшийся нововведением в ряду гончарных изделий; архаичный по форме светильник (III.11) и трубы для стока воды (III.15, III.16), имеющие локальные аналогии с античных времен⁵⁸.

Следует отметить, что указанные собирателем названия прямой, сужающейся к одному концу трубы – *армунк* (III. 15) (диал. *армык* «локоть»), и согнутой под прямым углом, также сужающимся к одному концу – *цунк* (III.16) (диал. *тюнк* «колени»), обнаруживают лингвистические аналогии с частями тела человека.

О технике изготовления предметов из коллекции можно судить по инструментарию: массивной подложке под гончарный круг со

ceramic vessels and the peculiarities of their use, S. Lisitsian indicates that *kozsh*, a tall jug, is common in the local tradition, and was placed on the ground with a support on the wall, and in the case of its absence, a special shallow hole was dug to ensure the stability of the vessel; *kola* (or *koola*) is a small *kozsh* that could be put on the table, so it had a larger base in diameter. The low *parch* was often used as a measure for the liquids – wine, vodka, vegetable oil.⁵⁷

Two objects – a polyfunctional pot *kyuch* with an eggshaped body (III.12) and a pot for storing jam with a body shaped like a truncated cone (III.13) are relatively tall vessels (20–27 cm) with no handle, with a wide low neck, ending with a rim.

Related to the group of ceramic objects are also a flower pot (III.5) in the form of a truncated cone, probably being a novelty within the pottery products; an archaic-looking lamp (III.11) and drainpipes (III.15, III.16) having local analogies from the antique times.⁵⁸

It is to be noted that the gatherer indicated name of the straight narrowing to the end of the pipe – *armunk* (III. 15) (dial. *armik* – “elbow” and bent to the right angle and also narrowing to one end – *tsunk* (III.16) (dial. *tiunk* “knee”), show linguistic similarities with parts of the human body.

The technique for making the articles from the collection can be surmised by the used tools: a massive support under the potter’s wheel with traces of the track of the wheel (III.1) and the metal heel for it (III.2), as well as a metal spatula

⁵⁶ Марутян А. Т. Интерьер армянского народного жилища. С. 128.

⁵⁷ Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. Ս. 170.

⁵⁸ Գաբրիելյան Ա. Արցախի Տիգրանակերտի անտիկ խեցեղենը (տեխնիկատեխնոլոգիական բնութագիրը, գործառնության-ձևաբանական դասակարգումը, գեղարվեստական հարդարանքը) սեղմագիր. «Հնագիտություն» մասնագիտությամբ պ. գ. թ. գիտ. աստիճանի հայցման ատենախոսության սեղմագիր». Երևան, 2020. Ս. 10.

⁵⁷ Լիսիցյան Ս. Չանգեզուրի հայերը. Ս. 170.

⁵⁸ Գաբրիելյան Ա. Արցախի Տիգրանակերտի անտիկ խեցեղենը (տեխնիկատեխնոլոգիական բնութագիրը, գործառնության-ձևաբանական դասակարգումը, գեղարվեստական հարդարանքը) սեղմագիր. «Հնագիտություն» մասնագիտությամբ պ. գ. թ. գիտ. աստիճանի հայցման ատենախոսության սեղմագիր». Երևան, 2020. Ս. 10.

следами колеи самого круга (III.1) и металлической пяте к ней (III.2), а также металлической лопатке с деревянной рукояткой (III.3) и деревянной, в виде трапеции (III.4), для формовки сосудов. Все керамические предметы слабоощенные. Кроме того, как указывает А. Марутян, «для того, чтобы сохранить воду в кувшинах в холодном состоянии, черепок таких сосудов стараются изготовить более пористым. Тогда вода, содержащаяся в кувшине, может просачиваться через поры и медленно испаряться, чем и вызывается охлаждение содержимого»⁵⁹. Подобная технология актуальна до настоящего времени.

В целом, учитывая количество имеющихся в коллекции предметов и инструментов, гончарное ремесло имело важное значение в локальной традиции, что подтверждается, в частности, тезисом А. Тер-Саркисянц: «В традиционном домашнем хозяйстве у карабахских армян преобладала глиняная посуда. О том, что гончарство в Армянском нагорье и, в частности, в той его части, где расположен Арцах-Карабах, имело глубокие корни, свидетельствуют множество обнаруженных при археологических раскопках на его территории, в том числе на месте древнего города Тигранакерта (I в. до н. э.), великолепных образцов керамики»⁶⁰.

IV

ОРУДИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

В коллекцию входят 7 предметов из с. Кайбали-шен и с. Бердадзор, относящихся к земледелию – сельскохозяйственному занятию, которое являлось одним из основных в традиционной культуре армян.

В разобранном виде были приобретены следующие части сельскохозяйственных орудий: деревянная, с крепежными гвоздями из дерева, колodka к железному лемеху (IV.2), деревянные жерди в виде дуг и клиньев, составля-

⁵⁹ Марутян А. Т. Интерьер армянского народного жилища. С. 128.

⁶⁰ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 601.

with a wooden handle (III.3) and a wooden trapezoid (III.4) for shaping the vessels. All ceramic objects are slightly glossy. Besides, as noted by H. Marutyan, “to keep the water in the jugs cold, when making the vessel, they try to make the shard more porous. Then water in the jug can seep through the pores and evaporate slowly, thus causing the content to cool down.”⁵⁹ Similar technology is relevant to the present day.

As a whole, with regard to the number of articles and tools in the collection, the art of pottery had an important role in local traditions, which is confirmed by A. TerSarkisyants' the thesis: “In the traditional household of the Karabakh Armenians, clay dishes prevailed. The deep roots of pottery in the Armenian Highland, in particular on the territory of Artsakh-Karabakh, are confirmed by the numerous splendid specimen of ceramics,⁶⁰ including those found during archeological excavations on the territory of the ancient city of Tigranakert (I c. B.C.).

IV

AGRICULTURAL TOOLS

The collection includes 7 items from the villages of Kaibali-shen and Berdadzor related to farming – the main agricultural occupation in the traditional culture of the Armenians.

The following parts of disassembled agricultural tools have been acquired: a wooden block with fixing nails belonging to an iron ploughshare, (IV,2), wooden bean poles in the form of arcs and wedges making up the front and the rear yoke

⁵⁹ Марутян А. Т. Интерьер армянского народного жилища. Р. 128.

⁶⁰ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. Р. 601.

ющие переднее (IV.1) и заднее ярмо (IV.3). Можно предположить, что предмет аналогичен типу сохи *veski*, который является общим для историко-этнографических областей Арцах и Сюник⁶¹. Такую соху «использовали для разрыхления поднятого слоя, а также на склонах гор, где пройти с плугом было сложно. Сохой проводились также оросительные канавки; в этих случаях к сохе вместо лемеха привязывались или пучок сучьев, или небольшой брусок с отворотами наподобие крыльев, при помощи которых раздвигалась земля»; обычно соху тянули 1-3 пары волов, быков или буйволов⁶².

Два серпа, один – с широким (IV.5), а другой – с узким, с мелкими зазубринами (IV.4) лезвием, а также наперстки жнеца (IV.6, IV.7) представляют орудия для жатвы, а также приспособления для защиты рук в процессе работы. Ширина лезвия серпа зависела от того, косили им траву (узкое лезвие) или злаки (широкое лезвие). Таким образом, коллекция содержит оба варианта, на одном из которых имеются, вероятно, декоративные косые штрихи, зигзаги (IV.4) и V-образные отметки на спинке лезвия (IV.4, IV.5). Поскольку на серпе с широким лезвием отметки сгруппированы, но расположены беспорядочно и даже выгравированы друг на друге, то, возможно, они являются знаками, обозначающими определенный объем проделанной работы⁶³. Наперстки, на-

(IV.3). It can be supposed that the article is similar to the type of a plough called *veski*, that is common for the historical and ethnographic areas of Artsakh and Syunik.⁶¹ This type of a plough “was used for loosening the raised layer, as well as on the mountain slopes where passing with a plow was difficult. The plow was also used for laying the watering ditches; in those cases attached to the plow instead of the plowshare were either a bunch of branches or a small bar with lapels like wings, to move aside the soil”; commonly the plow was pulled by 13 pairs of oxen, bulls or buffalos.⁶²

Two sickles, one with large (IV.5), the other with narrow blade having small notches (IV.4) as well as thimbles of the reaper (IV.6, IV.7) represent tools for harvesting, as well as for protecting the hands during work. The width of the sickle blade depended on whether it was used for cutting grass (narrow blade) or cereals (wide blade). Thus, the collection includes both variants, one of which has probably decorative or slanted strokes, zigzags (IV.4) and V-shaped markings on the back of the blade (IV.4, IV.5). Since the marks on the wideblade sickle are grouped but randomly arranged and even engraved on top of each other, it is possible that they are marks denoting a certain amount of work done.⁶³ The thimbles put on fingers (except the thumb) were widely spread

⁶¹ Բրդյան Վ. Հ. Հայ ազգագրություն: Համառոտ ուրվագիծ. Երևան, ԵՊՀ հրատ., 1974. С. 39.

⁶² Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 578. В приведенной в указанном издании иллюстрации «Орудия для обработки земли и зерна из Историко-краеведческого музея Степанакерта. Экспедиция 1974 г. Рис. Ю. В. Басова» из архива Института этнологии и антропологии РАН, представлены хомут (а) и часть сохи (г), которым, с большой степенью вероятности, соответствуют детали из собрания К. З. Кавтарадзе. На иллюстрации представлен также серп (в) с изогнутым на конце лезвием, аналогичный одному из предметов (IV.5), хранящемуся в собрании РЭМ.

⁶³ Объем работ исчислялся в *пенджеках* (перс. «пятерня»), как указывает А. Д. Ерицян: «Как уборка хлеба, так и перевозка его, основаны на расчете, единицей которого служит так называемый "пенджек", который равняется однодневной добросовестной работе жнеца и состоит из 30 снопов. Однодневное пахание дает 6 пенджеков или 180 снопов, а казенная десятина – 9 пенджеков или 270 снопов. Следовательно,

⁶¹ Բրդյան Վ. Հ. Հայ ազգագրություն: Համառոտ ուրվագիծ. Երևան, ԵՊՀ հրատ., 1974. P. 39.

⁶² Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. P. 578. In the illustration cited in the mentioned edition “Tools for cultivating land and grain from the Stepanakert Historical Museum of Local Lore. Expedition of 1974. Fig. by Yu. V. Basov” from the archive of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, a collar (a) and a part of a plow (d) are presented, which, most probably correspond to the details from C. Kavtaradze’s collection. The illustration also shows a sickle (c) with a blade curved at the end, similar to one of the objects (IV.5) stored in the RME collection.

⁶³ The amount of work was calculated in the *penjeks* (Pers. “bunch of fives”), as A. Yeritsyan points out: “Both the harvesting of bread and its transportation are based on the calculation, the unit of which is the so-called “penjek”, which is equal to the one-day conscientious work of the reaper and consists of 30 sheaves. One-day plowing yields 6 penjeks or 180 sheaves, and a government tithe yields 9 penjeks or 270 sheaves. Consequently, harvesting bread from 1 tithe requires 9 workers per day, or 9 days for one worker”. Cit. by: Армяне. P. 113.

деваемые на пальцы (кроме большого), были одним из широко распространенных в армянской земледельческой традиции способов предохранения руки от острого лезвия серпа.

Все предметы рассмотренной группы отражают мужские занятия, поскольку, как подчеркивает А. Тер-Саркисянц, «в целом такие трудоемкие земледельческие работы, как пахота, сев, жатва были обязанностью мужчин»⁶⁴.

V

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЕ

В архивном списке предметов, приобретенных собирателем из Шуши, отмечено не только место сбора – «арм[янская] часть», но и имя мастера – Ишхан Галустов⁶⁵, которому принадлежали музыкальные инструменты и все, что было связано с их изготовлением. В группу предметов входят следующие духовые инструменты: *зурна* (V.21, V.22); *дудук*⁶⁶ (V.23–V.26); струнные плекторные музыкальные инструменты *тары*, один – завершённый (V.12), с восьмеркообразным корпусом, длинной шейкой, подпрямоугольным грифом, 6 струнами и 2 приструнками (в соответствии с имеющимся колками), а другой – в заготовках (V.13–V.20⁶⁷), а также рабочие инструменты для их изготовления (V.1–V.11).

Духовые музыкальные инструменты, представленные в коллекции, являются наиболее распространенными в армянской городской и сельской среде и известны с античных времен в основном в ансамблевой исполнительской

уборка хлеба с 1 дес. требует в день 9 рабочих или 9 дней для одного рабочего». Цит. по: Армяне. С. 113.

⁶⁴ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. С. 580.

⁶⁵ АРЭМ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 305. Л. 32об.

⁶⁶ Собирателем использован грузинифицированный вариант термина – *дудуки*.

⁶⁷ Кроме представленных в настоящем каталоге предметов, изначально в собрании имелись также материалы и заготовки для частей *тара* и его декорирования – кусок рога буйвола, деревянные, костяные и роговые пластины, струны, пузырь для корпуса, а также пила для его изготовления, которые до настоящего времени не сохранились.

in the Armenian agricultural traditions of protecting the hand from the sharp blade of the sickle.

All articles of the group reflect male occupations, since, as underscored by A. Ter-Sarkisyan, “as a whole, such labor-intensive agricultural works as plowing, sowing, reaping, were the responsibilities of men.”⁶⁴

V

MUSICAL INSTRUMENTS AND THEIR PRODUCTION

In the archival inventory of articles acquired by the gatherer from Shushi, marked not only the place of collection – “the Armenian part”, but also the name of the master – Ishkhan Galustov,⁶⁵ who owned the musical instruments and everything associated with their production. The group of articles includes the following wind instruments: *zurna* (V.21, V.22); *duduk*⁶⁶ (V.23–V.26); and musical string instruments. One is completed (V.12), with an eight-like body, long neck, rectangular fingerboard, 6 strings and 2 strangles (in keeping with the available chips), while the other in spare parts (V.13–V.20⁶⁷), as well as working instruments for their manufacture (V.1–V.11).

The wind instruments in the collection are most widespread in the Armenian urban and rural environments and are known since the antique times mainly for the ensemble performing techniques.⁶⁸ *Zurna*, besides, had been a ritual instrument that sounded at ecclesiastical festivities,

⁶⁴ Тер-Саркисянц А. Армяне Нагорного Карабаха. P. 580.

⁶⁵ ARME F. 1. Inv. 2. File 305. Sheet 32rev.

⁶⁶ The collector used the Georgianized version of the term – *duduki*.

⁶⁷ In addition to the items presented in this catalogue, initially the collection also contained materials and blanks for parts of the tar and its decorating - a piece of buffalo horn, wooden, bone and horn plates, strings, a bubble for the body, as well as a saw for its manufacturing, which have not been preserved.

⁶⁸ Армяне. P. 431.

технике⁶⁸. *Зурна*, кроме того, была «обрядовым инструментом, который звучал на храмовых праздниках, свадьбах, а также во время больших кутежей на открытом воздухе»⁶⁹.

Струнный музыкальный инструмент *тар*, между тем, имел исключительное значение в локальной традиции, в которой предпочитались плектровые струнные инструменты: «Карабахцы, кажется, полностью находятся во власти [прежде] саза, а ныне – многострунного тара, который практически окончательно вытеснил саз. В доме карабахца всегда рядом с оружием висит саз или тар»⁷⁰.

Инструменты ремесленника и заготовки *тара*, в свою очередь, демонстрируют включение в армянскую локальную традицию именно этого щипкового струнного инструмента. Изготовленные ремесленным способом инструменты разделяются по функциональному признаку и отражают все этапы изготовления изделия – от тесания кузова из цельного куска дерева до сверления отверстий для колков. Наличие разнообразия плоских и круглых напильников (V.5–V.7) указывает, с одной стороны, на техническую тонкость производимой работы, а с другой – на укорененность в культуре данного музыкального инструмента, для изготовления которого у мастера имелся полный набор необходимого инструментария. В подавляющем большинстве инструменты мастера были самодельными, иногда заводского изготовления без уточнения производителя, однако на одном из них (V.5) имеются клейма, указывающие немецкого изготовителя – A. Mannesmana⁷¹ и, вероятно, классификацию предмета – GUSSSTANI; на другой его стороне проставлен номерной знак L.K&S, по видимому, обозначающий марку стали.

weddings, as well as during great outdoor revelry”.⁶⁹

The string musical instrument tar, meanwhile, had exceptional importance in the local tradition, in which plectrum string instruments were preferred: “The people of Karabakh seem to be completely subjected to the saz, and now to the multistring tar, that practically completely ousted the saz. In a home of a Karabakh dweller a saz or a tar is hanging close to the weapons”.⁷⁰

The instruments of a craftsman and the parts of a tar, in turn, show the inclusion in the Armenian local tradition of this plucking string instrument. The handicraft-made instruments are divided along the functional attributes reflecting all stages of their production – from cutting the body of a whole piece of wood to drilling the holes for tuning pegs. The use of a variety of flat and round files (V.5–V.7) shows on the one hand the technical subtlety of the work done, and on the other to the deep-rootedness in the culture of the given musical instrument, for the production of which the master had a complete set of the necessary tools. Mostly, the master’s tools were self-made, often at a factory with no mention of the producer, however on one of them (V.5) there is a hallmark showing the German producer – A. Mannesman,⁷¹ perhaps, classification of the subject – GUSSSTANI, on the other side there is a numerical sign L.K&S, probably indicating the steel grade.

⁶⁸ Армяне. С. 431.

⁶⁹ Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении. С. 247.

⁷⁰ Հիւիցյան Ս. Լեռնային Ղարաբաղի հայերը. С. 77.

⁷¹ Немецкий промышленный комплекс, созданный в 1890 г. братьями Маннесманнами, занимается изготовлением бесшовных труб и металлических инструментов до настоящего времени. URL: <https://ru.frwiki.wiki/wiki/Mannesmann>.

⁶⁹ Лисициан С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении. Р. 247.

⁷⁰ Հիւիցյան Ս. Լեռնային Ղարաբաղի հայերը. Р. 77.

⁷¹ The German industrial complex, founded in 1890 by the Mannesmann brothers, has been manufacturing seamless pipes and metal tools to this day. URL: <https://ru.frwiki.wiki/wiki/Mannesmann>.

*Мастерская музыкальных инструментов
Конец XIX в. Фотограф неизвестен
РЭМ 494-46*

*A workshop of musical instruments
Late 19th c. Unknown photographer
РЭМ 494-46*

VI

КОВРЫ

В коллекцию включены три безворсовых ковра: один – односторонний (VI.1) и два – двухсторонних (VI.2, VI.3) из с. Кайбали-шен, отличающиеся техникой ткачества и организацией композиции.

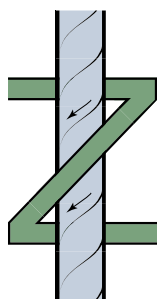

Схема 1. Спряденная нить Z-направления

Diagram 1. Z – Spun tread

Первый ковер (VI.1) шит из двух одинаковых по ширине полотнищ (обметочный шов – шерстяная нить синего цвета), сотканных из шерстяных нитей черно-коричневого цвета (S2Z) в технике полотняного переплетения (количество нитей в 10 см: основы – 80; утка – 45). Орнамент выполнен шерстяными нитями (S3Z), окрашенными натуральными красителями красного, желтого (выцвел до бело-желтого), синего (2 оттенка) и белого цветов.

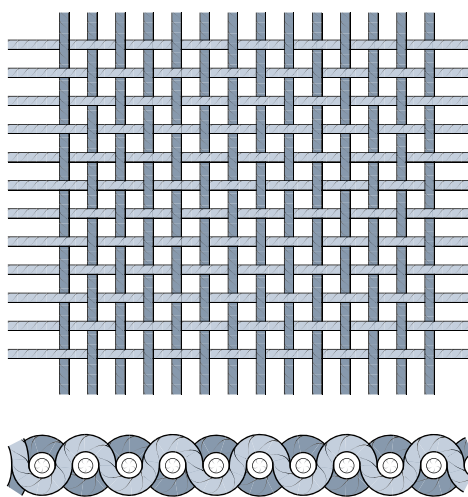

Схема 3. Полотняное переплетение, срез полотняного переплетения (VI. 1)

Diagram 3. Plain weave, plain weave's cut (VI.1)

Для создания основных элементов использована техника настила: узоробразующая

VI

CARPETS

The collection includes three pileless carpets: one single-sided (VI.1) and two double-sided (VI.2, VI.3) from Kaibalishen village distinguishable by the technique of weaving and organizing the composition.

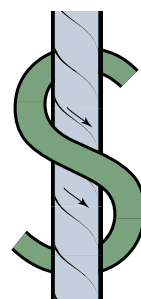

Схема 2. Спряденная нить S-направления

Diagram 2. S – Spun tread

The first carpet (VI.1) is sewn of two pieces of cloth of equal width (overcasting seam – blue woolen thread), woven from woolen thread of black and brown (S2Z) in the technique of linen braiding (the number of threads in 10 cm: stroma 80; weft 45). The ornament is made of a woolen thread (S3Z), dyed with natural dyes – red, yellow (faded to white yellow), blue (2 shades), and white.

To create the main elements, a planking technique was used: a pattern-forming thread on the

нить на лицевой стороне проложена согласно предполагаемому рисунку, выведена на изнаночную сторону и протянута под нитями основы до следующего орнаментального элемента.

face side is laid according to the intended pattern, taken to the back side and drawn under the threads to the next ornamental element.

Фрагменты ковра (лицевая и изнаночная стороны). Декоративный прием «настилы» (VI. 1)

Carpet's fragments (face and back). 'Planking' ornamental method (VI. 1)

Для создания горизонтальных линий использованы следующие техники: 1. Сумах⁷²: между прокидками каркасного утка узоробразующая нить перекрывает 6–9 нитей основы с лицевой стороны и 3–5 нитей с изнаночной, смещаясь по горизонтали. 2. Перевивка (twine): между прокидками каркасного утка две узоробразующие нити контрастных цветов, чередуясь, перекрывают 3–5 нитей основы (неравномерный шаг) с лицевой и изнаночной сторон одновременно.

Creating the horizontal lines prompted the use of the following techniques: 1. Sumakh⁷²: between passes of the weft frame, the pattern forming thread overlaps 6–9 warp strings from the face side and 3–5 strings from the back side, shifting horizontally. 2. Twine: between the weft frame passes, two pattern-forming threads of contrasting colors alternately cover 3-5 warp strings (irregular step) from the face and back sides at the same time.

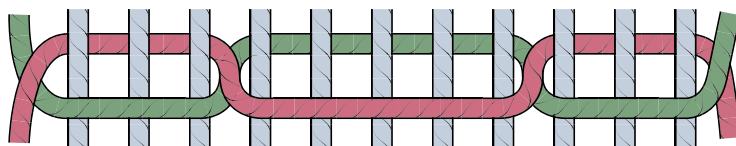

Схема 4. Декоративный прием «перевивка» с неравномерным шагом (в 3–5 нитей основы) (VI. 1)

Diagram 4. 'Twine' ornamental method with irregular step (3–5 warp strings) (VI. 1)

Для создания вертикальных элементов применяется: 1. Одинарная обкрутка: между каждой прокидкой каркасного утка узоробразующая нить перекрывает за один шаг 3–5 нитей основы с лицевой и столько же с изнаночной стороны. 2. Двойная симметричная

To create the vertical elements, the following is used: 1. Single wrap: between each passing of the weft frame, the pattern-forming thread covers in one step 3-5 warp strings from the front and the same number on the back. 2. Double symmetrical winding: between each passing of the weft frame, the pattern-forming weft covers the same number

⁷² Использован термин, предложенный в работе Филиппа Бамборуга. См.: Bamborough Ph. *Alte Teppiche aus dem Orient*. Gewerbemuseum. Basel. Graz: Verlag für Sammler, 1980. P. 18.

⁷² The term proposed by Philip Bamborough is used. See: Bamborough Ph. *Alte Teppiche aus dem Orient*. Gewerbemuseum. Basel. Graz: Verlag für Sammler, 1980. P. 18.

обкрутка: между каждой прокидкой каркасного утка узоробразующая нить перекрывает одинаковое количество нитей с лицевой и изнаночной сторон в два шага по 3–5 нитей основы (3-3/4-4/5-5: всего 6–10).

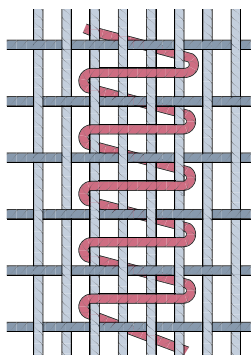

Схема 5. Декоративный прием вертикальная «обкрутка» (представлен пример на 4 нитях основы) (VI. 1)

Diagram 5. Vertical 'wrap' ornamental method (here, a 4 warp strings example is presented) (VI. 1)

Для создания наклонных элементов применяется диагональная обкрутка: между каждой прокидкой каркасного утка узоробразующая нить перекрывает с лицевой стороны 3, а с изнаночной 2 нити основы, смещаясь в заданном направлении на одну нить основы после каждой прокидки каркасного утка.

of threads on the face and back sides in two steps 3–5 threads of the weft (3-3/4-4/5-5: in all 6–10).

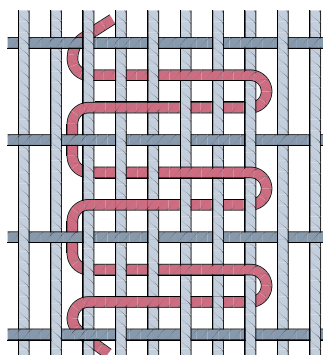

Схема 6. Декоративный прием двойная симметричная «обкрутка» (представлен пример с шагом в 3 нити основы) (VI. 1)

Diagram 6. Double symmetrical 'Wrap' ornamental method (here, a 3 warp strings step is presented) (VI. 1)

To create inclined elements, diagonal wrapping is used: between each passing of the weft frame, the pattern-forming thread overlaps 3 warp threads on the front side, and 2 on the wrong side, shifting in a given direction by one warp thread after each passing of the weft frame.

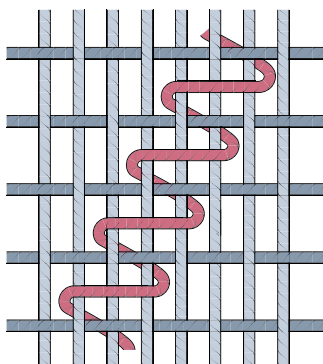

Схема 7. Декоративный прием диагональная «обкрутка» с шагом 3:2 нити основы (VI. 1)

Diagram 7. Diagonal 'wrap' ornamental method with a 3:2 step warp strings (VI. 1)

Следует отметить, что при большом многообразии использованных ковровщицей техник в исполнении обкрутки не всегда сохраняется равное количество нитей основы, а при выполнении перевивки и сумаха – равномерный шаг и четкая ритмическая схема.

It should be noted that with a large variety of techniques used by the carpet weaver the wrapping does not always preserve an equal amount of warp strings, while when twining and using sumakh technique we notice a regular step and a distinct rhythmic diagram.

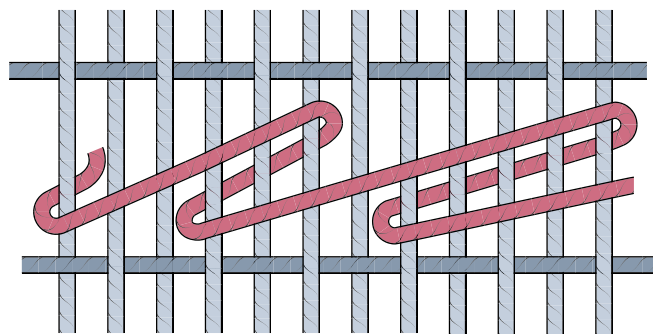

Схема 8. Декоративный прием «сумах» с неравномерным шагом 6-9:3-5 (VI. 1)

Diagram 8. 'Sumack' ornamental method with 6-9:3-5 irregular step (VI. 1)

Заделка боковых кромок выполнена простым поворотом утка; заделка торцевых кромок: 1-й торец: 1-е полотнище: петельчатая бахрома из нитей основы (дл. 2 см); 2-е полотнище: торцевая кромка подвернута на изнаночную сторону и подшита на руках; 2-й торец: 1 полотнище: торцевая кромка подвернута на изнаночную сторону и подшита на руках; 2-е полотнище: петельчатая бахрома из нитей основы (дл. 2 см).

Еще два ковра (VI.2, VI.3) выполнены в технике полотняного переплетения с реповым (уточным) эффектом (количество нитей в 10 см: основы – 35; утка – 96 (VI.2); основы – 46, утка – 125 (VI.3), со сложным соединением утков: ткачество с просветами (так называемый «килим с зазором»⁷³). Нить основы шерстяная, светло-серо-коричневого цвета, в одном ковре (VI.3) крутка 1Z, в другом (VI.2) – S2Z. Уточная нить из шерсти, крутка S2Z, красители комбинированные (натуральные и искусственные), в одном ковре (VI.2) – красный (2 оттенка), малиновый, розово-оранжевый (два оттенка), желто-коричневый, синий (2 оттенка, один выцвел до серо-голубого), белый (естественный), черно-коричневый; в другом (VI.3) – красный (2 оттенка), желтый, зеленый, синий, белый (естественный), светло-коричневый, черно-коричневый. В одном из ковров (VI.2), кроме основной узоробразующей техники, представлена дополнительная: перевивка (twine) с равномерным шагом в 3 нити основы.

The sealing of lateral edges is done by a simple turn of the weft: the sealing of end edges: 1st end: 1st cloth: the looped fringe of warp strings (length 2 cm); 2nd cloth: the end edge is turned to the back and sewn up by hand; 2nd end: 1st cloth: the end cloth is turned to the back and sewn up by hand; 2nd cloth: the looped fringe from the warp string (length 2 cm).

Two more carpets (VI.2, VI.3) are made in the technique of plain weave with a rep (weft) effect (number of threads per 10 cm: warps – 35; weft – 96 (VI.2); warps – 46, weft – 125 (VI.3), with a complex connection of wefts: weaving with slits (the so-called "kilim slitweave"). The warp string is wooly, light brown. In one of the carpets (VI.3) the weaving is 1Z, in the other (VI.2) – S2Z. The weft string is woolen, the weaving is S2Z. The dyes are combined (natural and artificial). In one of the carpets (VI.2) red (2 shades), pink-orange (two shades), yellow-brown, blue (2 shades, one faded to grey-blue), white (natural), black-brown dyes are used. In the other carpet (VI.3) red (2 shades), yellow, green, blue, white (natural), light brown, black-brown dyes are used. In one of the carpets (VI.2) beside the basic pattern forming technique, there is an additional twine with regular step on 3 warp strings.

⁷³ Царева Е.Г. Килим // БРЭ: URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2063577>

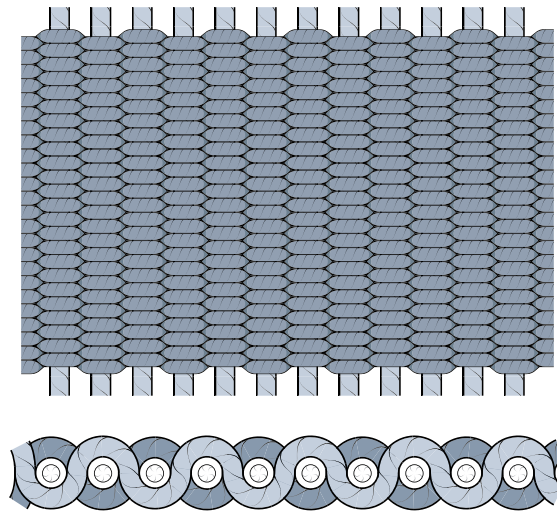

Схема 9. Плотняное переплетение с реповым (уточным) эффектом, срез плотняного переплетения с реповым (уточным) эффектом (VI. 2, VI. 3)

Diagram 9. Plain weave with repp (weft) effect, cut of plain weave with repp (weft) effect (VI. 2, VI. 3)

В рассмотренных предметах несложные технические задачи выполнены ковровщицей весьма тщательно.

In the considered items, simple technical tasks were performed by the carpet weaver quite thoroughly.

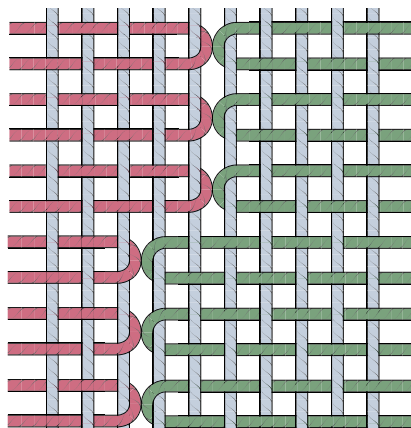

Схема 10. Прием раздельного ткачества цветных утков («килим с зазором») (VI. 2, VI. 3)

Diagram 10. Separate weft weaving method ('kilim with gaps') (VI. 2, VI. 3)

Заделка боковых кромок первого ковра (VI.2) выполнена простым поворотом утка; торцевых кромок: нити основы пучками переплетены между собой (шир. полосы: 1-й торец – 2,5-3 см; 2-й торец – 2, см) и свиты жгутами по 4 нити основы (дл. бахромы: 1-й торец – 12-16 см; 2-й торец: 5-7 см). Заделка боковых кромок второго ковра (VI.3) – с дополнительной обкруткой уточной нитью 4 нитей основы; торцевых кромок: 1-й торец: петельчатая бахрома из нитей основы, свитая в жгуты (дл. 2 см); 2-й торец: нити основы пе-

The sealing of lateral edges of the first carpet (VI.2) is done by a simple turn of the weft. the warp strings are intertwined in bunches (width of band: 1st end – 2,5-3 cm; 2nd end – 2, cm) and twisted in braids per 4 warp strings (length of fringe: 1st end – 12-16 cm; 2nd end: 57 cm). Tucking the lateral edges of the second carpet (VI.3) – with additional winding with a weft thread 4 warp strings; end edges: 1st end: looped fringe of warp strings, twisted in braids (2 cm long); 2nd end: warp strings are intertwined in bunches forming a strip (2,5 cm wide), the warp strings are inter-

реплетены между собой пучками, образуя полосу (шир. 2,5 см), нити основы переплетены косичкой из 7 прядей (дл. 20–24 см).

Один из ковров (VI.1) имеет в целом закрытую (рамочную), а два (VI.2, VI.3) – открытую композицию, при этом поле всех трех ковров покрыто геометрическим орнаментом, композиционно организованным в поперечные широкие и узкие полосы.

Основной орнаментальный мотив первого ковра (VI.1) представляет собой широкие, чередующиеся полосы на черном фоне с раппортом из полихромных восьмиугольных фигур с включенным в них равноконечным прямым крестом (средокрестие выделено ромбом), с мелкими S-образными и сдвоенными X-образными фигурами – на одной полосе, а на второй – из шестиугольных фигур, в центре которых – ромб с контуром, имеющим продленные стороны и дополнительные параллельные риски между ними. Между основными орнаментальными элементами расположена ромбическая решетка контрастного цвета, заполняющая пространство между ними.

Широкие полосы разделяются узкой полосой из сдвоенных X-образных фигур, обрамленных линией в виде шнура из двух контрастных цветов (перевивка/twine). В свою очередь S-образные фигуры повторяются в узкой полосе между центральным полем и каймой на верхнем торце, а на нижнем их заменяют геометризованные цветки.

Рамочный бордюр ковра включает внутреннюю узкую монохромную кайму в виде ромбической решетки по торцевой стороне и цепочки из линий с ромбами по боковым; а также внешнюю широкую, заполненную геометризованными цветками, выполненными полихромно. Боковые стороны бордюра акцентированы дополнительной каймой из цепочки ромбов, соединенных отрезками, которая окантована полосой, состоящей из сегментов контрастных цветов, расположенных в шахматном порядке. Каждая кайма бордюра имеет пограничную тонкую одинарную или двойную красную, белую или желтую линию.

twined with a braid of 7 strands (20–24 cm length).

One of the carpets (VI.1) has an overall closed (framed) composition, and two (VI.2, VI.3) have an open composition, while all three carpets are covered with geometric ornaments, compositionally organized into transverse wide and narrow stripes.

The main ornamental motif of the first carpet (VI.1) is wide, alternating strips on the black background with a rapport of polychromatic octagonal figures with an equilateral straight cross included in them (the middle cross is highlighted by a rhombus). There are also small S-shaped and double X-shaped figures on one of the strips, and hexagonal figures on the second, in the center of which there is a rhombus with a contour having extended sides and additional parallel risks between them. Between the main ornamental elements there is a rhombic lattice of a contrasting color that fills the space between them.

The wide stripes are separated by a narrow strip of double X-shaped figures, framed by a line in the form of a cord of two contrasting colors (twine). In turn, S-shaped figures are repeated in a narrow strip between the central field and the border on the upper end. On the lower end they are replaced by geometrized flowers.

The frame border of the carpet includes an inner narrow monochrome border in the form of a rhombic lattice at the end and a chain of lines with rhombuses on the side, as well as the outer side, which is wide, filled with geometric flowers and made in polychrome. The sides of the border are accentuated by an additional border of a chain of rhombuses connected by sections, which is edged with a strip consisting of segments of contrasting colors arranged in a checkerboard pattern. Each border features a thin, single or double red, white or yellow line.

Орнаментальная композиция второго ковра (VI.2) – открытая, с чередующимися поперечными широкими (фон: красный, синий, желтый) и узкими полосами. Раппорт широкой полосы – правильный шестиугольник, в котором расположена такая же фигура с ромбом в центре; от углов внутреннего шестиугольника отходят 8 треугольных элементов; каждая фигура контрастирует по цвету с последующей. Узкая полоса состоит из ряда последовательных треугольников белого и черного цветов со ступенчатыми сторонами (эффект смены фигур). Между широкой и узкой полосами расположены тонкие тройные линии, в свою очередь разделенные линией в виде шнура (перевивка/twine) из двух контрастных цветов (на крайних торцевых кромках пограничные полосы упрощены и состоят из 1-2 линий).

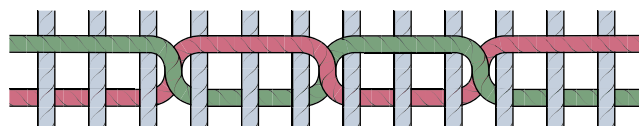

Схема 11. Декоративный прием «перевивка» с равномерным шагом в 3 нити основы (VI. 2)

Diagram 11. 'Twine' ornamental method, regular step with 3 warp strings (VI. 2)

Орнаментальная композиция третьего ковра (VI.3) – открытая, разделенная на чередующиеся поперечные широкие полосы с пограничными узкими. Раппорт широких полос состоит в одном случае из ступенчатых шестиугольных фигур (на черном или красном фоне) с крестом в центре, а в другом – из цепочки смыкающихся вершинами наклонных параллелограммов со ступенчатыми сторонами черного цвета (общий фон – белый). Узкие разделительные полосы состоят из ряда парных прямоугольников, сдвинутых относительно друг друга на половину длины красного и зеленого или красного и черного цветов (эффект смены фигур).

В целом предметы этой группы демонстрируют наиболее распространенные в данной локальной традиции типы безворсовых ковров, которые ткались для собственного использования. На то, что ковры не предназначались для продажи указывают популярные в данной среде орнаментальные мотивы двух из них (VI.2, VI.3) и некоторая небрежность исполнения одного (VI.1). При этом последний из рас-

The ornamental composition of the second carpet (VI.2) is open, with alternating transverse wide (background: red, blue, yellow) and narrow stripes. The rapport of a wide band is a regular hexagon, in which the same figure with a rhombus in the center is located; 8 triangular elements depart from the corners of the inner hexagon; each figure contrasts in color with the next. The narrow stripe consists of a series of successive white and black triangles with stepped sides (shape changing effect). Between the wide and narrow stripes there are thin triple lines, in turn separated by a line in the form of a cord (twine) of two contrasting colors (on the extreme end edges, the border stripes are simplified and consist of 12 lines).

The ornamental composition of the third carpet (VI.3) is open, divided into alternating transverse wide stripes with narrow border ones. In the first case case, the rapport of wide stripes consists, of stepped hexagonal figures (against a black or red background) with a cross in the center, and of a chain of oblique parallelograms interlocking at the tops with stepped black sides (the common background is white) in the other case. Narrow dividing strips consist of a series of paired rectangles moved in relation to each other by half the length of red and green or red and black colors (shape changing effect).

As a whole, the objects of this group demonstrate the most widespread types of pileless carpets woven for private use in the given local tradition. The non-commercial design of the carpets is indicated by the ornamental motifs on two of them (VI.2, VI.3) and some negligence in the production of one of them (VI.1). At the same time, the last of the carpets in question reflects the carpet weaver's breadth of knowledge of differ-

смотренных ковров отражает широту знаний мастерицей различных технических приемов безворсового ковроткачества, ее эстетический взгляд и творческую неординарность. Все три ковра являются повседневными, однако они являются раритетами в музейных коллекциях, поскольку в отличие от престижных, в частности, ворсовых экземпляров, не становились предметами специального ухода и поэтому сохранились в единичных экземплярах.

Рассмотренная коллекция, собранная К. З. Кавтарадзе, является уникальным и многоплановым источником, прежде всего благодаря научной концепции ее комплектования. Теоретическое обоснование комплексного подхода, используемого для сбора этнографического материала, разрабатывалось в стенах музея с первых лет его существования и явилось базовым в экспедиционной собирательской работе. Данный метод требовал от экспедиционера широкого охвата предметного ряда, раскрывающего по возможности различные сферы традиционной культуры. Равным образом архивные материалы, дополняя вещевые, расширяют значение коллекций как этнографического источника.

Документированные и аннотированные собирателем памятники армянской культуры позволяют не только судить об общих чертах, характерных для данной традиции (тип хозяйства, виды ремесел, торговые связи, крой костюма, предпочтения в видах ткани и др.), но и выявить ряд свойственных ей локальных, не столь явных особенностей, таких, например, как: минимизация вышитого декора в костюме при доминировании металлических нитей с небольшими вкраплениями шелковых деталей; широкое использование орнитоморфного орнамента, в частности в вышивке; распространение витых двухцветных шнуров, представленных как в коврах, так и в обуви, а также в мелком рукоделии. Проведенный обзор всего корпуса памятников предоставляет возможность выявить ряд неявных, но повторяющихся штрихов, которые можно охарактеризовать как локальные признаки культуры, позволяющие использовать их в качестве критериев для анализа армянской традиционной культуры в целом.

ent techniques of the pileless carpet weaving, her aesthetic position and creative originality. All three carpets are everyday items. However, they are rarities in the museum collections since, unlike the prestigious, particularly the piled specimens, they had not become subject to special care and therefore were preserved in a single quantity.

The collection under scrutiny, gathered by C. Z. Kavtaradze, is a unique and multifaceted source primarily due to the scholarly concept of its acquisition. The theoretical substantiation of the complex approach to the ethnographic material had been elaborated within the walls of the museum since the first years of its existence and was fundamental in the expedition and gathering practice. This method demanded the expeditioner to embrace the wide range of subjects, possibly opening different spheres of traditional culture. In the same way, the archival material, added to the material artifacts, expand the significance of the collections as an ethnographic source.

The artifacts of Armenian culture documented and annotated by the gatherer enable judgements to be made not only about the general features of a given tradition (type of husbandry, types of handicrafts, trade communications, cutting of costumes, preferences in the choice of fabric, etc), but also to reveal a number of local, not too apparent features, like: minimization of the embroidered decor in the costume with dominating metal threads and small impregnations of silk details; a wide usage of ornitomorphic ornament, in embroidery in particular; spreading of twisted double-coloured cords, presented both in carpets and in footwear, as well in petty needle work. The conducted review of the whole mass of artifacts provides an opportunity to identify a number of implicit but recurring features that can be characterized as local cultural features, allowing them to be used as criteria for analyzing the Armenian traditional culture as a whole. Armenian traditional culture in its entirety.

I

КОСТЮМНЫЕ КОМПЛЕКСЫ И ПРЕДМЕТЫ КОСТЮМА

COSTUME COMPLEXES AND ITEMS OF COSTUME

*Женский костюм
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.*

*Women's costume
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.*

1.1 Рубаха
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

1.1 Shirt
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th c.

1.2 Шаровары
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.2 Bloomers
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.3 Архалук
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

1.3 Arkhaluk
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th c.

1.3 Архалук (ракурс)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

1.3 Arkhaluk (different angle)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th c.

1.4 Платье
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

1.4 Dress
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th c.

1.4 Платье (ракурс)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

1.4 Dress (different angle)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th c.

1.5 Нагрудник
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

1.5 Breastpiece
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th c.

1.6 Пояс
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

1.6 Belt
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th c.

1.6 Пояс (фрагмент)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

1.6 Belt (a fragment)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th c.

1.7 Головной убор: обод, завязка,
треугольный платок, квадратный платок
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.7 Headdress: rim, lace, triangular kerchief, square kerchief
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.8 Наушники
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Середина XIX в.

1.8 Earflaps
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Mid-19th c.

1.8 Наушники (фрагмент)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Середина XIX в.

1.8 Earflaps (a fragment)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Mid-19th c.

1.9 Налобник
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Середина XIX в.

1.9 Headband
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Mid-19th c.

1.9 Налобник (фрагмент)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Середина XIX в.

1.9 Headband (a fragment)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Mid-19th c.

I.10 Головное покрывало
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

I.10 Head-cover
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.11 Застежка к головному убору
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.11 Headdress clasp
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.11 Застежка к головному убору (фрагмент)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.11 Headdress clasp (a fragment)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

I.12 Носки

Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

I.12 Socks

Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

I.13 Подвязки

Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

I.13 Garters

Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

I.14 Обувь

Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

I.14 Shoes

Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

*Женский костюм
Елисаветпольская губ.,
с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.*

*Women's costume
Elizavetpol Gov.,
Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.*

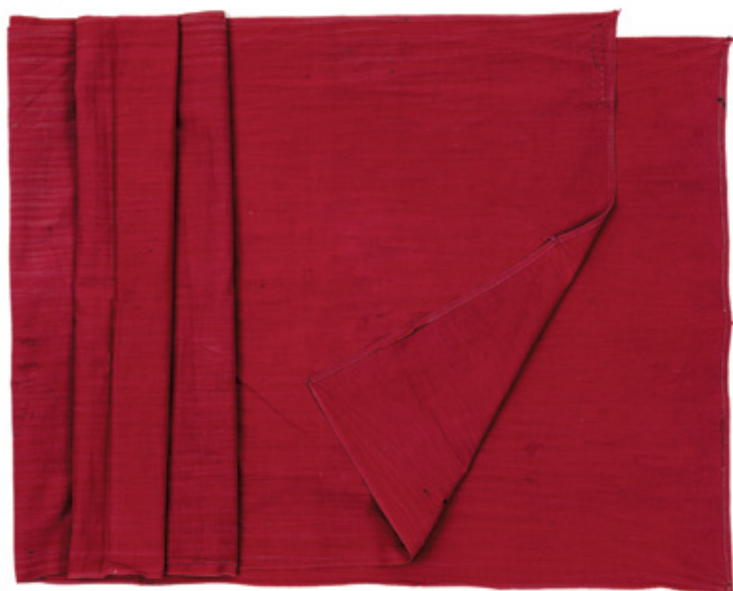
I.15 Рубаха
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

I.15 Shirt
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

I.16 Архалук
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

I.16 Arkhaluk
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

I.17 Кушак
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

I.17 Sash belt
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

I.18 Нагрудное украшение
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Середина XIX в.

I.18 Breast pendant
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Mid-19th c.

I.19 Головной платок (часть)
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

I.20 Наушники
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Последняя четверть XIX в.

I.19 Kerchief (parts)
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

I.20 Earflaps
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Last quarter of the 19th c.

I.21 Налобник
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Вторая половина XIX в.

I.21 Headband
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Second half of the 19th c.

I.21 Налобник (ракурс)
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Вторая половина XIX в.

I.21 Headband (different angle)
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Second half of the 19th c.

1.22 Зацепка-крючок к головному убору
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Вторая половина XIX в.

1.22 Headdress hook-clasp
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Second half of the 19th c.

*Женский костюм
Елисаветпольская губ.,
с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.*

*Women's costume
Elizavetpol Gov.,
Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.*

I.23 Рубаха
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

I.23 Shirt
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

I.24 Архалук
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

I.24 Arkhaluk
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

I.25 Кушак
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

I.25 Sash belt
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

Головной убор:

I.26 Головное покрывало

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен. Конец XIX–начало XX в.

I.27 Обод, платок

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен. Конец XIX–начало XX в.

I. 28 Налобник

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен. Середина XIX в.

I.29 Наушники

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен. Конец XIX–начало XX в.

Headdress:

I.26 Head-cover

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village. Late 19th–early 20th c.

I.27 Rim scarf, kerchief

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village. Late 19th–early 20th c.

I. 28 Headband

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village. Mid-19th c.

I.29 Earflaps

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village. Late 19th–early 20th c.

I.27 Платок (фрагмент)
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

I.27 Rim scarf, kerchief (a fragment)
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.28 Налобник
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Середина XIX в.

1.28 Headband
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Mid-19th c.

1.29 Наушники
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.29 Earflaps
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.30 Застежка к головному убору
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.30 Headdress clasp
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.30 Застежка к головному убору (фрагмент)
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.30 Headdress clasp (a fragment)
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

I.31 *Нагрудное украшение*
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Середина XIX в.

I.31 *Breast pendant*
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Mid 19th c.

1.32 Носки
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.32 Socks
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.33 Обувь
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.33 Shoes
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

*Мужской костюм
Елизаветпольская губ.,
с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.*

*Men's costume
Elizavetpol Gov.,
Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.*

1.34 *Рубаха*
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.34 *Shirt*
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.35 *Шаровары*
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.35 *Wide trousers*
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.36 Архалук
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.36 Arkhaluk
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.37 Пояс
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Вторая половина XIX в.

1.37 Belt
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Second half of the 19th c.

1.38 *Кафтан*
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.38 *Caftan*
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.39 *Папаха*
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.39 *Papakha*
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.40 Носки
Елисаветпольская губ.,
с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.40 Socks
Elizavetpol Gov.,
Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.41 Обувь
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.41 Shoes
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

1.42 Посох
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

1.42 Staff
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

*Мужской костюм
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.*

*Men's costume
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.*

I.43 Рубаха
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

I.43 Shirt
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

I.44 Шаровары
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

I.44 Wide trousers
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

1.45 Архалук
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

1.45 Arkhaluk
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

1.46 Кафтан
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

1.46 Caftan
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

1.46 Кафтан (ракурс)
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

1.46 Caftan (different angle)
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

И.46 Кафтан (фрагмент)
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

I.46 Caftan (fragment)
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

1.47 Пояс
Тифлисская губ., г. Тифлис
XIX в.

1.47 Belt
Tiflis Gov., the city of Tiflis
19th c.

1.47 Пояс (фрагмент)
Тифлисская губ., г. Тифлис
XIX в.

1.47 Belt (fragment)
Tiflis Gov., the city of Tiflis
19th c.

1.48 Папаха
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX – начало XX в.

1.48 Papakha
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th – early 20th c.

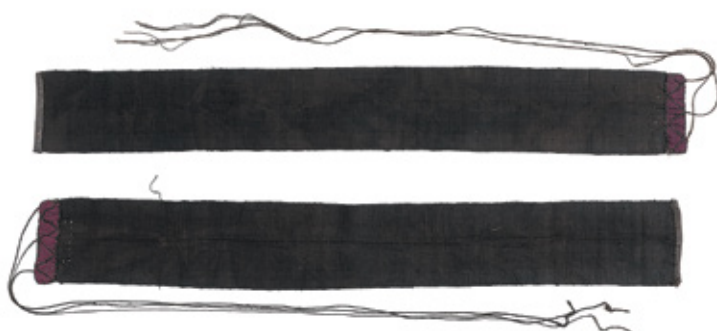
1.49 Носки
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

1.49 Socks
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

1.50 Обувь
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

1.50 Shoes
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

1.51 Подвязки
Тифлисская губ., г. Тифлис
Конец XIX–начало XX в.

1.51 Garters
Tiflis Gov., the city of Tiflis
Late 19th–early 20th c.

1.52 Налобник
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.52 Headband
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.53 Нагрудник к женскому костюму
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.53 Breastpiece for women's costume
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.54 Украшения на одежду
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Вторая половина XIX в.

1.54 Jewelry for clothes
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Second half of the 19th c.

I.55, I.56 Подвески к рукаву женского архалука
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.

I.55, I.56 Sleeve pendants for women's arkheluk
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

I.57 Подвески к рукаву женского архалука
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

I.57 Sleeve pendants for women's arkheluk
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.58 Подвеска
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.58 Pendant
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.59 Подвеска
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Последняя треть XIX в.

1.59 Pendant
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Last quarter of the 19th c.

1.60 Кисет
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.60 Tobacco pouch
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.60 Кисет (ракурс)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.60 Tobacco pouch (different angle)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.61 Женская обувь (фрагмент)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.61 Women's shoes (fragment)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.61 Женская обувь
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.61 Women's shoes
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.62 Мужская обувь
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.62 Men's shoes
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.63 Наушники к женскому головному убору
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.63 Earflaps for women's headdress
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.63 Наушники к женскому головному убору
(фрагмент)
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.63 Earflaps for women's headdress (fragment)
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

1.64 Бусы для наушников женского головного убора
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

1.64 Beads for women's headdress earflaps
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

II

ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ И ДЕРЕВООБРАБОТКА

WOODEN UTENSILS AND WOODWORKING

II.1-II.4, II.5 Деревянные ложки,
инструмент для выравнивания ложек
Елисаветпольская губ., с. Бердадзор
Конец XIX-начало XX в.

II.1-II.4, II.5 Wooden spoons,
spoon smoothing tool
Elizavetpol Gov., Berdadzor village
Late 19th-early 20th c.

III

ГОНЧАРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И ГОНЧАРНОЕ ДЕЛО

POTTERY

III.1, III.2 Станок гончарный (часть), пята железная к станку
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.1, III.2 Potter's wheel (part), heel for the potter's wheel
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.3, III.4 Инструменты для изготовления гончарных изделий:
лопаточки для формовки горшка
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.3, III.4 Tools for pottery making: spattles for smoothing out the pot
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.5 Горшок для цветов
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.5 Flower pot
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.6 Кувшин для воды
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.6 Water jug
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.7 Кувшин для воды
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.7 Water jug
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.8 Кувшин для воды
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.8 Water jug
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.9 Кувшин для воды
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.9 Water jug
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.10 Кувшин для воды
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.10 Water jug
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.11 Свотильник
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.11 Lamp
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.12 Горшок
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.12 Pot
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.13 Горшок для варенья
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.13 Jam pot
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.14 *Сосуд*
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.14 *Container*
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.15, III.16 *Водосточные трубы*
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.15, III.16 *Rainwater pipes*
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

III.17 *Сосуд*
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.

III.17 *Container*
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.

IV

ОРУДИЯ
ЗЕМЛЕДЕЛИЯ

AGRICULTURAL TOOLS

IV.1–IV.3 Переднее ярмо, колодка для лемеха, заднее ярмо
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен. Конец XIX–начало XX в.

IV.1–IV.3 Front yoke (parts), plowshare block, back yoke (parts)
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village. Late 19th–early 20th c.

IV.4, IV.5 Серпы
Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен. Конец XIX–начало XX в.

IV.6, IV.7 Наперстки для жатвы
Елисаветпольская губ., с. Бердадзор. Конец XIX–начало XX в.

IV.4, IV.5 Sickles
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village. Late 19th–early 20th c.

IV.6, IV.7 Harvest thimbles
Elizavetpol Gov., Berdadzor village. Late 19th–early 20th c.

V

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ИХ ИЗГОТОВЛЕНИЕ

MUSICAL INSTRUMENTS AND THEIR PRODUCTION

V.1-V.3 Инструменты для тесания
и выскабливания кузова музыкального инструмента
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.

V.1-V.3 Cleavers for hewing and a tool for scraping the body of a musical instrument
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.

V.4-V.7 Инструменты: долото, напильники
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX-начало XX в.

V.4-V.7 Tools: chisel and files for making
musical instruments
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th-early 20th c.

V.8-V.11 Инструменты для изготовления музыкальных инструментов:
лучок для сверления, дрель, инструменты для сверления лучком
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX-начало XX в.

V.8-V.11 Tools for crafting musical instruments:
Bow drill, drill, bow drill tools
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th-early 20th c.

V.12 Струнный музыкальный
инструмент тар
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Начало XX в.

V.12 String musical instrument tar
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Early 20th c.

V.13–V.20 Струнный музыкальный инструмент тар в процессе изготовления: корпус, заготовка шейки, головка грифа, колки, подставка под струны, струны
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Начало XX в.

V.13–V.20 Workpiece of the tar string instrument's body, neck, head, pins, stringbridge with a fastening string, prima string, secunda strings
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Early 20th c.

V.21, V.22 *Духовые музыкальные инструменты*
зурна
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Начало XX в.

V.21, V.22 *Woodwind instruments zurna*
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Early 20th c.

V.23–V.26 Духовые музыкальные инструменты дудук
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Начало XX в.

V.23–V.26 *Woodwind instruments duduk*
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Early 20th c.

VI
КОБРЫ
CARPETS

VI.1 Безворсовый односторонний ковер
Елисаветпольская губ., с. Каибали-шен
Конец XIX в.

VI.1 Pileless single-sided carpet
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th c.

VI.1 Безворсовый односторонний
ковер (фрагменты)
Елисаветпольская губ,
с. Кайбали-шен
Конец XIX в.

VI.1 Pileless single-sided
carpet (fragment)
Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
Late 19th c.

VI.2 Безворсовый
двусторонний ковер
Елисаветпольская губ.,
с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

VI.2 Pileless double-sided
carpet
Elizavetpol Gov.,
Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

VI.2 Безворсовый
двусторонний ковер
(фрагмент)
Елисаветпольская губ.,
с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

VI.2 Pileless double-sided
carpet (fragment)
Elizavetpol Gov.,
Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

VI.3 Безворсовый
двусторонний ковер
Елисаветпольская губ.,
с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

VI.3 Pileless double-sided
carpet
Elizavetpol Gov.,
Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

VI.3 Безворсовый
двусторонний ковер
(фрагмент)
Елисаветпольская губ.,
с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

VI.3 Pileless double-sided
carpet (fragment)
Elizavetpol Gov.,
Kaibali-shen village
Late 19th–early 20th c.

КАТАЛОГ CATALOGUE

I.1

Рубаха

Шапик

Шелковая, хлопчатобумажная ткани; серебро
Кустарное ткачество, крой, шитье; волочение,
скручивание, низание, нашивание

Дл.: 131,5 см

Шир. подола: 106,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-1

I.1

Shirt

Shapik

Silk, cotton fabrics; silver

Handicraft weaving, cutting, sewing; wire drawing,
twisting, threading, sewing on fabric

Len: 131.5 cm

Hem's Wd: 106.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-1

I.2

Шаровары

Похан

Хлопчатобумажная, шелковая ткани

Кустарное ткачество, крой, шитье

Дл. общ.: 86,0 см

Шир. наб.: 122,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-2

I.2

Bloomers

Pokhan

Cotton, silk fabrics

Handicraft weaving, cutting, weaving

Ov. Len.: 86.0 cm

Max. Wd.: 122.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-2

I.3

Архалук

Шелковая, хлопчатобумажная ткани, вата;

шелковый кант; шерстяная нить (шнур); серебро

Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;

нашивание; плетение, нашивание; волочение,

скручивание, низание; штамповка, нашивание

Дл.: 112,0 см

Шир. подола: 81,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-3

I.3

Arkhaluk

Silk, cotton fabrics, cotton wool; silk edging;
wool thread (cord); silver

Handicraft and factory weaving, cutting, sewing;
sewing on fabric; braiding, sewing on fabric;
wire drawing, twisting, threading; stamping,
sewing on fabric

Len.: 112.0 cm, Hem's Wd.: 81.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-3

I.4

Платье

Мтана

Парча, хлопчатобумажная ткань; шелковая

лента; шелковая нить (шнур); серебро

Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;

нашивание; плетение, нашивание; волочение,

скручивание, низание; штамповка, нашивание

Дл.: 110,0 см

Шир. подола: 90,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-4

I.4

Dress

Mtana

Brocade, cotton fabric; silk ribbon; silk thread
(cord); silver

Handicraft and factory weaving, cutting, sewing;
sewing on fabric; braiding, sewing on fabric; wire
drawing, twisting, sewing on fabric; stamping,
sewing on fabric

Len.: 110.0 cm

Hem's Wd.: 90.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-4

I.5

Нагрудник

Дошик

Бархат, хлопчатобумажная ткань; галун; металлическая, золотная, шелковая нити; серебро, металл

Кустарное, фабричное ткачество, шитье; нашивание; вышивка; волочение, скручивание, низание, нашивание

Дл.: 46,0 см (без шнура)

Шир.: 14,5 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-5

I.5

Breastpiece

Doshik

Velvet, cotton fabric; galloon; metallic, golden, silk thread; silver; metal

Handicraft, factory weaving, sewing; sewing on; embroidery; wire drawing, twisting, threading, sewing on

Len.: 46.0 cm (without lace)

Wd.: 14.5 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-5

I.6

Пояс

Готи

Кожа, галун; серебро, чернь

Выкраивание, обшивание; литье, гравировка, чернение

Дл.: 85 см

Шир.: 3,5 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-6

I.6

Belt

Goti

Leather, galloon; silver, niello

Cutting out, edge sewing; casting, engraving, blackening

Len.: 85.0 cm

Wd.: 3.5 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-6

I.7

Головной убор

Чихта

Хлопчатобумажная ткань; шелковая ткань, вата Фабричное ткачество, крой, шитье; кустарное ткачество, крой, набивание, шитье

Дл.: 46,0 см (обода), 51,0 см (завязки),

124,0 см (повязки); 50,0 см (платка)

Шир.: 6,0 см (обода), 6,5 см (завязки),

58,0 см (повязки); 52,0 см (платка)

Диам.: 16,0 см (обода)

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-7

I.7

Headdress

Chikhta

Cotton fabric; silk fabric, cotton wool

Factory weaving, cutting, sewing; handicraft weaving, cutting, wadding, sewing

Len.: 46.0 cm (rim), 51.0 cm (laces),

124.0 cm (bandage); 50.0 cm (kerchief)

Wd.: 6.0 cm (rim), 6.5 cm (laces),

58.0 c. (bandage); 52.0 cm (kerchief)

Dia.: 16.0 cm (rim)

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-7

I.8

Наушники

Чинабанд

Бархат, хлопчатобумажная ткань; галун; золотная, шелковая нити; серебро

Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье; нашивание; вышивка; филигрань, пайка, низание, нашивание

Дл.: 21,0 см (основания),

15,2 см (боковых сторон)

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

Середина XIX в.

РЭМ 3518-8

I.8

Earflaps

Chinaband

Velvet, cotton fabric; galloon; golden, silk thread; silver

Handicraft, factory weaving, cutting, sewing; sewing on fabric; embroidery; filigree, soldering, threading, sewing on fabric

Len.: 21.0 cm (base), 15.2 cm (sides)

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Mid-19th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-8

I.9

Налобник

Чакати-тапа

Бархат, шерстяная, хлопчатобумажная ткани;
золотная, шелковая нити; золото
Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;
вышивка; штамповка, низание, нашивание

Дл.: 41,5 см (без завязок)

Шир. наиб.: 5,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

Середина XIX в.

РЭМ 3518-9

I.9

Headband

Tschakati-tapa

Velvet, wool, cotton fabrics; golden,
silk threads; gold

Handicraft, factory weaving, cutting, sewing;
embroidery; stamping, threading, sewing on fabric

Len.: 41.5 cm (without laces)

Max. Wd.: 5.0 cm

Elizavetpol Gov, the city of Shushi

Mid-19th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-9

I.10

Головное покрывало

Шелковая ткань

Кустарное ткачество

Дл.: 208,0 см

Шир.: 202,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-10

I.10

Head-cover

Silk fabric

Handicraft weaving

Len.: 208.0 cm

Wd.: 202.0 cm

Elizavetpol Gov, the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-10

I.11

Застежка к головному убору

Чангал

Серебро; чернь

Литье, гравировка, чернение; волочение,
нарезка, гнутье, плетение, пайка

Дл.: 47,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-11

I.11

Headdress clasp

Changal

Silver; niello

Casting, engraving, blackening; wire drawing,
cutting, bending, braiding, soldering

Len.: 47.0 cm

Elizavetpol Gov, the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-11

I.12

Носки

Шерстяная нить

Вязание

Дл.: 21,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-12/1,2

I.12

Socks

Wool thread

Knitting

Len.: 21.0 cm

Elizavetpol Gov, the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-12/1,2

I.13

Подвязки

Доллах

Шелковая ткань

Кустарное ткачество, крой, шитье

Дл.: 29,0 см

Шир.: 10,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-13/1,2

I.13

Garters

Dollakh

Silk fabric

Handicraft weaving, cutting, sewing

Len.: 29.0 cm

Wd.: 10.0 cm

Elizavetpol Gov, the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-13/1,2

I.14

Обувь

Кошик

Кожа, шагренева кожа; шелковая, шерстяная нити

Раскраивание, сшивание

Дл.: 22,0 см

Шир. наиб: 10,0 см

Выс. каблука: 5,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.1–I.14

РЭМ 3518-14/1,2

I.14

Shoes

Koshik

Leather, shagreen; silk, wool threads

Cutting, stitching

Len.: 22.0 cm

Max Wd.: 10.0 cm

Heel's Ht.: 5.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.1–I.14

РЭМ 3518-14/1,2

I.15

Рубаха

Шапик

Хлопчатобумажная ткань

Фабричное ткачество, крой, шитье

Дл.: 132,0 см

Шир. подола: 108,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.15–I.22

РЭМ 3518-15

I.15

Shirt

Shapik

Cotton fabric

Factory weaving, cutting, sewing

Len.: 132.0 cm

Hem's Wd.: 108.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.15–I.22

РЭМ 3518-15

I.16

Архалук

Шелковая, хлопчатобумажная ткани, вата; шерстяная нить (шнур); латунь; металл

Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;

плетение, нашивание; волочение, нарезка,

гнутье, плетение; волочение, скручивание,

низание; штамповка, пайка, нашивание

Дл.: 116,0 см

Шир. подола: 104,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.15–I.22

РЭМ 3518-16

I.16

Arkhaluk

Silk, cotton fabrics, cotton wool; wool thread

(cord); brass, metal

Handicraft and factory weaving, cutting, sewing;

braiding, sewing on fabric; wire drawing, cuts,

bending, braiding; wire drawing, twisting, sewing

on fabric; stamping, soldering, sewing on fabric

Len.: 116.0 cm

Hem's Wd.: 104.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.15–I.22

РЭМ 3518-16

I.17

Кушак

Готи

Хлопчатобумажная ткань

Кустарное ткачество, окрашивание

Дл.: 271,0 см

Шир.: 66,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.15–I.22

РЭМ 3518-17

I.17

Sash belt

Goti

Cotton fabric

Handicraft weaving, dyeing

Len.: 271.0 cm

Wd.: 66.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.15–I.22

РЭМ 3518-17

I.18

Нагрудное украшение

Серебро; монеты: РИ, рубль, СПб., 1851 г. (минцмейстер ПА); РИ, 10 копеек, СПб., 1862 г.

(минцмейстер МИ)

Волочение, нарезка, гнутье, плетение, пайка;

чеканка

Дл. общ.: 18,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Середина XIX в.

Входит в комплекс предметов I.15.–I.22.

РЭМ 3518-18

I.18

Breast pendant

Silver; coins: RE, ruble, SPB, 1851 (Mintmark "ПА");

RE, 10 kopecks, SPB, 1862, (Mintmark "МИ")

Wire drawing, cutting, bending, braiding,

soldering; coining

Ov. Len.: 18.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Mid-19th c.

Part of the set of items I.15–I.22

РЭМ 3518-18

I.19

Головной платок
Чихта (часть)
 Хлопчатобумажная ткань
 Фабричное ткачество, крой, шитье
 Дл.: 147,0 см
 Шир.: 71,0 см
 Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
 Конец XIX–начало XX в.
 Входит в комплекс предметов I.15–I.22
 РЭМ 3518-19

I.19

Kerchief
Chikhta (parts)
 Cotton fabric
 Factory weaving, cut, sewing
 Len.: 147.0 cm
 Wd.: 71.0 cm
 Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
 Late 19th–early 20th c.
 Part of the set of items I.15–I.22
 РЭМ 3518-19

I.20

Наушники
Чинабанд
 Шелковая, шерстяная, хлопчатобумажная ткани;
 хлопчатобумажная нить (шнур);
 хлопчатобумажная нить; серебро
 Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;
 плетение, нашивание; машинная строчка;
 филигрань, пайка, низание, нашивание
 Дл.: 26,5–27,0 см (основания), 19,5–20,0 см
 (боковых сторон)
 Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
 Последняя четверть XIX в.
 Входит в комплекс предметов I.15–I.22
 РЭМ 3518-20

I.20

Earflaps
Chinaband
 Silk, wool, cotton fabrics; cotton thread (cord);
 cotton thread; silver
 Handicraft, factory weaving, cut, sewing;
 braiding, sewing on fabric; machine stitch;
 filigree, soldering, threading, sewing on fabric
 Len.: 26.5–27.0 cm (base), 19.5–20.0 cm (sides)
 Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
 Last quarter of the 19th c.
 Part of the set of items I.15–I.22
 РЭМ 3518-20

I.21

Налобник
Чакати-тапа
 Бархат, хлопчатобумажная ткань; шелковая,
 хлопчатобумажная нити (шнуры); серебро;
 монеты: РИ, 25 копеек, СПб, год утерян (1856–
 1861 г., минцмейстер ФБ); РИ, 25 копеек, СПб,
 1850 г. (минцмейстер ПА); РИ, 25 копеек, СПб,
 год утерян (1852–1855 г., минцмейстер НГ); РИ,
 25 копеек, СПб, год утерян (1832–1841 г.,
 минцмейстер НГ); РИ, 25 копеек, СПб, 1830 г.
 (минцмейстер НГ); РИ, 25 копеек, СПб, 1827 г.
 (минцмейстер ПА); РИ, 25 копеек, СПб, год
 утерян; РИ, 25 копеек, СПб, год утерян (1856–
 1861 г., минцмейстер ФБ); РИ, 25 копеек, СПб,
 год утерян (1852–1855 г., минцмейстер НГ); РИ,
 25 копеек, СПб, год утерян; РИ, 25 копеек, СПб,
 год утерян; РИ, 25 копеек, СПб, год утерян; РИ,
 25 копеек, СПб, год утерян (1832–1841 г.,
 минцмейстер НГ); РИ, 25 копеек, СПб, год утерян
 (1856–1861 г., минцмейстер ФБ); РИ, 25 копеек,
 СПб, 1850-х г. (1850–1852 г., минцмейстер ПА);
 РИ, 25 копеек, СПб, год утерян (1832–1841 г.,
 минцмейстер НГ); РИ, 25 копеек, СПб, год утерян
 (1832–1841 г., минцмейстер НГ); РИ, 25 копеек,
 СПб, 1850-х г. (1850–1852 г., минцмейстер ПА);
 РИ, 25 копеек, СПб, 1831 г. (минцмейстер НГ).
 Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;
 плетение, нашивание; нарезка, гнутые, пайка,
 нашивание; чеканка
 Дл.: 33,0 см (без завязок)
 Шир. наиб.: 4,5 см
 Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
 Вторая половина XIX в.
 Входит в комплекс предметов I.15–I.22
 РЭМ 3518-21

I.21

Headband
Tschakati-tapa
 Velvet, cotton fabric; silk, cotton threads (cords);
 silver; coins: RE, 25 kopecks, SPB, the date is lost
 (1856–1861, Mintmark “ФБ”); RE, 25 kopecks, SPB,
 1850 (Mintmark “ПА”); RE, 25 kopecks, SPB,
 the date is lost (1852–1855, Mintmark “НГ”);
 RE, 25 kopecks, SPB, the date is lost (1832–1841,
 Mintmark “НГ”); RE, 25 kopecks, SPB, 1830
 (Mintmark “НГ”); RE, 25 kopecks, SPB, 1827
 (Mintmark “ПА”); RE, 25 kopecks, SPB, the date
 is lost (1856–1861, Mintmark “ФБ”); RE, 25
 kopecks, SPB, the date is lost (1852–1855,
 Mintmark “НГ”); RE, 25 kopecks, SPB, the date
 is lost; RE, 25 kopecks, SPB, the date is lost; RE,
 25 kopecks, SPB, the date is lost; RE, 25 kopecks,
 SPB, the date is lost (1832–1841 Mintmark “НГ”);
 RE, 25 kopecks, SPB, the date is lost (1856–1861,
 Mintmark “ФБ”); RE, 25 kopecks, SPB, 1850s
 (1850–1852 Mintmark “ПА”); RE, 25 kopecks,
 SPB, the date is lost (1832–1841 Mintmark “НГ”);
 RE, 25 kopecks, SPB, the date is lost (1832–1841
 Mintmark “НГ”); RE, 25 kopecks, SPB, 1850s
 (1850–1852 Mintmark “ПА”); RE, 25 kopecks,
 SPB, 1831 (Mintmark “НГ”).
 Handicraft and factory weaving, cutting, sewing;
 braiding, sewing on fabric; cutting, bending,
 soldering, sewing on fabric; coinage
 Len.: 33.0 cm (without laces)
 Max. Wd.: 4.5 cm
 Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
 Second half of the 19th c.
 Part of the set of items I.15–I.22
 РЭМ 3518-21

I.22

Зацепка-крючок к головному убору

Чангал

Серебро

Литье, гнутье, гравировка

Дл.: 5,0 см

Шир. наиб.: 1,7 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Вторая половина XIX в.

Входит в комплекс предметов I.15–I.22

РЭМ 3518-22

I.22

Headdress hook-clasp

Changal

Silver

Casting, bending, engraving

Len.: 5.0 cm

Max. Wd.: 1.7 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Second half of the 19th c.

Part of the set of items I.15–I.22

РЭМ 3518-22

I.23

Рубаха

Шапик

Хлопчатобумажная, шелковая ткани; металл

Кустарное ткачество, крой, шитье; волочение,

скручивание, низание, нашивание

Дл.: 138,0 см

Шир. подола: 110,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-23

I.23

Shirt

Shapik

Cotton, silk fabrics; metal

Handicraft weaving, cut, sewing; wire drawing,

twisting, threading, sewing on fabric

Len.: 138.0 cm

Hem's Wd.: 110.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-23

I.24

Архалук

Шелковая, хлопчатобумажная ткани, вата;

шелковая нить (шнур); металл

Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;

плетение, нашивание; волочение, скручивание,

низание; филигрань, пайка, нашивание

Дл.: 112,5 см

Шир. подола: 92,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-24

I.24

Arkhaluk

Silk, cotton fabrics, cotton wool;

silk thread (cord); metal

Handicraft and factory weaving, cutting, sewing;

braiding, sewing on; wire drawing, twisting,

threading; filigree, soldering, sewing on fabric

Len.: 112.5 cm

Hem's Wd.: 92.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-24

I.25

Кушак

Готи

Шелковая ткань

Кустарное ткачество, сшивание

Дл.: 268,0 см

Шир.: 69,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-25

I.25

Sash belt

Goti

Silk fabric

Handicraft weaving, sewing together

Len.: 268.0 cm

Wd.: 69.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-25

I.26

Головное покрывало

Лечак

Хлопчатобумажная ткань; шелковая нить

Фабричное ткачество, крой, шитье; вышивка

Дл.: 198,0 см

Шир.: 167,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-27

I.26

Head-cover

Lechak

Cotton fabric; silk threads

Factory weaving, cut, sewing; embroidery

Len.: 198.0 cm

Wd.: 167.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-27

I.27

Обод, платок

*Чихта*Хлопчатобумажная ткань, вата, картон;
хлопчатобумажная ткань; хлопчатобумажная
нить

Фабричное ткачество, крой, набивание, шитье;

фабричное ткачество, крой, шитье; вышивка

Дл.: 17,0 см (полосы ткани обода);

147,0 см (платка)

Шир.: 7,0 см (полосы ткани обода);

65,0 см (платка)

Диам.: 17 см (обода)

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-26/1,2

I.27

Rim scarf, kerchief

*Chikhta*Cotton fabric, cotton wool, cardboard; cotton
fabric; cotton threadFactory weaving, cut, wadding, sewing; factory
weaving, cut, sewing; embroidery

Len.: 17.0 cm (stripes of rim fabric);

147.0 cm (kerchief)

Wd.: 7.0 cm (stripes of rim fabric);

65.0 cm (kerchief)

Dia.: 17.0 cm (rim)

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-26/1,2

I.28

Налобник

*Чакати-тапа*Бархат, хлопчатобумажная ткань; золотная,
шелковая нити; серебро; монеты: Ширванское
ханство, анонимный выпуск, аббаси, Шемаха, 1177
г. х. / 1763–1764 г.; Иран, Афшариды, Амир
Арслан-хан, аббаси, Тебриз, 1161 г. х. / 1748 г.;
Иран, Сефевиды, Султан Хусейн, аббаси, Тебриз,
год сбит (выпуск 1711–1723 гг.); Иран, Афганская
оккупация, Ашраф-шах, аббаси, Казвин, год сбит
(выпуск 1724–1729 гг.); Ширванское ханство,
анонимный выпуск, аббаси, Шемаха, 1186 г. х. /
1772–1773 г.; Иран, Сефевиды, Султан Хусейн,
аббаси, Тебриз, 1131 г. х. / 1718–1719 г.; Иран,
Сефевиды, Тахмасп II, аббаси, Тебриз, 1143 г. х. /
1730–1731 г.; Поддельная монета (прототип:
Гянджинское ханство, аббаси, Гянджа, 1184 г. х. /
1770–1771 г.); Гянджинское ханство, анонимный
выпуск, аббаси, Гянджа, 1183 г. х. / 1769–1770 г.;
Иран, Сефевиды, Султан Хусейн, аббаси, Тебриз,
1131 г. х. / 1718–1719 г.; Иран, Сефевиды, Султан
Хусейн, аббаси, Тебриз, 1131 (?) г. х. / 1718–1719 г.;
Иран, Сефевиды, Султан Хусейн, аббаси, Казвин,
1131 г. х. / 1718–1719 г.; Иран, Сефевиды, Султан
Хусейн, аббаси, Тифлис, 1131 г. х. / 1718–1719 г.;
Гянджинское ханство, анонимный выпуск, аббаси,
Гянджа, 1184 г. х. / 1770–1771 г.; РИ, 400 динаров
(двойной абаз), Тифлис, 1819 г.; РИ, 20 копеек, СПб,
1823 г. (минцмейстер ПД); Российская империя,
400 динаров (двойной абаз), Тифлис, 1818 г.;
Российская империя, 400 динаров (двойной абаз),
Тифлис, 1831 г.; Иран, Сефевиды, Султан Хусейн,
аббаси, Нахичевань, 1131 г. х. / 1718–1719 г.; РИ, 20
копеек, СПб, 1847 г. (минцмейстер ПА); Иран,
Сефевиды, Султан Хусейн, аббаси, Решт, 1132 г. х. /
1719–1720 г.; Поддельная монета (прототип: Иран,
Афшариды, Ибрахим, аббаси, место выпуска и год
сбиты (1748–1757))Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;
вышивка; нарезка, гнутье, пайка, нашивание;
чеканка

Дл.: 40,0 см (без завязок), Шир. наиб.: 5,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Середина XIX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-28

I.28

Headband

*Tschakati-tapa*Velvet, cotton fabric; golden, silk threads; silver;
coins: Shirvan Khanate, anonymous production,
abbasi, Shamakhi, 1177 AH / 1763–1764; Iran,
Afsharid dynasty, Ameer Arslan khan, abbasi,
Tabriz, 1161AH / 1748; Iran, Safavid dynasty,
Soltan Hoseyn, abbasi, Tabriz, the year is worn
down (1711–1723 production); Iran, Afghan
interlude, abbasi, Qazvin, the year is worn down,
(1724–1729 production); Shirvan Khanate,
anonymous production, abbasi, Shamakhi, 1186
AH / 1772–1773; Iran, Safavid dynasty, Soltan
Hoseyn, abbasi, Tabriz, 1131 AH / 1718–1719;
Iran, Safavid dynasty, Tahmasp II, abbasi, Tabriz,
1143 AH / 1730–1731; Counterfeit coin (proto-
type: Ganja Khanate, abbasi, Ganja, 1184 AH /
1770–1771); Ganja Khanate, anonymous produc-
tion, abbasi, Ganja 1183 AH / 1769–1770; Iran,
Safavid dynasty, Soltan Hoseyn, abbasi, Tabriz,
1131 AH / 1718–1719; Iran, Safavid dynasty,
Soltan Hoseyn, abbasi, Tabriz, 1131 (?) AH /
1718–1719; Iran, Safavid dynasty, Soltan Hoseyn,
abbasi, Qazvin, 1131 AH / 1718–1719; Iran,
Safavid dynasty, Soltan Hoseyn, abbasi, Tbilisi,
1131 AH / 1718–1719; Ganja Khanate, anonymous
production, abbasi, Ganja, 1184 AH / 1770–1771;
RE, 400 dinars (double abazi), Tbilisi, 1819; RE, 20
kopecks, SPB, 1823 (Mintmark “ПД”); RE, 400
dinars (double abazi), Tbilisi, 1831; Iran, Safavid
dynasty, Soltan Hoseyn, abbasi, Nakhichevan, 1131
AH / 1718–1719; RE, 20 kopecks, SPB, 1847
(Mintmark “ПА”); Iran, Safavid dynasty, Soltan
Hoseyn, abbasi, Rasht, 1132 AH / 1719–1720;
Counterfeit coin (prototype: Iran, Afsharid dynasty,
Ibrahim, abbasi, the place and date of production
are worn out (1748–1757))Handicraft and factory weaving, cutting, sewing;
embroidery; cutting, bending, soldering, sewing on
fabric; coinage

Len.: 40.0 cm (without laces)

Max. Wd.: 5.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Mid-19th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-28

I.29

Наушники

Чинабанд

Хлопчатобумажная, шерстяная ткани; шелковая, хлопчатобумажная нити (шнур); галун; серебро
Фабричное ткачество, крой, шитье; плетение, нашивание; нашивание; филигрань, пайка, низание, нашивание

Дл.: 28,0–29,0 см (основания), 12,0–12,5 см (боковых сторон)

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33
РЭМ 3518-29

I.29

Earflaps

Chinaband

Cotton, wool fabrics; silk, cotton threads (cord); galloon; silver

Factory weaving, cut, sewing; braiding, sewing on; sewing on; filigree, soldering, threading, sewing on
Len.: 28.0–29.0 cm (base), 12.0–12.5 cm (sides)

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-29

I.30

Застежка к головному убору

Чангал

Металл; стекло

Волочение, нарезка, гнутье, плетение, пайка; филигрань, зернь, пайка; глухая закрепка

Дл.: 47,0 см

Шир.: 7,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33
РЭМ 3518-30

I.30

Headaddress clasp

Changal

Metal; glass

Wire drawing, metal cutting, bending, braiding, soldering; filigree, granulation, soldering; prong setting

Len.: 47.0 cm

Wd.: 7.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-30

I.31

Нагрудное украшение

Серебро; монеты: РИ, рубль, СПб, 1853 г.

(минцмейстер НI); РИ, 20 копеек, СПб, 1863 г.

(минцмейстер АБ); РИ, 15 копеек, СПб, 1860 г.

(минцмейстер ФБ); РИ, 10 копеек, СПб, 1862 г.

(минцмейстер МИ); РИ, 10 копеек, СПб, 1866 г.

(минцмейстер НI); РИ, 20 копеек, СПб, 1864 г.

(минцмейстер НФ); РИ, 15 копеек, СПб, 1861 г.;

РИ, 10 копеек, СПб, 1861 г.; РИ, 10 копеек, СПб,

1866 г. (минцмейстер НФ); РИ, 20 копеек, СПб,

1861 г.; РИ, 15 копеек, СПб, 1860 г. (минцмейстер

ФБ); РИ, 10 копеек, СПб, 1866 г. (минцмейстер

НФ); РИ, 10 копеек, СПб, 1861 г.; РИ, 15 копеек,

СПб, 1861 г. (минцмейстер ФБ)

Нарезка, гнутье, плетение, пайка; чеканка, пайка

Дл. общ.: 26,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Середина XIX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-31

I.31

Breast pendant

Silver; coins: RE, ruble, SPB, 1853 (Mintmark “HI”);

RE, 20 kopecks, SPB, 1866, (Mintmark “АБ”);

RE, 15 kopecks, SPB, 1860, (Mintmark “ФБ”);

RE, 10 kopecks, SPB, 1862, (Mintmark “МИ”);

RE, 10 kopecks, SPB, 1866, (Mintmark “HI”);

RE, 20 kopecks, SPB, 1864, Mintmark “НФ”);

RE, 15 kopecks, SPB, 1861; RE, 100 kopecks, SPB,

1861; RE, 10 kopecks, SPB, 1866, (Mintmark

SPB, 1860 (Mintmark “ФБ”); RE, 10 kopecks, SPB,

1866 (Mintmark “ФБ”); RE, 10 kopecks, SPB, 1861;

RE, 15 kopecks, SPB, 1861 (Mintmark “ФБ”)

Cutting, bending, braiding, soldering; coining, soldering

Ov. Len.: 26.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Mid-19th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-31

I.32

Носки

Шерстяная нить

Вязание

Дл.: 23,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-33/1,2

I.32

Socks

Wool thread

Knitting

Len.: 23.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-33/1,2

I.33

Обувь

Чимошк

Кожа, шагреновая кожа; шерстяная нить; металл (набойки, гвозди)

Раскраивание, сшивание; ковка, набивание

Дл.: 24,0 см

Шир. Наиб.: 11,5 см

Выс. каблука: 5,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.23–I.33

РЭМ 3518-32/1,2

I.33

Shoes

Chimoshck

Leather, shagreen; wool thread; metal (heel tip)

Shaping, stitching; forging, wadding

Len.: 24.0 cm

Max Wd.: 11.5 cm

Heel's Ht.: 5.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.23–I.33

РЭМ 3518-32/1,2

I.34

Рубаха

Шапик

Хлопчатобумажная ткань; целлулоид (пуговицы)

Фабричное ткачество, крой, шитье; нашивание

Дл.: 66,0 см

Шир. подола: 64,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-34

I.34

Shirt

Shapik

Cotton fabric; celluloid (buttons)

Factory weaving, cutting, sewing; sewing on fabric

Len: 66.0 cm

Hem's Wd: 64.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-34

I.35

Шаровары

Шалвар

Шерстяная, хлопчатобумажная ткани; хлопчатобумажная нить (вздержка)

Фабричное ткачество, крой, шитье; плетение, продевание

Дл. общ: 92,0 см

Шир. наиб.: 93,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-35

I.35

Wide trousers

Shalvar

Wool, cotton fabrics; cotton thread (laces)

Factory weaving, cut, sewing; braiding, threading

Ov. Len.: 92.0 cm

Max. Wd.: 93.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-35

I.36

Архалук

Хлопчатобумажная ткань; металл (крючки и петли); хлопчатобумажная нить

Фабричное ткачество, крой, шитье; нашивание; машинная строчка

Дл.: 75,5 см

Шир. подола: 128,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-36

I.36

Arkhaluk

Cotton fabric; metal (hooks and loops); cotton thread

Factory weaving, cut, sewing; sewing on fabric; machine stitch

Len.: 75.5 cm

Hem's Wd.: 128.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-36

I.37

Пояс

Готи

Кожа, галун; серебро, чернь

Выкраивание, обшивание; литье, штамповка, гравировка, чернение

Дл.: 105,0 см, Шир.: 1,35–1,4 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Вторая половина XIX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-37

I.37

Belt

Goti

Leather, galloon; silver, niello

Cutting out, edge sewing; casting, stamping, engraving, niello

Len.: 105.0 cm, Wd.: 1.35–1.4 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Second half of the 19th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-37

I.38

Кафтан

Чоха

Шерстяная, хлопчатобумажная ткани; металл (крючки и петли); хлопчатобумажная нить
Фабричное ткачество, крой, шитье; нашивание; машинная строчка

Дл.: 109,0 см

Шир. подола: 70,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-38

I.38

Caftan

Chokha

Wool, cotton fabrics; metal (hooks and loops); cotton thread

Factory weaving, cutting, sewing; sewing on fabric; machine stitch

Len.: 109.0 cm

Hem's Wd.: 70.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-38

I.39

Папаха

Овчина

Крой, шитье

Шир.: 26,0 см

Выс.: 11,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-39

I.39

Papakha

Sheepskin

Cut, sewing

Wd.: 26.0 cm

Ht.: 11.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-39

I.40

Носки

Шерстяная нить; хлопчатобумажный шнурок
Вязание; плетение, нашивание

Дл.: 26,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-40/1,2

I.40

Socks

Wool thread; cotton lace

Knitting; braiding, sewing on

Len.: 26.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-40/1,2

I.41

Обувь

Трех

Сыромятная кожа; кожаный шнур;
шерстяная нить (шнур)

Формовка; скручивание, продевание;
плетение, продевание

Дл.: 29,0 см

Шир. наиб.: 11,5 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-41/ 1,2

I.41

Shoes

Trekh

Rawhide; leather lace; wool thread (laces)

Forming; twisting, threading; braiding, threading

Len.: 29.0 cm

Max Wd.: 11.5 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-41/1,2

I.42

Посох

Дерево

Вырезание, строгание

Дл.: 100,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.34–I.42

РЭМ 3518-51

I.42

Staff

Wood

Cutting out, planing

Len.: 100.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.34–I.42

РЭМ 3518-51

I.43

Рубаха

Шаник

Шелковая ткань; галун; шелковая нить (шнур); медь (пуговицы)

Кустарное ткачество, крой, шитье; нашивание; плетение, нашивание; штамповка, нашивание

Дл.: 78,0 см

Шир. подола: 87,0 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-42

I.43

Shirt

Shapik

Silk fabric; galloon; silk thread (cord); copper (buttons);

Handicraft weaving, cutting, sewing; sewing on; braiding, sewing on; stamping, sewing on fabric

Len: 78.0 cm

Hem's Wd: 87.0 cm

Tiflis Gov, the city of Tiflis

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-42

I.44

Шаровары

Шалвар

Сукно, шелковая ткань; шелковая, металлическая нити (вздержка)

Фабричное, кустарное ткачество, крой, шитье; плетение, продевание

Дл. общ.: 90,0 см

Шир. наиб.: 82,0 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-43

I.44

Wide trousers

Shalvar

Broadcloth, silk fabric; silk, metallic threads (laces)

Factory, handicraft weaving, cut, sewing; braiding, threading

Ov. Len.: 90.0 cm

Max. Wd.: 82.0 cm

Tiflis Gov, the city of Tiflis

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-43

I.45

Архалук

Шелковая, хлопчатобумажная ткани; металл (крючки, петли); медь (пуговицы); шелковая, металлическая нити (шнур); хлопчатобумажная нить

Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье; нашивание; штамповка, нашивание; плетение, нашивание; машинная строчка

Дл.: 82,0 см

Шир. подола: 87,0 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-44

I.45

Arkhaluk

Silk, cotton fabrics; metal (hooks and laces); copper (buttons); silk, metallic threads (laces); cotton thread

Handicraft and factory weaving, cutting, sewing; sewing on fabric; stamping, sewing on fabric;

braiding, sewing on fabric; machine stitch

Len.: 82.0 cm

Hem's Wd: 87.0 cm

Tiflis Gov, the city of Tiflis

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-44

I.46

Кафтан

Каба

Сукно, хлопчатобумажная ткань; бархат, шелковая ткань; шелковая нить (шнур); металл (крючки и петли);

Фабричное ткачество, крой, шитье; фабричное ткачество, нашивание; плетение, нашивание; нашивание

Дл.: 102,0 см

Шир. подола: 172,0 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-45

I.46

Caftan

Kaba

Broadcloth, cotton fabric; velvet, silk thread; silk thread (cord); metal (hooks and loops);

Factory weaving, cutting, sewing; factory weaving,

sewing on fabric; braiding, sewing on fabric;

sewing on fabric

Len.: 102.0 cm

Hem's Wd.: 172.0 cm

Tiflis Gov, the city of Tiflis

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-45

I.47

Пояс

*Готи*Кожа, шелковая ткань, золотная нить; золото
Выкраивание, обшивание; штамповка,
гравировка

Дл.: 84,0 см

Шир.: 2,5–2,6 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

XIX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-46

I.47

Belt

Goti

Leather, silk fabric, gold thread; gold

Cutting out, edge sewing; stamping, engraving

Len.: 84.0 cm

Wd.: 2.5–2.6 cm

Tiflis Gov., the city of Tiflis

19th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-46

I.48

Папаха

Цицак

Овчина, кожа; шелковая ткань

Крой, шитье; кустарное ткачество, нашивание

Шир.: 30,0 см

Выс.: 26,0 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-47

I.48

Papakha

Tsitsak

Sheepskin, leather; silk fabric

Cut, sewing; handicraft weaving, sewing on fabric

Wd.: 30.0 cm

Ht.: 26.0 cm

Tiflis Gov., the city of Tiflis

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-47

I.49

Носки

Шерстяная нить

Вязание

Дл.: 28,0 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-48/1,2

I.49

Socks

Wool thread

Knitting

Len.: 28.0 cm

Tiflis Gov., the city of Tiflis

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-48/1,2

I.50

Обувь

Дерево; кожа; хлопчатобумажная,

шерстяная нити

Вырезание; раскраивание, нашивание,
теснение

Дл.: 27,0 см

Шир. Наиб.: 11,5 см

Выс. каблука: 2,0 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-49/1,2

I.50

Shoes

Wood; leather; cotton, wool threads

Cutting out; shaping, sewing on, pressing

Len.: 27.0 cm

Max Wd.: 11.5 cm

Heel's Ht.: 2.0 cm

Tiflis Gov., the city of Tiflis

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-49/1,2

I.51

Подвязки

Доллах

Шелковая ткань; шелковая нить (шнуры)

Кустарное ткачество, крой, шитье; плетение,
нашивание

Дл.: 68.0 см (без завязок); 75.0 см (завязок)

Шир.: 10.0 см

Тифлисская губ., г. Тифлис

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов I.43–I.51

РЭМ 3518-50/1,2

I.51

Garters

Dollakh

Silk fabric; silk thread (laces);

Handicraft weaving, cutting, sewing; braiding;
sewing on

Len.: 68.0 cm (without laces); 75.0 cm (with laces)

Wd.: 10.0 cm

Tiflis Gov., the city of Tiflis

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items I.43–I.51

РЭМ 3518-50/1,2

I.52

Налобник
Чихта (часть)
 Бархат, хлопчатобумажная ткань; золотная, шелковая нити
 Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье; вышивка
 Дл.: 37,0 см (без завязок)
 Шир. наиб.: 5,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 РЭМ 3599-1

I.52

Headband
Chikhta (part)
 Velvet, cotton fabric; golden, silk threads
 Handicraft and factory weaving, cutting, sewing; embroidery;
 Len.: 37.0 cm (without laces)
 Max. Wd.: 5.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 РЭМ 3599-1

I.53

Нагрудник к женскому костюму
 Бархат; золотная, шелковая нити; металл
 Кустарное ткачество, крой, шитье; вышивка; волочение, скручивание, низание, нашивание
 Дл.: 39,0 см, Шир.: 7,5 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 РЭМ 3599-2

I.53

Breastpiece for women's costume
 Velvet; golden and silk threads; metal
 Handicraft weaving, cutting, sewing; embroidery; wire drawing, twisting, threading, sewing on fabric
 Len.: 39.0 cm, Wd.: 7.5 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 РЭМ 3599-2

I.54

Украшения на одежду
 Серебро
 Филигрань, волочение, гнутье, пайка
 Д diam.: 2,7 см; 2,7 см; 2,6 см; 2,6 см; 2,6 см; 2,6 см; 2,6 см; 2,6 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Вторая половина XIX в.
 РЭМ 3599-3/1-8

I.54

Jewelry for clothes
 Silver
 Filigree, wire drawing, bending, soldering
 Dia.: 2.7 cm; 2.7 cm; 2.6 cm; 2.6 cm; 2.6 cm; 2.6 cm; 2.6 cm; 2.6 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Second half of the 19th c.
 РЭМ 3599-3/1-8

I.55

Подвески к рукаву женского архалука
 Металл; шелковая ткань;
 хлопчатобумажная нить (шнур)
 Штамповка, волочение, гнутье, пайка;
 ткачество; плетение, нашивание
 Дл. общая: 29,0 см
 Дл. подвесок: 4,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 РЭМ 3599-5

I.55

Sleeve pendants for women's arkhuluk
 Metal; silk fabric; cotton thread (lace)
 Stamping, wire drawing, bending, soldering; weaving; braiding, sewing on fabric
 Ov. Len.: 29.0 cm
 Pendants' Len.: 4.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 РЭМ 3599-5

I.56

Подвески к рукаву женского архалука
 Металл; шелковая ткань;
 хлопчатобумажная нить (шнур)
 Штамповка, волочение, гнутье, пайка;
 ткачество; плетение, нашивание
 Дл. общ.: 29 см
 Дл. подвесок: 4,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 РЭМ 3599-4

I.56

Sleeve pendants for women's arkhuluk
 Metal; silk fabric; cotton thread (lace)
 Stamping, wire drawing, bending, soldering; weaving; braiding, sewing on fabric
 Ov. Len.: 29.0 cm
 Pendants' Len.: 4.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 РЭМ 3599-4

I.57

Подвески к рукаву женского архалука
 Металл
 Штамповка, волочение, гнутье, пайка
 Дл. общ.: 26,0
 Дл. подвесок: 3,5 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 РЭМ 3599-6

I.57

Sleeve pendants for women's arkhuluk
 Metal
 Stamping, wire drawing, bending, soldering;
 Ov. Len.: 26.0 cm
 Pendants' Len.: 3.5 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 РЭМ 3599-6

I.58

Подвеска

Сердолик, гагат, янтарь, стекло,
раковина каури; шелковая нить (шнур)
Сверление; гравировка; низание; плетение
Дл. общая: 10,0 см
Дл. сердолика: 2,5 см
Шир. сердолика: 2,3 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3599-9

I.58

Pendant

Cornelian, jet, amber, glass, cowry shell;
silk tread (cord)
Drilling; engraving; threading; braiding
Ov. Len.: 10.0 cm
Cornelian's Len.: 2.5 cm
Cornelian's Wd.: 2.3 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3599-9

I.59

Подвеска

Гагат; коралл, орех, серебро; шелковая нить (шнур)
Гравировка; сверление, низание;
штамповка, волочение, гнутье; плетение
Дл. общ.: 16,5 см
Дл. гагата: 3,0 см
Шир. гагата: 2,7 см
Дл. подвесок наиб.: 4,0 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Последняя треть XIX в.
РЭМ 3599-10

I.59

Pendant

Jet; coral, nut, silver; silk tread (cord)
Engraving; drilling, threading; stamping,
wire drawing, bending; braiding
Ov. Len.: 16.5 cm
Jet's Len.: 3.0 cm
Jet's Wd.: 2.7 cm
Pendant's Max. Len.: 4.0 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Last quarter of the 19th c.
РЭМ 3599-10

I.60

Кисет

Шелковая, хлопчатобумажная ткани;
серебряная, шелковая нити;
шелковая нить (шнур), металл (кольца)
Кустарное, фабричное ткачество, крой, шитье;
вышивка; плетение, продевание; волочение,
гнутье, нашивание
Дл.: 22,5 см, Шир.: 13,0 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3599-11

I.60

Tobacco pouch

Silk, cotton fabrics; silver, silk threads;
silk thread (cord), metal (rings)
Handicraft and factory weaving, cutting, sewing;
embroidery; braiding, threading; wire drawing,
bending, sewin on fabric
Len.: 22.5 cm, Wd.: 13.0 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3599-11

I.61

Женская обувь

Кози

Кожа, шелковая ткань; кожаный шнур; бисер;
металл (люверс); шелковая нить (шнур)
Раскраивание, сшивание; инкрустация кожаным
шнуром; вышивка бисером; инкрустация
металлом; плетение, нашивание
Дл.: 26,0 см, Шир. наиб: 9,5 см
Выс. каблука: 3,4 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3599-12/1,2

I.61

Women's shoes

Koshi

Leather, silk fabric; leather cord; glass beads;
metal (eyelet); silk thread (cord)
Shaping, sewing; inlay with leather cord; beading;
inlay with metal; braiding, sewing on fabric
Len.: 26.0 cm, Max. Wd.: 9.5 cm
Heel's Ht.: 3.4 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3599-12/1,2

I.62

Мужская обувь

Дерево; кожа; кожаный шнур;
хлопчатобумажная нить; металл (гвозди)
Вырезание; раскраивание, нашивание,
теснение; инкрустация кожаным шнуром;
ковка, набивание
Дл.: 25,0 см
Шир. наиб: 12,0 см
Выс. Каблука: 2,5 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3599-13/1,2

I.62

Men's shoes

Wood; leather; leather cord; cotton thread;
metal (nails)
Cutting out; shaping, sewin on leather, pressing;
leather cord inlay; forging, wadding
Len.: 25.0 cm
Max. Wd.: 12.0 cm
Heel's Ht.: 2.5 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3599-13/1,2

I.63

Наушники к женскому головному убору

Чинабанд

Шелковая ткань; золотная, серебряная, шелковая нити; золотная, серебряная, шелковая нити (шнур)

Кустарное ткачество, крой, шитье; вышивка; плетение, нашивание

Дл.: 22,5 см (основания),

14,0–13,0 см (боковых сторон)

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3599-14/1,2

I.63

Earflaps for women's headdress

Chinaband

Silk fabrics; gold, silver, silk threads; gold, silver, silk threads (cord)

Handicraft weaving, cutting, sewing; embroidery; braiding, sewing on fabric

Len.: 22.5 cm (base), 14.0–13.0 cm (sides)

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3599-14/1,2

I.64

Бусы для наушников женского головного убора

Металл

Филигрань, гнутье, пайка; низание

Дл.: 14,2 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3599-15/1,2

I.64

Beads for women's headdress earflaps

Metal

Filigree, bending, soldering; threading

Len.: 14.2 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3599-15/1,2

II.1

Ложка

Дерево

Вырезание

Дл.: 52,0 см

Шир.: 11,0 см

Елисаветпольская губ., Зангезургский у.,

с. Бердадзор

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-52

II.1

Spoon

Wood

Cutting out

Len.: 52.0 cm

Wd.: 11.0 cm

Elizavetpol Gov., Zangezur Uyezd,

Berdadzor village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-52

II.2

Ложка

Дерево

Вырезание

Дл.: 22,0 см

Шир.: 5,0 см

Елисаветпольская губ., Зангезургский у.,

с. Бердадзор

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-54

II.2

Spoon

Wood

Cutting out

Len.: 22.0 cm

Wd.: 5.0 cm

Elizavetpol Gov., Zangezur Uyezd,

Berdadzor village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-54

II.3

Ложка

Дерево

Вырезание

Дл.: 19,0 см, Шир.: 5,0 см

Елисаветпольская губ., Зангезургский у.,

с. Бердадзор

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-53

II.3

Spoon

Wood

Cutting out

Len.: 19.0 cm, Wd.: 5.0 cm

Elizavetpol Gov., Zangezur Uyezd,

Berdadzor village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-53

II.4

Ложка

Дерево

Вырезание

Дл.: 21,0 см, Шир.: 5,0 см

Елисаветпольская губ., Зангезургский у.,

с. Бердадзор

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-55

II.4

Spoon

Wood

Cutting out

Len.: 21.0 cm

Wd.: 5.0 cm

Elizavetpol Gov., Zangezur Uyezd,

Berdadzor village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-55

II.5

Инструмент для выравнивания ложек
Металл; дерево
Ковка; вырезание
Дл.: 19,5 см (общая); 12,0 см (ручки)
Шир.: 2 см
Елисаветпольская губ., Зангезургский у.,
с. Бердадзор
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-56

II.5

Spoon smoothing tool
Metal; wood
Forging; cutting out
Ov.: 21.0 cm (overall); 12.0 cm (handle)
Wd.: 5.0 cm
Elizavetpol Gov., Zangezur Uyezd,
Berdadzor village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-56

III.1

Гончарный станок (часть)
Дерево; металл (гвозди)
Вырезание; ковка
Дл.: 60, см
Шир.: 58,0 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX в.–начало XX в.
РЭМ 3518-77

III.1

Potter's wheel (part)
Wood; metal (nails)
Cutting out; forging
Len.: 60.0 cm
Wd.: 58.0 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-77

III.2

Пята к гончарному станку
Металл
Ковка
Дл.: 22,5 см
Шир.: 2,8 см
Выс.: 1,5 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-78

III.2

Heel for the potter's wheel
Metal
Forging
Len.: 22.5 cm
Wd.: 2.8 cm
Ht.: 1.5 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-78

III.3

Лопаточка для выравнивания горшка
Металл; дерево
Ковка; вырезание
Дл.: 20,0 см
Шир.: 2,0 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-81

III.3

Spattle for smoothing out the pot
Metal; wood
Forging; cutting out
Len.: 20.0 cm
Wd.: 2.0 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-81

III.4

Лопаточка для выравнивания горшка
Дерево
Вырезание
Дл.: 19,0 см
Шир.: 3,5 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-82

III.4

Pot shaping spatula
Wood
Cutting out
Len.: 19.0 cm
Wd.: 3.5 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-82

III.5

Горшок для цветов
Глина
Формовка на гончарном круге, обжиг
Выс.: 14,5 см
Диам. устья: 13,2 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-61

III.5

Flower pot
Clay
Shaping on potter's wheel, firing
Ht.: 14.5 cm
Mouth's Dia.: 13.2 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-61

III.6

Кувшин для воды
Глина
Формовка на гончарном круге, обжиг
Выс.: 24,5 см
Шир. устья: 9,0 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-62

III.6

Water jug
Clay
Shaping on potter's wheel, firing
Ht.: 24.5 cm
Mouth's Dia.: 9.0 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-62

III.7

Кувшин для воды
Кула
Глина
Формовка на гончарном круге, обжиг
Выс.: 33,0 см
Диам. устья: 5,0 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-64

III.7

Water jug
Koola
Clay
Shaping on potter's wheel, firing
Ht.: 33.0 cm
Mouth's Dia.: 5.0 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-64

III.8

Кувшин для воды
Кула
Глина
Формовка на гончарном круге, обжиг
Выс.: 32,5 см
Диам. устья: 5,0 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-65

III.8

Water jug
Koola
Clay
Shaping on potter's wheel, firing
Ht.: 32.5 cm
Mouth's Dia.: 5.0 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-65

III.9

Кувшин для воды
Ошнак
Глина
Формовка на гончарном круге, обжиг
Выс.: 32,5 см
Диам. устья: 5,0 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-66

III.9

Water jug
Oshnak
Clay
Shaping on potter's wheel, firing
Ht.: 32.5 cm
Mouth's Dia.: 5.0 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-66

III.10

Кувшин для воды
Парч
Глина
Формовка на гончарном круге, обжиг
Выс.: 15,0 см
Диам. устья: 7,0 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-67

III.10

Water jug
Parch
Clay
Shaping on potter's wheel, firing
Ht.: 15.0 cm
Mouth's Dia.: 7.0 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-67

III.11

Светильник
Чирах
Глина
Формовка на гончарном круге, обжиг
Выс.: 15,0 см
Дл.: 16,0 см
Диам. верха: 10,0 см
Елисаветпольская губ., с. Хрхан
Конец XIX–начало XX в.
РЭМ 3518-69

III.11

Lamp
Chirakh
Clay
Shaping on potter's wheel, firing
Ht.: 15.0 cm
Len.: 16.0 cm
Top's Dia.: 10.0 cm
Elizavetpol Gov., Khrkhan village
Late 19th–early 20th c.
РЭМ 3518-69

III.12

Горшок

Кюч

Глина

Формовка на гончарном круге, обжиг

Выс.: 18,5 см

Диам. устья: 10,0 см

Елисаветпольская губ., с. Хрхан

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-70

III.12

Pot

Kyuch

Clay

Shaping on potter's wheel, firing

Ht.: 18.5 cm

Mouth's Dia.: 10.0 cm

Elizavetpol Gov., Khrkhan village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-70

III.13

Горшок для варенья

Глина

Формовка на гончарном круге, обжиг

Выс.: 26,5 см

Диам. устья: 10,1 см

Елисаветпольская губ., с. Хрхан

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-71

III.13

Jam pot

Clay

Shaping on potter's wheel, firing

Ht.: 26.5 cm

Mouth's Dia.: 10.1 cm

Elizavetpol Gov., Khrkhan village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-71

III.14

Сосуд

Кож

Глина

Формовка на гончарном круге, обжиг

Выс.: 52,0 см

Диам. устья: 6,0 см

Елисаветпольская губ., с. Хрхан

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-73

III.14

Container

Kozh

Clay

Shaping on potter's wheel, firing

Ht.: 52.0 cm

Mouth's Dia.: 6.0 cm

Elizavetpol Gov., Khrkhan village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-73

III.15

Водосточная труба

Армунк

Глина

Формовка на гончарном круге, обжиг

Дл.: 25,0 см

Диам.: 9,0 см; 7,5 см

Елисаветпольская губ., с. Хрхан

Конец XIX в.–начало XX в.

РЭМ 3518-75

III.15

Rainwater pipe

Armunk

Clay

Shaping on potter's wheel, firing

Len.: 25.0 cm

Dia.: 9.0 cm; 7.5 cm

Elizavetpol Gov., Khrkhan village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-75

III.16

Водосточная труба

Цунк

Глина

Формовка на гончарном круге, обжиг

Дл.: 42,5 см

Диам.: 10,0 см; 8,0 см

Елисаветпольская губ., с. Хрхан

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-74

III.16

Rainwater pipe

Tsunk

Clay

Shaping on potter's wheel, firing

Len.: 42.5 cm

Dia.: 10.0 cm; 8.0 cm

Elizavetpol Gov., Khrkhan village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-74

III.17

Сосуд

Бонч-кюпа

Глина

Формовка на гончарном круге, обжиг;

гравировка

Выс.: 57,0 см

Диам. устья: 7,0 см

Елисаветпольская губ., с. Хрхан

Конец XIX в.–начало XX в.

РЭМ 3518-76

III.17

Container

Bonch-kyupa

Clay

Shaping on potter's wheel, firing; engraving

Ht.: 57.0 cm

Mouth's Dia.: 7.0 cm

Elizavetpol Gov., Khrkhan village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-76

IV.1

Ярмо переднее (часть)

Дерево

Вырезание, строгание

Дл.: 55,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов IV.1.–IV.3

РЭМ 3518-85

IV.1

Front yoke (parts)

Wood

Cutting out, planing

Len.: 55.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items IV.1–IV.3

РЭМ 3518-85

IV.2

Колодка для лемеха

Дерево

Вырезание, строгание

Дл.: 65,0 см

Шир.: 38,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов IV.1–IV.3

РЭМ 3518-83

IV.2

Plowshare block

Wood

Cutting out, planing

Len.: 55.0 cm

Wd.: 38,0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items IV.1–IV.3

РЭМ 3518-83

IV.3

Ярмо заднее (часть)

Дерево

Вырезание, строгание

Дл.: 26,0 см; 54,0 см; 54,0 см; 19,0 см; 19,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

Входит в комплекс предметов IV.1–IV.3

РЭМ 3518-84

IV.3

Back yoke (parts)

Wood

Cutting out, planing

Len.: 26.0 cm; 54.0 cm; 54.0 cm; 19.0 cm; 19.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

Part of the set of items IV.1–IV.3

РЭМ 3518-84

IV.4

Серп

Металл; дерево

Ковка, гравировка; вытачивание

Дл.: 56,0 см

Шир.: 2,5 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-89

IV.4

Sickle

Metal; wood

Forging, engraving; turning

Len.: 56.0 cm

Wd.: 2.5 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-89

IV.5

Серп

Металл; дерево

Ковка, гравировка; вытачивание

Дл.: 46,0 см

Шир.: 5,5 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-90

IV.5

Sickle

Metal; wood

Forging, engraving; turning

Len.: 46.0 cm

Wd.: 5.5 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-90

IV.6

Наперсток для жатвы

Дерево

Вытачивание

Дл.: 7,0 см

Диам. отверстия: 2,0 см

Елисаветпольская губ., с. Бердадзор

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-57

IV.6

Harvest thimble

Wood

Turning

Len.: 7.0 cm

Opening's Wd.: 2.0 cm

Elizavetpol Gov., Berdadzor village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-57

IV.7

Наперсток для жатвы
 Дерево
 Вытачивание
 Дл.: 6,8 см
 Диамет. отверстия: 1,8 см
 Елисаветпольская губ., г. Бердадзор
 Конец XIX–начало XX в.
 РЭМ 3518-58

IV.7

Harvest thimble
 Sickle
 Wood, Turning
 Len.: 6.8 cm
 Opening's Wd.: 1.8 cm
 Elizavetpol Gov., Berdadzor village
 Late 19th–early 20th c.
 РЭМ 3518-58

V.1

Инструмент для тесания кузова
 музыкального инструмента
 Металл; дерево
 Ковка; вырезание
 Дл.: 37,0 см; тесла: 11,7 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-125

V.1

Cleaver for hewing the body
 of a musical instrument
 Metal; wood
 Forging; turning
 Len.: 37.0 cm; adze: 11.7.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-125

V.2

Инструмент для тесания кузова
 музыкального инструмента
 Металл; дерево
 Ковка; вытачивание
 Дл.: 30,0 см; тесла: 24,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-126

V.2

Cleaver for hewing the body
 of a musical instrument
 Metal; wood
 Forging; turning
 Len.: 30.0 cm; adze: 24.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-126

V.3

Инструмент для выскабливания
 кузова музыкального инструмента
 Металл; дерево
 Ковка; вытачивание
 Дл.: 40,0 см; рукоятки: 25,5 см, Шир.: 3,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX в.–начало XX в.
 Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-127

V.3

A tool for scraping the body
 of a musical instrument
 Metal; wood
 Forging; turning
 Len.: 40.0 cm; handle: 24.0 cm, Wd.: 3.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-127

V.4

Долото для изготовления
 музыкальных инструментов
 Металл; дерево
 Ковка; вытачивание
 Дл.: 27,5 см; рукоятки: 10,5 см, Шир.: 3,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-128

V.4

Chisel for making musical instruments
 Metal; wood
 Forging; turning
 Len.: 27.5 cm; handle: 10.5 cm, Wd.: 3.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-128

V.5

Напильник для изготовления
 музыкальных инструментов
 Металл
 Ковка, насечка, клеймение
 Дл.: 27,5 см; рукоятки: 10,5 см, Шир.: 3,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Конец XIX–начало XX в.
 Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-130

V.5

File for making musical instruments
 Metal
 Forging, notching, branding
 Len.: 27.5 cm; handle: 10.5 cm
 Wd.: 3.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Late 19th–early 20th c.
 Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-130

V.6

Напильник для изготовления музыкальных инструментов
Металл
Ковка, насечка
Дл.: 38,5 см, Шир.: 2,5 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
Входит в комплекс предметов V.1–V.20
РЭМ 3518-131

V.6

File for making musical instruments
Metal
Forging, notching
Len.: 38.5 cm, Wd.: 2.5 cm
Elizavetpol Gov., city Shushi
Late 19th–early 20th c.
Part of the set of items V.1–V.20
РЭМ 3518-131

V.7

Напильник для изготовления музыкальных инструментов
Металл
Ковка, насечка
Дл.: 24,2 см, Шир.: 1,2 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX в.–начало XX в.
Входит в комплекс предметов V.1–V.20
РЭМ 3518-132

V.7

File for making musical instruments
Metal
Forging, incision making
Len.: 24.2 cm, Wd.: 1.2 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
Part of the set of items V.1–V.20
РЭМ 3518-132

V.8

Лучок для сверления при изготовлении музыкальных инструментов
Дерево; кожа
Вытачивание
Дл.: 57,5 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
Входит в комплекс предметов V.1–V.20
РЭМ 3518-121

V.8

Bow drill for making musical instruments
Wood; leather
Turning
Len.: 57.5 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
Part of the set of items V.1–V.20
РЭМ 3518-121

V.9

Дрель для изготовления музыкальных инструментов
Дерево; кожа
Вырезание, сверление
Дл.: 39,0 см, Шир.: 28,0 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
Входит в комплекс предметов V.1–V.20
РЭМ 3518-124

V.9

Drill for making musical instruments
Wood; leather
Cutting out, drilling
Len.: 39.0 cm, Wd.: 28.0 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
Part of the set of items V.1–V.20
РЭМ 3518-124

V.10

Инструмент для сверления лучком при изготовлении музыкальных инструментов
Металл; дерево
Ковка; вытачивание
Дл.: 34,5 см; рукоятки: 29,0 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
Входит в комплекс предметов V.1–V.20
РЭМ 3518-123

V.10

Bow drill tool for making musical instruments
Metal; wood
Forging; turning
Len.: 34.5 cm; handle: 29.0 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
Part of the set of items V.1–V.20
РЭМ 3518-123

V.11

Инструмент для сверления лучком при изготовлении музыкальных инструментов
Металл; дерево
Ковка; вытачивание
Дл.: 18,0 см; рукоятки: 11,5 см
Елисаветпольская губ., г. Шуши
Конец XIX–начало XX в.
Входит в комплекс предметов V.1–V.20
РЭМ 3518-122

V.11

Bow drill tool for making musical instruments
Metal; wood
Forging; turning
Len.: 18.0 cm; handle: 11.5 cm
Elizavetpol Gov., the city of Shushi
Late 19th–early 20th c.
Part of the set of items V.1–V.20
РЭМ 3518-122

V.12

Струнный музыкальный инструмент

Tar

Дерево; пузырь животного происхождения; хлопчатобумажная нить; кость, рог; бархат
 Выдалбливание, вырезание, строгание, пиление, наклеивание; вырезание, полировка, наклеивание; наматывание; вырезание, наклеивание; ткачество, вырезание, наклеивание
 Дл.: 89,0 см, Шир. деки: 15,5 см
 Выс. кузова: 13,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Начало XX в.
 Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-94

V.12

String musical instrument

Tar

Wood; animal bladder; cotton thread; bone, horn; velvet
 Gouging, cutting out, planing, sawing, gluing; cutting out, polishing, gluing; winding; cutting out, gluing; weaving, cutting out, gluing
 Len.: 89.0 cm, Sounding board's Wd.: 15.5 cm
 Body's Ht.: 13.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Early 20th c.
 Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-94

V.13Заготовка корпуса струнного музыкального инструмента *tar*

Дерево; кость, рог

Выдалбливание, вырезание, строгание; вырезание, наклеивание

Дл. общ.: 41,0 см; кузова: 14,0 см

Шир. наиб.: 16,0 см

Выс. кузова: 14,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-95

V.13 Workpiece of the *tar* string instrument's body

Wood; bone, horn

Gouging, cutting out, planing; cutting out, gluing

Ov. Len.: 41.0 cm; body: 14.0 cm

Max. Wd.: 16.0 cm

Body's Ht.: 14.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-95

V.14Заготовка шейки струнного музыкального инструмента *tar*

Дерево; нить животного происхождения (сухожильная); рог

Вытачивание; вырезание, натягивание; вырезание, полировка, наклеивание

Дл.: 48,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-96

V.14Workpiece of the *tar* string instrument's neck

Wood; thread of animal origin; horn

Turning; cutting out, stretching on; cutting out, polishing, gluing

Len.: 48.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-96

V.15Заготовка головки струнного музыкального инструмента *tar*

Дерево; кость

Вытачивание, вырезание, выпиливание, сверление; вырезание, полировка, наклеивание

Дл.: 20,0 см, Шир.: 12,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-98

V.15Workpiece of the *tar* string instrument's head

Wood; bone

Turning, cutting out, sawing out, drilling; cutting out, polishing, gluing

Len.: 20.0 cm, Wd.: 12.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-98

V.16Колки (заготовки для струнного музыкального инструмента *tar*)

Дерево

Вытачивание

Дл.: 10,0 см, Диамет.: 10,0 см; 2,5 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

Входит в комплекс предметов V.1–V.20
 РЭМ 3518-99/1-4,6

V.16Pins (workpieces of the *tar* string instrument)

Wood

Turning

Len.: 10.0 cm

Dia.: 10.0 cm; 2.5 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

Part of the set of items V.1–V.20
 РЭМ 3518-99/1-4,6

V.17

Колка (заготовка для струнного музыкального инструмента *tar*)

Дерево

Вытачивание

Дл.: 8,5 см

Шир.: 2,2 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

Входит в комплекс предметов V.1–V.20

РЭМ 3518-100

V.17

Pin (workpiece of the *tar* string instrument)

Wood

Turning

Len.: 8.5 cm

Wd.: 2.2. cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

Part of the set of items V.1–V.20

РЭМ 3518-100

V.18

Подставка под струны со струной прикрепления (заготовка для струнного музыкального инструмента *tar*)

Рог; нить животного происхождения:

сухожильная

Вытачивание, полировка; вырезание, вытягивание

Дл.: 7,5 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

Входит в комплекс предметов V.1–V.20

РЭМ 3518-104

V.18

Stringbridge with a fastening string (workpiece of the *tar* string instrument)

Horn; thread of animal origin: tendinous

Turning, polishing; cutting out, stretching

Len.: 7.5 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

Part of the set of items V.1–V.20

РЭМ 3518-104

V.19

Струна prima (в мотке, заготовка для струнного музыкального инструмента *tar*)

Медь

Волочение

Диам. мотка: 6,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

Входит в комплекс предметов V.1–V.20

РЭМ 3518-117

V.19

Prima string (coiled, workpiece of the *tar* string instrument)

Copper

Wire drawing

Reel's Dia.: 6.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

Part of the set of items V.1–V.20

РЭМ 3518-117

V.20

Струны secunda (в мотках, заготовка для струнного музыкального инструмента *tar*)

Медь

Волочение

Диам. мотков: 4,5 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

Входит в комплекс предметов V.1–V.20

РЭМ 3518-118/1-3

V.20

Secunda strings (coiled, workpiece of the *tar* string instrument)

Copper

Wire drawing

Reel's Dia.: 4.5 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

Part of the set of items V.1–V.20

РЭМ 3518-118/1-3

V.21

Духовой музыкальный инструмент

Zurna

Дерево; металл, хлопчатобумажная нить; кость

Вытачивание, сверление; ковка, штамповка,

волочение, пайка; наматывание; вытачивание,

полировка

Дл.: 37,5 см

Диам. раструба: 5,0 см

Елисаветпольская губ., г. Шуши

Начало XX в.

РЭМ 3518-134

V.21

Woodwind instrument

Zurna

Wood; metal, cotton thread; bone

Turning, drilling; forging, stamping, wire drawing,

soldering; winding; turning, polishing

Len.: 37.5 cm

Bell's Dia.: 5.0 cm

Elizavetpol Gov., the city of Shushi

Early 20th c.

РЭМ 3518-134

V.22

Духовой музыкальный инструмент
Зурна
 Дерево
 Вытачивание, сверление
 Дл.: 31,0 см, Дdiam. раструба: 4,5 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Начало XX в.
 РЭМ 3518-135

V.22

Woodwind instrument
Zurna
 Wood
 Turning, drilling
 Len.: 31.0 cm, Bell's Dia.: 4.5 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Early 20th c.
 РЭМ 3518-135

V.23

Духовой музыкальный инструмент
Дудук
 Дерево
 Вытачивание, сверление
 Дл.: 30,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Начало XX в.
 РЭМ 3518-137

V.23

Woodwind instrument
Duduk
 Wood
 Turning, drilling
 Len.: 30.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Early 20th c.
 РЭМ 3518-137

V.24

Духовой музыкальный инструмент
Дудук
 Дерево
 Вытачивание, сверление
 Дл.: 30,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Начало XX в.
 РЭМ 3518-139

V.24

Woodwind instrument
Duduk
 Wood
 Turning, drilling
 Len.: 30.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Early 20th c.
 РЭМ 3518-139

V.25

Духовой музыкальный инструмент
Дудук
 Дерево
 Вытачивание, сверление
 Дл.: 25,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Начало XX в.
 РЭМ 3518-136

V.25

Woodwind instrument
Duduk
 Wood
 Turning, drilling
 Len.: 25.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Early 20th c.
 РЭМ 3518-136

V.26

Духовой музыкальный инструмент
Дудук
 Дерево
 Вытачивание, сверление
 Дл.: 25,0 см
 Елисаветпольская губ., г. Шуши
 Начало XX в.
 РЭМ 3518-138

V.26

Woodwind instrument
Duduk
 Wood
 Turning, drilling
 Len.: 25.0 cm
 Elizavetpol Gov., the city of Shushi
 Early 20th c.
 РЭМ 3518-138

VI.1

Безворсовый односторонний ковер
 Шерсть
 Сшит из двух частей: полотняное переплетение; перевивка (twine) с неравномерным шагом в 3–5 нитей основы, настилы, обкрутка: одинарная на 3–4–5 нитях основы, двойная симметричная на 3–4–5 нитях основы, диагональная на 3 нитях основы, сумак 6–9:3–5
 Дл.: 181,0 см, Шир.: 185,0-189,0 см
 Дл. бахромы: 2,0/2,0 см
 Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен
 Конец XIX в.
 РЭМ 3518-91

VI.1

Pileless single-sided carpet
 Wool
 Stitched together from two parts: plain weave; twine with irregular pitch of 3–5 base threads, decking, wrap: single on 3–4–5 base threads, double symmetrical on 3–4–5 base threads, diagonal on 3 base threads, sumac 6–9:3–5
 Len.: 181.0 cm, Wd.: 185.0–189.0 cm
 Fringed's Len.: 2.0/2.0 cm
 Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village
 Late 19th c.
 РЭМ 3518-91

VI.2

Безворсовый двусторонний ковер

Шерсть

Плотняное переплетение с репсовым (уточным) эффектом; сложная сцепка утков-ткачество с просветами («килим с зазором»); «перевивка» с шагом в три нити основы

Дл.: 242,0–245,0 см

Шир.: 145,0–152,0 см

Дл. бахромы: 5,0–7,0/12,0–16,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-92

VI.2

Pileless double-sided carpet

Wool

Plain weaving with rep (weft) effect; complex weft linking-gap weaving ('kilim with gaps'); 'twine' with three base-threads pitch

Len.: 242.0–245.0 cm

Wd.: 145.0–152.0 cm

Frindge's Len.: 5.0–7.0/12.0–16.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-92

VI.3

Безворсовый двусторонний ковер

Шерсть

Плотняное плетение с репсовым (уточным) эффектом, сложная сцепка утков-ткачество с просветами («килим с зазором»)

Дл.: 271,0 - 274,0 см

Шир.: 140,0 - 151,0 см

Дл. бахромы: 2,0/20,0–24,0 см

Елисаветпольская губ., с. Кайбали-шен

Конец XIX–начало XX в.

РЭМ 3518-93

VI.3

Pileless double-sided carpet

Wool

Plain weaving with rep (weft) effect, complex weft linking-gap weaving ('kilim with gaps')

Len.: 271.0–274.0 cm

Wd.: 140.0–151.0 cm

Frindge's Len.: 2.0/20.0–24.0 cm

Elizavetpol Gov., Kaibali-shen village

Late 19th–early 20th c.

РЭМ 3518-93

ЛИТЕРАТУРА/ BIBLIOGRAPHY

- Абрамян, Р. Камеральное описание селения Каладараси (1832–1833 годов) / Р. Абрамян, С. Меликсетян // Армянская генеалогия: научный альманах. – Москва, Ереван: Старая Басманная, 2022. – Том первый. – С. 192–205. – ISBN 978-5-907169-66-1.
- Александр Рубцов / науч. рук. Е. Петрова; авт. ст.: А. Хамза, Т. Чудиновская, Ф. Миттеран. – Санкт-Петербург: Palace Edition, 2022. – 164 с. – ISBN 978-3-906917-11-5.
- Армяне / отв. ред. Л. М. Варданян, Г. С. Сарксян, А. Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. – Москва: Наука, 2012. – 648 с. – ISBN 978-5-02-037563-5.
- Гущян, Л. С. Орнитоморфный орнамент в армянском женском костюме (по материалам коллекций РЭМ) / Л. С. Гущян // Орнаментика в артефактах традиционных культур: материалы Пятнадцатых международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. 13–15 декабря, 2016 г. – Санкт-Петербург: ИПЦ СПГУТД, 2016. – С. 118–122. – ISBN 978-5-7937-1295-8.
- Дмитриев, В. А. Развитие концепции комплектования коллекций / В. А. Дмитриев, Н. М. Калашникова // Музей. Традиции. Этничность. – 2017. – № 1 (11). – С. 5–20. – ISBN 978-5-9501-0282-0.
- Дмитриев, С. В. Фонд Этнографического отдела Русского музея по культуре народов зарубежного Востока: история формирования и судьба (1901–1930-е гг.) / С. В. Дмитриев. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 2012. – 832 с. – ISBN 978-5-8465-1259-7.
- Кавказский календарь на 1856 год, изданный от Канцелярии Наместника Кавказского. – Тифлис: Изд-во Наместника Кавказского, 1855. – 785, VI с.
- Лисициан, С. Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении / С. Д. Лисициан // Кавказский этнографический сборник. – Москва: Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 1. – С. 182–264.
- Малашевская, Л. Дмитриев-Кавказский и его «Мастерская для учащихся». – URL: <https://forum.artinvestment.ru/blog.php?b=805> (дата обращения: 22.08.2022).
- Марутян, А. Т. Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XX в.) / А. Т. Марутян // Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. – Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1989. – Т. 17. – С. 65–142. – ISBN 5-8080-0010-6.
- Отчет С. М. Дудина о поездках в Среднюю Азию в 1900–1902 гг. / вступ. ст. и прим. Т. Г. Емельяненко. – Москва: Фонд Марджани, 2021. – 561 с. – ISBN: 978-5-6040378-4-3.
- Программа для собирания этнографических предметов. Изд-е III Этнографического отдела Русского музея императора Александра III. – Санкт-Петербург, 1904. – 51 с.
- Студенецкая, Е. Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII–XX вв. / Е. Н. Студенецкая. – Москва: Наука, 1989. – 288 с. – ISBN 5-02-009902-1.
- Тер-Саркисянц, А. Е. Армяне. История и этнокультурные традиции / А. Е. Тер-Саркисянц. – Москва: Восточная литература, 1998. – 394 с. – ISBN 5-02-018002-5.
- Тер-Саркисянц, А. Армяне Нагорного Карабаха / А. Тер-Саркисянц. – Москва: Русская панорама, 2015. – 918 с. – ISBN 978-5-93165-318-1.
- Царева, Е. Г. Килим / Е. Г. Царева // БРЭ. – URL: <https://bigenc.ru/ethnology/text/2063577> (дата обращения: 9.05.2022).

- Բարխուտարեանց, Մ. Եպս. Աղուանից երկիր և դրացիք: Արցախ./ Մ. Եպս. Բարխուտարեանց. – Երևան, Գանձասար, 1999.–415 էջ:–ISBN 99930-70-01-7.
- Բդոյան, Վ. Հ. Հայ ազգագրություն: Համառոտ ուրվագիծ. / Վ. Հ. Բդոյան.– Երևան, ԵՊՀ հրատ., 1974.–287 էջ:
- Գաբրիելյան, Ա. Արցախի Տիգրանակերտի անտիկ խեցեղենը (տեխնիկատեխնոլոգիական բնութագիրը, գործառնության-ձևաբանական դասակարգումը, գեղարվեստական հարդարանքը) սեղմագիր. «Հնագիտություն» մասնագիտությամբ ս. գ. թ. գիտ. աստիճանի հայցման ատենախոսության սեղմագիր» / Ա. Գաբրիելյան.– Երևան, 2020.– 24 էջ:
- Լալայան, Ե. Երկեր հինգ հատորով. / Ե. Լալայան.– Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1988.– Հ. 2.–505 էջ:
- Լիսիցյան, Ս. Ջանգեզուրի հայերը. / Ս. Լիսիցյան.–Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1969.– 335 էջ:
- Լիսիցյան, Ս. Լեռնային Ղարաբաղի հայերը (ազգագրական ակնարկ) / Ս. Լիսիցյան // Հայ ազգագրություն և բանասիրություն. նյութեր և ուսումնասիրություններ.– Երևան, ՀԽՍՀ ԳԱ հրատ., 1981.– Հ. 12. – էջ 9–84:
- Հայոց լեզվի բարբառային բառարան / Հ. Աճառյանի անվան լեզվի ինստիտուտ. – Երևան, Գիտություն, 2001. – Հ. I.–427 էջ:–ISBN: 5-8080-0482-9, 978-5-8080-0482-5.
- Armenian costume 18th–19th c.: album-catalog.–Yerevan: Historical Museum of Armenia Publishing House, 2014.–Text in Armenian and in English–160 p.–ISBN 978-9939-1-0040-1.
- Bamborough Ph. Alte Teppiche aus dem Orient. Gewerbemuseum. Basel. Verlag für Sammler, 1980.–148 c.
- Besancenot J. Bijoux arabes et berbères du Maroc: 40 planches comprenant 193 modèles de bijoux, dessinés et commentés.–Casablanca: Ed. de la Cigogne, 1953.–XVI, 18 p.
- Besancenot J. Costumes et types du Maroc illustrés de soixante gouaches reproduites en facsimile et en camaïeu.–Paris: Horizons de France, 1942.–62 p.
- Gushchyan, L. S. Cultural Heritage of Western Armenia: Materials on the Culture of the Armenians of the Van Region in the Collection of the RME (expedition of A. A. Miller, 1916). / L. S. Gushchyan. – Yerevan: Nushikian Association Publishing House, 2015. – Text in Russian and in English–224 p.– ISBN 978-9939-9077-6-5.
- Israelyan, A. Armenian Amulets of the 18 th –20 th C. / A. Israelyan. – Yerevan: Publishing House of the Historical Museum of Armenia. 2012.–Text in Armenian and in English–224 p.–ISBN 978-99941-2-767-2.
- Israelyan, A. Armenian Women's Jewelry of the 18 th –20 th C. / A. Israelyan – Yerevan: Historical Museum of Armenia Publishing House, 2021.–Text in Armenian and in English–216 p.–ISBN978-9939-9227-8-2.
- Mannesmannn.–URL: <https://ru.frwiki.wiki/wiki/Mannesmann>(дата обращения: 29.04.2022).
- Rackow E. Beitrage zur Kenntnis der materiallen Kultur Nordwest-Marokkos. Wohnraum, Hausrat, Kostum.–Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958.–XII, 54 p.

СОКРАЩЕНИЯ

АРЭМ – Архив Российского этнографического музея
БРЭ – Большая российская энциклопедия
ЕРГУ – Ереванский государственный университет
ИАЭ НАН РА – Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук Республики Армения
ИПЦ СПГУТД – Издательско-полиграфический центр Санкт-Петербургского
государственного университета технологии и дизайна
НАН РА – Национальная академия наук Республики Армения
РАН – Российская академия наук
РИ – Российская империя
РЭМ – Российский этнографический музей
СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
ЭО – Этнографический отдел

ABBREVIATIONS

ARME – Archive of the Russian Museum of Ethnography
ED – Ethnographic Department
Gov. – Governorate
GRE – Great Russian Encyclopedia
NAS RA – National Academy of Sciences of the Republic of Armenia
PPC of SPSUTD – Publishing & Polygraphic Center
of Saint Petersburg State University of Technologies and Design
RAS – Russian Academy of Sciences
RE – Russian Empire
РЭМ (RME) – Russian Museum of Ethnography
SPb – Saint Petersburg
SPbSU – Saint Petersburg State University
YSU – Yerevan State University

ПАМЯТНИКИ АРМЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

КОЛЛЕКЦИИ К. З. КАВТАРАДЗЕ ИЗ СОБРАНИЯ
РОССИЙСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ARMENIAN CULTURAL ARTIFACTS

C. Z. KAVTARADZE'S COLLECTIONS
FROM THE RUSSIAN MUSEUM OF ETHNOGRAPHY